ISSN 2949-5725

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

№ 3 (12) 2026

Журнал основан в 2023 году. Издается один раз в три месяца.
Периодическое печатное издание (журнал): «Право и государственность».
Учредитель: Шайхуллин Марат Селирович.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-86059 от 13.10.2023 г.
Адрес издателя и редакции: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.
Издатель: Шайхуллин Марат Селирович, адрес издателя: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.
Адрес типографии: 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ООО МедиаПринт, ул. 50 лет Октября, д. 20, тел.: +7 (347) 216-34-45, веб-сайт: https://mdprint.ru.
Дата выхода в свет: 14.09.2026. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 6.08. Тираж 50 экз. Свободная цена.
E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** +7-903-31-25-790. **Веб-сайт:** https://lawstate-journal.ru.
Журнал размещается в открытом доступе в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 10-01/2024.
Журнал индексируется в РИНЦ.
Подписной индекс издания 015490. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru.

LAW AND STATEHOOD

№ 3 (12) 2026

The magazine was founded in 2023. It is published once every three months.
Periodical print publication (magazine): «Law and Statehood»
Founder: Shaikhullin Marat Selirovich.
Registration body: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Registration number: PI №. FS 77-86059 of 13.10.2023.
Address of the publisher and editorial office: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.
Publisher: Shaikhullin Marat Selirovich, publisher address: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.
Printing house address: 450005, Ufa, Russian Federation, OOO MediaPrint, st. 50 years of October, 20, tel.: +7 (347) 216-34-45, website: https://mdprint.ru.
Release date: 14.09.2026. 62x84 1/8 format. Cond. pech. l. 6.08. Circulation of 50 copies. Free price.
E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Tel.:** + 7-903-31-25-790. **Website:** https://lawstate-journal.ru.
The journal is publicly available in the Scientific Electronic Library of elibrary.ru under contract № 10-01/2024
The journal is indexed in the RSCI.
Subscription index 015490. Placement in electronic subscription catalogue GC «Ural-Press» - on the website www.ural-press.ru.

16+

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала. При использовании материалов, содержащихся в журнале, вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на статьи и иные материалы, опубликованные в данном издании.

All rights reserved and protected by the copyright law of the Russian Federation. References to this edition are mandatory. The point of view of the authors of the materials published in the journal may not coincide with the point of view of the Editorial Board and the Editorial Board of the journal. When using the materials contained in the journal, you must provide an appropriate indication of authorship, provide a link to articles and other materials published in this edition.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии.

Члены редакционного совета

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Блинов Александр Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);
Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);
Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);
Малый Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Казань);
Михеева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Йошкар-Ола);
Мохов Александр Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);
Петров Дмитрий Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Покачалова Елена Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);
Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Туманов Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Филиппов Петр Мартынович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации;
Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Шапиро Людмила Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации г. Саратов);

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, адвокат, главный редактор журнала «Право и государственность».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель главного редактора;
Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь;
Герасимов Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии;
Грудцына Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
Колесников Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии;
Колесников Андрей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии;
Миронов Ринат Гаянович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академия ВЭГУ);
Миннигулова Динара Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;
Остапович Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;
Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета;
Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России;
Королёв Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Саратовского филиала ИГП РАН;
Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН;
Нырков Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии;
Сергеенко Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии;
Высоцкая Нателла Валерьевна – литературный редактор.

LAW AND STATEHOOD

Scientific and legal journal

EDITORIAL COUNCIL

Chairman

Sokolov Alexander Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy.

Editorial Board Members

Belousov Sergey Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Blinov Alexander Georgievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Kozhevnikov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg);

Levushkin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University) (Moscow);

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Maly Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kazan);

Mikheeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Mari State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Yoshkar-Ola);

Mokhov Alexander Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Medical Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow);

Petrov Dmitry Evgenievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Pokachalova Elena Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Tumanov Sergey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State History and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Filippov Petr Martynovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Channov Sergey Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Shapiro Lyudmila Gennadievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saratov);

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawyer, editor-in-chief of the journal "Law and Statehood".

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor.

Editorial Board Members

Stankin Alexey Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Chief Editor;
Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Executive Secretary;
Gerasimov Alexander Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy;
Grudtsyna Lyudmila Yurievna – Doctor of Law, Professor, Lawyer, Professor of the Department of Civil Law Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation;
Kolesnikov Evgeny Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy;
Kolesnikov Andrey Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy;
Mironov Rinat Gayanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy (WESU Academy);
Minnigulova Dinara Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Process of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Ostapovich Igor Yuryevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;
Khabibullina Gulnara Rushanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University;
Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Korolev Stanislav Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Saratov Branch of the IGP RAS;
Lakaev Oleg Anatolyevich – Candidate of Law, Senior Researcher of the Saratov Branch of the IGP RAS;
Nyrkov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy;
Sergeenko Yulia Sergeevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy;
Vysotskaya Natella Valerievna – literary editor.

Содержание

ЮРИДИЧЕСКИЙ МИР: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ПРАВО И НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Юбилей доктора юридических наук Динары Борисовны Миннигуловой 8

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Шайхуллин М.С.
Историко-теоретический анализ значения традиций и обычаев в системе правового регулирования общественных отношений 13

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Блинов А.Г.
Антимонопольный комплаенс как инструмент предупреждения нарушений законодательства в сферах естественной монополии 21

Шетогубов П.А.
Некоторые вопросы совершенствования ответственности по статье 13.41 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях .. 27

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Миннигулова А.Н., Миронова Е.Ю.
Гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый беспилотным воздушным судном 32

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Маликов Б.З.
Вопросы криминологии: социальные факторы и причинность «всплеска» насильственных деяний, в среде обучающихся несовершеннолетних лиц 38

Набиев Ф.Ф.
К вопросу об относимости и допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности 53

Мигранов Р.Н.
Организационно-правовые аспекты проведения проверки сообщения о преступлении на этапе возбуждения уголовного дела 59

Гаджиалиева А.Т.
Эволюция правового регулирования и практики применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве России 64

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Самигуллин В.К.
Трансформация правовой реальности: вызовы и перспективы в условиях научно-технической революции, компьютеризации и цифровизации 73

Шайхуллин М.С.
Пьянство и алкоголизм: вопросы уголовно-правового и иного противодействия 77

Станкин А.Н.
К вопросу о совершенствовании методики преподавания в высших учебных заведениях правоохранительных органов 84

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 88

Contents

LEGAL WORLD: PEOPLE, EVENTS, LAW AND NEW REALITY

Anniversary of doctor of legal sciences Dinars Borisovna Minnigulova 8

THEORY OF STATE AND LAW

Shaikhullin M.S.
Historical and theoretical analysis of the significance of traditions and customs in the system of legal regulation of public relations 13

PUBLICLY LEGAL (STATE-LEGAL) SCIENCES

Blinov A.G.
Antimonopoly compliance as a tool for preventing violations of the law in the areas of natural monopoly 21

Shetogubov P.A.
Some issues of improving liability under Article 13.41 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation 27

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

Minnigulova A.N., Mironova E.Yu.
Civil liability for damage caused by unmanned aircraft 32

CRIMINAL LAW SCIENCES

Malikov B.Z.
Criminology issues: social factors and the causality of the «surge» of violent acts among underage students 38

Nabiev F.F.
On the issue of the relative validity and admissibility of evidence obtained as a result of operational and investigative activity 53

Migranov R.N.
Organizational and legal aspects of checking the report of a crime at the stage of initiating a criminal case 59

Gadzhialieva A.T.
The evolution of legal regulation and the practice of using information technologies in criminal proceedings in Russia 64

DISCUSSION TRIBUNE

Samigullin V.K.
Transformation of legal reality: challenges and prospects in the context of the scientific and technological revolution, computerization and digitalization 73

Shaikhullin M.S.
Drunkenness and alcoholism: issues of criminal law and other counteraction 77

Stankin A.N.
On the issue of improving teaching methods in higher educational institutions of law enforcement agencies 84

INFORMATION FOR AUTHORS 88

DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.001

ЮБИЛЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ДИНАРЫ БОРИСОВНЫ МИННИГУЛОВОЙ

Аннотация. Материал подготовлен к юбилею профессора, ученого, доктора юридических наук Миннигуловой Динары Борисовны. В материале освещается информация об основных этапах творческой и научной деятельности, личных качества юбиляра. Отмечается о вкладе ученого в развитие юридической науки.

Ключевые слова: юбилей, Миннигулова Динара Борисовна, педагог, ученый.

ANNIVERSARY OF DOCTOR OF LEGAL SCIENCES DINARS BORISOVNA MINNIGULOVA

Abstract. The material was prepared for the anniversary of the professor, scientist, doctor of legal sciences Minnigulova Dinara Borisovna. The material covers information about the main stages of creative and scientific activities, personal qualities of the hero of the day. It is noted about the contribution of the scientist to the development of legal science.

Key words: anniversary, Minnigulova Dinara Borisovna, teacher, scientist.

7 июня этого года юбилей доктора юридических наук, профессора кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского Университета МВД

России Миннигуловой Динары Борисовны. Уже более 27 лет она осуществляет подготовку государственных служащих и юристов Российской Федерации и стран СНГ. Ее педагогический путь достаточно богат и разнообразен.

Начала свою преподавательскую деятельность ассистентом кафедры в Башкирском государственном университете (1998-2001 гг.), затем долгое время занимала разные должности в Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (2001-2018 гг.), затем трудилась в Казанском филиале Российского государственного университета правосудия (2018-2020 гг.), а в настоящий момент преподает в Санкт-Петербургском университете МВД России. В рамках международной академической мобильности проводила занятия в Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики (г. Чолпан-Ата, 2012 г., г. Бишкек, 2013 г.), Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, 2014 г.), Академии государственного управления Республики Армения (г. Ереван, 2014 г.), Академии публичного управления Республики Молдова (г. Кишинев, 2016 г.), Академии государственной службы при Президенте Туркменистана (г. Ашхабад, 2017 г.), Международном казахско-турецком университете им. Х.А. Ясави (г. Туркестан, 2018 г.).

Юбиляр родился в городе Уфа Башкирской АССР (ныне – Республика Башкортостан). Её отец – Минигулов Борис Салимгареевич (03.06.1946 г.р.) – подполковник милиции в отставке, арбитражный управляющий, мать – Минигулова (в девичестве Исламуратова) Флера Тимербулатовна (30.09.1951 г.р.), химик, бухгалтер.

Научный путь Динары Борисовны начался с прочной университетской основы. Образование, полученное в Башкирском государственном университете (1993-1998 гг.), уже тогда обозначило круг ее интересов.

В 2002 г. Динара Борисовна защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидат юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право на тему «Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с загрязнением окружающей природной среды».

Кандидатская диссертация Д.Б. Миннигуловой стала одним из первых комплексных исследований на стыке уголовного права и криминологии по теме экологической преступности после принятия УК РФ 1996 года. В работе акцентируется внимание на изменении парадигмы борьбы с загрязнением окружающей природной среды, заключающемся в сочетании уголовно-правовых мер с другими инструментами — административными, экономическими, общественными и переходе от ликвидации последствий загрязнения окружающей природной среды к предупреждению экологических преступлений (большинство норм об ответственности за загрязнение окружающей среды по ее мнению следует сконструировать по принципу формальных составов). Суть подхода Д.Б. Миннигуловой в комплексном и упреждающем характере государственных мер в области охраны окружающей природной среды. Она выступила за переход от реакции на уже совершённые экологические преступления к стратегии их предупреждения через устранение причин и условий, порождающих такие преступления. То есть цель — не только наказывать, но и создавать такие условия, при которых у физических лиц и организаций просто не возникало бы мотивации нарушать экологические стандарты.

В работе дано доктринальное определение категории «экологическая безопасность» — это объективное состояние защищённости интересов личности, общества и государства от техногенных и природных угроз, в том числе порождённых деятельностью человека (умышленной или неосторожной), а также осознание субъектами такой защищённости.

Она предложила дополнить УК РФ статьёй, которая устанавливала бы ответственность за укрытие информации об экологической угрозе и наказывать за экологические преступления юридические лица. Уже в кандидатской диссертации Динара Борисовна обращает внимание на важность четко выверенной государственной полити-

ки, в частности, она указывает, что актуальной целью государственного управления в области охраны окружающей природной среды является переход от ликвидации последствий экологических преступлений к стратегии их превенции. Эффективность любых правовых средств, призванных корректировать в законопослушном направлении поведение граждан и юридических лиц, достигается не столько репрессивными мерами, сколько совершенствованием самих общественных отношений, и, в первую очередь, через согласование интересов субъектов этих отношений.

Затем тема государственного управления получила свое развитие в защищенной ею в 2013 году докторской диссертации в Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина по специальности 12.00.14 – административное право; административный процесс на тему «Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и проблемы его реализации».

В докторской диссертации Д.Б. Миннигулова определяет административно-правовой статус государственных гражданских служащих как совокупность служебных обязанностей и прав, а также ограничений, запретов, правил служебного поведения, гарантий и компенсаций. Подчеркивает определяющую роль служебных обязанностей в структуре административно-правового статуса государственных гражданских служащих, они детерминируют (обусловливают) функционирование других элементов статуса — прав, ограничений, запретов, гарантий. Она дифференцирует два уровня регулирования статуса государственных гражданских служащих: 1) основополагающий (исходный) уровень — установление общего правового статуса государственных служащих; 2) специальный уровень — регламентация конкретного вида государственной службы с учётом его специфики. При этом она дифференцирует и анализирует как статический, так и динамический административно-правовой статус государственных гражданских служащих. В исследовании предложены оригинальные теоретические определения ряда понятий: «административно-правовой статус государственных гражданских служащих», «служебный контракт», «служебные обязанности», «служебные права», «юридическая ответственность гражданских служащих». На основе анализа норм, практики и научных источников ею разработана Концепция административно-правового статуса государственных гражданских служащих России. Предложена классификация правовых субинститутов государственной гражданской службы на две группы: традиционные (уже закреплённые в законодательстве) и потенциальные (ещё не урегулированные). Такая научная позиция помогает системно подходить к правотворчеству и точнее определять границы применения аналогии закона и аналогии права к исследуемому явлению. Д.Б. Миннигулова заключает: из-за фрагментарности административно-правового регулирования статуса государственных гражданских служащих необходимо субсидиарное применение норм смежных отраслей права — трудового, финансового, гражданского и др. При этом она предлагает конкретизировать в законе (в частности, в ст. 73 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ») возможность такого субсидиарного применения не только к отношениям, урегулированным самим законом, но и подзаконными актами. В исследовании отмечается, что в законодательстве о государственной гражданской службе отсутствует детальное регулирование материальной ответственности гражданских служащих, урегулирования коллективных конфликтов (споров), включая право на забастовку. При этом автор отрицает возможность применения к государственным гражданским служащим гражданско-правовой ответственности.

Сегодня профессор Миннигулова Динара Борисовна состоявшийся педагог высшей школы и признанный ученый-юрист. В круг научных интересов, исследуемых Динарой Борисовной входят административное право, публичное управление, служебное право, противодействие коррупции, государственная гражданская служба, административный процесс, международное частное право, международное право, предпринимательское право, нотариальная деятельность, альтернативные способы разрешения частных

споров, цифровая трансформация материально-правовых и процессуально-правовых институтов в Российской Федерации.

Динарой Борисовной самостоятельно и в соавторстве с авторитетными учеными-юристами подготовлено более 300 публикаций, в том числе 11 монографий. Она приняла участие более чем в 200 представительских научных мероприятиях, в том числе более 30 – за рубежом.

Динара Борисовна также реализует свои знания на практике как: третейский судья МКАС при ТПП РФ (с 2017 г.), третейский судья Третейского Суда при Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» (с 2020 г.) и т. д.

Является членом редакционных коллегий научных журналов: «Математика свободы» (с 2020 г.), «Право и государственность» (с 2023 г.), «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России» (с 2026 г.), «Мир технологий и образования» (с 2026 г.).

Участвовала в исследованиях по подготовке стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 г. по треку: «Эффективное государство» в качестве соруководителя исследовательской группы.

Активно взаимодействовала с Всероссийским съездом представителей профсоюзов государственных учреждений (г. Уфа, 2017г., г. Москва 2018г., г. Улан-уде, 2019 г.).

В 2015 году завоевала 1 место в номинации «Юридические науки» в региональном Конкурсе на лучшую научную работу молодых ученых вузов и научных учреждений Республики Башкортостан (Российский союз молодых ученых регионального отделения всероссийской общественной организации).

В 2021 г. стала победителем всероссийского конкурса «Золотые имена высшей школы» Лиги Высшей школы при поддержке Министерства образования РФ в номинации «За развитие международного сотрудничества в сфере высшего образования».

Награждена многочисленными благодарственными письмами (в том числе от Администрации городского округа город Уфа Республика Башкортостан; Исполнительного комитета г. Казани; Министерства образования Республики Башкортостан, Президента Торгово-промышленной палаты РФ, Руководителя UNDESA, Президента Торгово-промышленной палаты Республики Башкортостан, Председателя Конституционного суда Республики Башкортостан, председателя БРО Профсоюза государственных учреждений и общественного обслуживания РФ), отмечена почетной грамотой Министерства образования Республики Башкортостан (2011 г.), почетной грамотой Уполномоченного по защите прав предпринимателей Республики Башкортостан (2016 г.), почетной грамотой совета судей Республики Башкортостан (2018 г.), почетной грамотой Министерства внутренних дел Российской Федерации за образцовое выполнение служебных обязанностей (2025 г.)

Отмечена благодарностями от имени иностранных образовательных организаций из Кыргызской Республики (2012 г., 2013 г.); Республики Беларусь (2014 г.); Республики Казахстан (2014 г.); Республики Молдова (2016 г.), Республики Туркменистан (2017 г.); от имени Руководителя Администрации Президента Кыргызской Республики (2013 г.).

Юбилейный повод позволяет особенно ясно увидеть и человеческое основание этой профессиональной базы. Динара Борисовна – жена и мама, и именно эта сторона ее жизни стала важной опорой в научном становлении. Воспитывает 2 дочерей и сына. Семья придала ее биографии ту внутреннюю устойчивость, которая необходима для многолетнего труда в науке, высшей школе и экспертной среде. Это редкое сочетание профессиональной требовательности и личной гармонии делает ее образ особенно цельным.

Профессор Д.Б. Миннигулова своим примером доказывает, что научная карьера не является чем-то обособленным от полноты человеческой жизни. Напротив, именно интеграция различных сфер бытия, умение находить баланс между профессиональными амбициями и личными ценностями, обогащает исследовательский потенциал и придает работе глубину и осмысленность.

Ее способность видеть в праве не только набор норм, но и живой, развивающийся организм, чутко реагирующий на социальные изменения и международные тенденции, является фундаментом ее научного подхода. Это видение, подкрепленное жизненным опытом, позволяет ей успешно решать сложнейшие правовые задачи, требующие междисциплинарного осмысления и глубокого понимания взаимосвязей между различными правовыми системами и институтами. Особого внимания заслуживает ее вклад в развитие юридического образования. Динара Борисовна не просто транслирует знания, но и вдохновляет студентов на самостоятельное развитие, прививает им чувство ответственности за будущее правовой системы и формирует понимание роли юриста как активного участника формирования правового государства. Ее педагогический стиль, гармонично сочетающий академическую строгость с искренним вниманием к каждому обучающемуся, создает атмосферу, способствующую раскрытию их индивидуального потенциала. Это особенно ценно в современном мире, где юридическая профессия требует не только глубоких теоретических знаний, но и развитых коммуникативных навыков, безупречных этических принципов и способности к быстрой адаптации в постоянно меняющемся правовом поле.

В день 50-летнего юбилея хочется с глубоким уважением отметить, что Динара Борисовна Миннигулова по праву принадлежит к числу тех ученых, чья деятельность формирует лицо современной юридической науки. Ее путь – это пример высокой научной культуры, ответственности перед профессией и верности избранному делу. Пусть дальнейшие годы приносят новые исследования, талантливых учеников, крепкое здоровье, семейное благополучие и неизменное признание коллег.

М.С. Шайхуллин,
главный редактор журнала «Право и государственность»
доктор юридических наук, доцент

Научная статья
УДК 340.132.1
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.002

Историко-теоретический анализ значения традиций и обычаев в системе правового регулирования общественных отношений

М.С. Шайхуллин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
selir07@mail.ru

Аннотация. В статье с позиции историко-правового и теоретико-правового подходов анализируется значение традиций и обычаев в системе и социальной практике регулирования общественных отношений. Обычаи и традиции, как социальные регуляторы и вместе с тем источники права выступали дополнительными средствами регулирования общественных отношений на местах, что позволяло сохранять традиционный уклад жизни различных народностей, поддерживать стабильные связи центрального правительства с подданными. Аргументируется позиция о том, что традиции и обычаи постоянно изучались исследователями. Однако исследования обычаев и традиций в основном носили познавательный характер и не вторгались в область правового регулирования, поскольку подлежали полицейской, университетской и иной цензуре. Анализ научных трудов российских дореволюционных ученых позволил прийти к выводу о том, что научные дискуссии относительно вопроса о месте традиций и обычаев в системе правового регулирования стали появляться в работах специалистов и ученых более позднего периода имперской России. Наряду с изучением научных позиций дореволюционных исследователей норм обычного права, в статье осуществляется теоретико-правовой анализ действия социальных норм в аспекте функционирования современного местного самоуправления, изучение которого имеет значение для формирования исследовательской базы о роли социальных регуляторов, действовавших в различные исторические периоды развития российской государственности. По мнению автора статьи, актуальность исследования лучших социальных практик регулирования общественных отношений связано с разнообразием культур народов, проживающих на территории России. В этом аспекте аргументируется позиция о том, что для целей развития местного самоуправления на территориях многочисленных населенных пунктов важно обеспечить условия сочетания правового регулирования и действия социальных норм, в совокупности учитывающих современные новации, которые впоследствии приведут к оживлению социальной организации общества.

Ключевые слова: анализ, значение, традиция, право, обычай, социальная норма, правовое регулирование, социальные практики, общественные отношения, местное самоуправление.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. Историко-теоретический анализ значения традиций и обычаев в системе правового регулирования общественных отношений // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 13–20.

Original article

Historical and theoretical analysis of the significance of traditions and customs in the system of legal regulation of public relations

M.S. Shaikhullin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
selir07@mail.ru

Abstract. The article analyzes the importance of traditions and customs in the system and social practice of regulating social relations from the standpoint of historical, legal and theoretical approaches. Customs and traditions, as social regulators and at the same time sources of law, acted as additional means of regulating local public relations, which made it possible to preserve the traditional way of life of various nationalities, to maintain stable ties between the central government and its subjects. The position is argued that traditions and customs

© Шайхуллин М.С., 2026.

were constantly studied by researchers. However, studies of customs and traditions were mostly informative and did not invade the field of legal regulation, since they were subject to police, university and other censorship. An analysis of the scientific works of Russian pre-revolutionary scientists made it possible to come to the conclusion that scientific discussions regarding the place of traditions and customs in the system of legal regulation began to appear in the works of specialists and scientists of a later period of imperial Russia. Along with the analysis of the scientific positions of pre-revolutionary researchers of customary law, the article provides a theoretical and legal analysis of the effect of social norms in the aspect of the functioning of modern local self-government, the study of which is important for the formation of a research base on the role of social regulators operating in various historical periods of the development of Russian statehood. According to the author of the article, the relevance of the study of the best social practices for regulating social relations is associated with the diversity of cultures of peoples living in Russia. In this aspect, the position is argued that for the development of local self-government in the territories of numerous settlements, it is important to provide conditions for a combination of legal regulation and the operation of social norms, which together take into account modern innovations, which will subsequently lead to the revival of the social organization of society.

Key words: analysis, meaning, tradition, law, custom, social norm, legal regulation, social practices, social relations, local government.

For citation: Shaikhullin M.S. Historical and theoretical analysis of the significance of traditions and customs in the system of legal regulation of public relations // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 13–20.

В научных исследованиях, посвящённых традициям и обычаям в механизме социального действия права, вопросы использования социальных норм в практике правового регулирования общественных отношений на местном уровне или на уровне местного самоуправления рассматривались с определённой степенью интенсивности. В разные исторические периоды развития российской государственности изучение особенностей уклада жизни народов, населяющих Россию, зависело от догматических установок, господствующих в политической системе общества. Такой подход императорского правительства не позволял публиковать исследования, освещающие проблемы крестьянства как в плане проблем использования трудовых ресурсов, так и в части бытового устройства и обживания обширных территорий. Вместе с тем объёмная совокупность методов, способов и средств научного познания социальных норм представлена в работах отечественных ученых, по мнению которых, возникала социальная необходимость применения законов, изложенных с учётом местных национальных традиций и обычаев, в их движении, взаимосвязи и развитии (труды М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, М.Н. Карамзина и др.). Так, трактат Михаила Васильевича Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа», в котором обстоятельно описаны негативные обычаи, обряды и меры по их искоренению, был опубликован лишь в 1873 году. При этом так называемые «полевые» и иные исследования обычаев и обрядов проводились. Однако такие исследования в основном не вторгались в область правового регулирования, поскольку подлежали цензуре. Причем еще в 1783 году предварительную цензуру издаваемых книг осуществляли органы полицейского надзора [1, с. 950].

Научная полемика относительно вопроса о месте традиций и обычаев в системе правового регулирования стала появляться в работах ученых более позднего периода имперской России. В этом плане особо выделялись труды С.Г. Алексеева, И.Е. Андреевского, В.П. Безобразова, М.М. Богословского, И.Д. Беляева, А.И. Васильчикова, С.Ю. Витте, А.В. Васильева, Н.Е. Волкова, А.Д. Градовского, И.И. Дитятина, А.Я. Ефименко, В.О. Ключевского, А.А. Кизеветтера, Н.О. Куплеваского, А.А. Корнилова, К.А. Пажитного, М.А. Райснера, В.И. Сергеевича, Б.Н. Чичерина. При этом необходимо отметить, что наиболее существенный вклад в разработку вопросов, связанных с применением обычаев в практике регулирования общественных отношений внесли работы М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого, А.И. Похарнаева. Были и противники методики собирания и анализа местных обычаев. Так, А.Я. Ефименко выступал за разграничение народного обычного права и культурного права, отмечая, что «всякая попытка систематизировать народное право по нормам юридической теории есть самое неблагоприятное дело» [2, с. 27].

Между тем исследователи норм обычного права придерживались позиции, согласно которой традиции регулирования общественных отношений формировались на протяжении длительного периода истории преобразования властно-управленческой системы имперского государства. Наряду с законодательными установлениями, правовая традиция предполагала наличие целостной совокупности социальных норм, действовавших на обширных пространствах Российской Империи. Такие нормативные положения выступали дополнительными средствами регулирования общественных отношений на местах, что позволяло сохранять традиционный уклад жизни различных народностей, сохранять стабильные связи центрального правительства с подданными. Кроме того, обычай в дореволюционной России включался в систему источников права, что позволяло регулировать общественные отношения на конкретно взятых территориях.

М.М. Ковалевский отмечал, что если известное положение вытекает из издания прошлого, из наблюдений за действительностью, то оно для всех является обязательным [3, с. 31], даже если такие обязательства, а точнее действие отдельных норм обычного права покоились на нецивилизованной ступени общественного развития. Институты любого государства – это результат длительного исторического развития и приспособления членов общества к национальным особенностям, традициям и нравам друг друга внутри страны, являющиеся территорией их постоянного проживания. Э. Бёрк отмечал, что «каждый век имеет свои обычаи и политика определяется ими». Такая позиция была обусловлена его консервативными взглядами на революционное пренебрежение к традициям и правилам общественного порядка. С.Ю. Витте отмечал, что местное самоуправление России начертано всем ходом нашей истории, спецификой общественного уклада и даже географическими особенностями ее расположения [4, с. 16]. А.И. Васильчиков был убежден в том, что принятие той или иной системы более зависит от нрава или, так сказать, от темперамента частных лиц или народов, чем от свободного и разумного выбора [5, с. 6]. Это означает, что в аспекте действия традиций самоуправления, правила не менявшиеся десятилетиями подвергались критике, как в плане их соответствия элементам здравой логики, так и в части сопоставления с общецивилизационными процессами, в которых все чаще стали доминировать элементы научно-технического прогресса, которые вступали в противоречие с взглядами консервативно настроенной части общества.

С позиции С.Г. Алексеева, нравственные ценности, являющиеся основой формирования традиций местного самоуправления России, - это следствие господства общего над частным, то есть процесса влияния общества или представителей его большинства на каждого индивида в отдельности. По его мнению, «не власть земли и не власть тьмы, а власть мира, власть массы, власть выработанного этой массой известного строя жизни господствует над крестьянином, регулируя его поступки, воспитывая его чувства, формируя известным образом весь склад его понятий, верований и представлений» [6, с. 271]. По Г. Елинеку, если социальная сторона доминирует по отношению к частной, то сама государственная власть в этих условиях становится менее независимой от подвластных ей. В таком случае представители властных структур начинают осуществлять попытки обратить более пристальное внимание на проблемы каждого представителя общественности [7, с. 41]. Это естественным образом переводило ориентиры местных органов власти от частных интересов к интересам общественных самоуправляющихся коллективов. В полемике между частными и публичными интересами В.И. Сергеевич отмечал, что «избирательные законы, конечно, имеют большую важность, но и здесь как вообще в жизни, не всё дело в законах, а прежде всего в людях [8, с. 42]. Обращаясь к вопросам избирательного права, В.И. Сергеевич отмечал, что в документах А. Токвиля, опубликованных после его смерти процитирован его разговор с шестым президентом США, в котором Токвиль обратил внимание К. Адамса на обычаи представителей партий собираться на конвенты, т. е. собрания представителей избирателей, на что

Адамс ответил: «Я должен откровенно сказать вам, я считаю, эти собрания опасными. Они захватывают власть государственных учреждений и, в конце концов, могут совершенно подорвать их деятельность» [8, с. 42]. В плане утверждения концепции внутреннего развития общества и государственности позиции на такое развитие существенно различались. Так, В.П. Безобразов отмечал, что местные органы хоть и формируются под влиянием общественных интересов, тем не менее, не перестают быть государственными для этого они должны входить как звенья в общую систему власти управления в государстве [9, с. 10]. А поскольку, по его мнению, фундаментальной основой для самоуправления становится общественная среда со своими традициями, государственная власть не исключает, а наоборот стимулирует легальные формы государственного управления на местах при участии представителей народных масс, поскольку в российской правовой традиции, если следовать позиции А.Д. Градовского, крестьянство является «естественным миром». Это означает, что крестьянские общества могут найти условия для своего развития и обеспечения собственных интересов не в рамках сословной волости, находящейся под постоянным контролем, а в «новой единице», поставленной в тесную связь с земскими учреждениями [10, с. 57]. После 1917 года нормы обычного права регулировали общественные отношения как в русской деревне, так и в национальных регионах [11, с. 42]. Между тем новая власть не могла мириться с отдельными нормами обычного права, особенно теми, которые вступали в противоречие с элементами здравой логики. Так, М.М. Ковалевский описывает обычаи, когда посреднические суды карали хозяина скотины за случайно причиненную ею смерть. Стоило камню, задетому ногою вола или коровы, упасть на голову прохожему, и род последнего считал себя вправе требовать от хозяина животного уплаты ему виры под угрозою кровной мести [3, с. 31]. На этом фоне требование об уплате виры с хозяина ветхого дома, обрушение которого привело к причинению смерти или вреда здоровью прохожему выглядело более убедительным. И все же борьба с пережитками прошлого переходила в плоскость уголовного преследования, когда в 1928 году Постановлением ВЦИК была установлена 10 глава, предусматривающая нормы об уголовной ответственности за преступления, составляющие пережитки родового быта[1].

В настоящее же время проблематику традиций и обычаев в механизме правового регулирования общественных отношений следует рассматривать как минимум с позиции основополагающих норм Конституции Российской Федерации, в которой прямо указывается на традиции и их учет в вопросах территориальной организации муниципальных образований (ст. 131). При этом не всегда понятно, какими историческими традициями руководствуются органы публичной власти в процессе регулирования и решения вопросов, связанных с территориями городских и сельских поселений. Необходимо отметить, что в настоящее время развитие местного самоуправления сопряжено с многочисленными сложностями и проблемами организационного, правового, социального, экономического характеров. Для развития местного самоуправления недостаточно усилий муниципальных органов власти и органов государственной власти субъектов Федерации. В этом аспекте важен подъем общественных усилий, который упрочит социальные взаимосвязи органов местной власти и населения, что сложно сделать в условиях отсутствия традиций, как социальных регуляторов общественных отношений на определенной территории. Сложно создавать и развивать муниципальную территорию без воссоздания лучших практик организации самоуправления в сельских населенных пунктах и тем более в условиях городской среды. В формате постоянно меняющейся нормативно-правовой базы местного самоуправления результативное функционирование муниципальных органов власти зависит не только от того, насколько правильно изложены нормы текущего законодательства. Важно и другое – качественно новое

[1] Постановление ВЦИК, принятое на 2-й сессии XIII созыва 6 апреля 1928 года // СУ. 1928. № 47. Ст.356.

вовлечение населения в решение вопросов местного значения, которое не должно ограничиваться исключительно участием граждан в волеизъявительных формах прямой и консультативной демократии, поскольку участие людей только в разнообразных голосованиях по большей части формализует процесс претворения в жизнь решений представительных органов муниципальных образований, а формализм при решении вопросов местного значения нивелирует те лучшие формы коллективной организации, которые достигались десятилетиями опыта, выработанного отечественной системой управления на местном уровне, переосмысление которого важно в условиях вызовов современности. Теоретико-правовой анализ действия социальных норм в аспекте функционирования местного самоуправления имеет значение для формирования исследовательской базы о роли социальных регуляторов, действовавших в различные исторические периоды развития российской государственности. Изучение лучших социальных практик регулирования общественных отношений связано с разнообразием культур народов, проживающих на территории России. В практике организации муниципального строительства, а также для целей развития местного самоуправления на территориях многочисленных населенных пунктов важно обеспечить условия сочетания правового регулирования и действия социальных норм, в совокупности учитывающих современные новации, которые впоследствии приведут к оживлению социальной организации общества, в том смысле, что будут активизироваться коллективные формы регулирования важных для местного сообщества процессов. Для теоретико-правовых и историко-правовых исследований, а также для практики муниципального строительства исключительно важное значение имеют те социальные практики организации местного самоуправления, которые были проверены временем.

В настоящее время система местного управления нуждается в развитии муниципальных традиций и санкционировании полезных социальных норм, поскольку они фиксируют социально-правовую основу организации и деятельности муниципальных органов власти разного уровня, способны обеспечить сбалансированное регулирование публичных отношений в муниципальной среде. Имеет важное значение и то, что социальные нормы - традиции, обычаи, нормы морали, нравственности, рождались в недрах социальной организации общества. Негативные нормы со временем утрачивали свое значение под воздействием вводимых уголовно-правовых и административно-правовых запретов [12, с. 19]. Положительные же нормы продолжали регулировать социальные процессы, ибо доказали свою полезность на производстве и в быту. Социальные нормы нивелировали негативные явления, что позволяло упрочивать взаимоотношения власти и населения применительно к процессам стабильного функционирования местного управления [13, с. 179]. Вот почему всякая «ломка» старых традиций приводила к вопросам недопонимания власти и гражданского общества. Другое дело, когда отказ от социальных норм, действовавших десятилетиями, был оправдан научно-техническим развитием, внедрением новаций, улучшающих производственные процессы, качество жизни людей. Между тем социально-правовое значение традиций в регулировании общественных отношений на местном уровне заключается в утверждении, символизации муниципальных публичных органов власти. Такая символизация необходима для реализации принципа самостоятельности органов местного самоуправления, о котором так много написано в периодической печати [14, с. 167] и который в определенных областях правового регулирования подвергается стагнации в части изменения объема муниципальных полномочий.

Развитие лучших социальных практик регулирования общественных отношений может создать основу для противодействия негативным социальным явлениям, когда в молодежной среде распространяются девиантные формы поведения, не основанные на традиционных ценностях и установках. Но для этого необходимо создание трудовых, бытовых, комфортных условий для молодежи с тем, чтобы возродить те базовые ориентиры, которые были созданы на ос-

нове традиций во взаимосвязи с положениями текущего законодательства страны. Следует принять во внимание, что позитивные традиции в общем смысле и местных сообществ в частности прочно связаны с интересами населения. Эти социальные нормы укрепляют моральную сторону местных сообществ, образуя такие психологические состояния, при которых человек стремится сохранить ценностно-стереотипное в сознании о правовой культуре и нравственном поведении в системе социальных отношений. Позитивные традиции местного самоуправления имеют качество сплачивать людей, оказывая положительное влияние на сознание о правомерности поведения, недопустимости нарушения прав и свобод. В этом смысле традиции не находятся в застывшем состоянии, ибо в результате динамичного движения общественных процессов социальные правила, как и юридические нормы могут обновляться и совершенствоваться. В условиях построения правового государства социальные нормы должны быть интегрированы в реальность объективного права с тем, чтобы сохранить свою значимость и полезность при непротиворечии правовому регулированию. Это позволит сделать систему общественной организации наиболее крепкой и приспособленной к кризисным ситуациям [15, с. 259], наиболее прочно обеспечить права, свободы и законные интересы граждан. Необходимо обратить внимание на качество действия социальных норм во времени, которое позволяет накапливать положительный опыт и передавать его формирующемуся в плане правового сознания молодому поколению. А это в системе конституционных ценностей необходимо для усиления правовой культуры и формирования нравственного состояния, отвечающих задачам сохранения и развития суверенной государственности. В этом плане органы государственной власти и органы местного самоуправления должны поддерживать лучшие традиции управления и общественной коммуникации, сплачивающие население, создающие единую систему публичной власти, конструктивные институты гражданского общества.

У традиций присутствует важное свойство накопления информации во времени, поэтому сгенерированные энергетическим потенциалом человеческой деятельности, эти нормы обеспечивают процесс передачи от поколения к поколению знаний о праве и смежных с ними явлениях, что важно для формирования когнитивного во всех отношениях молодого поколения. К сожалению, в наши дни молодые люди слабо знают сущность и смысл правовых норм, их регулирующие, охранительные, правоустанавливающие, запрещающие функции. Еще слабее на этом фоне выглядят знания о социальных нормах. Особенное значение такие знания имеют в условиях функционирования многонационального состава российского населения. Специфичность социальных культур современной России обусловливают высокую степень актуальности исследования вопросов о действии социальных норм в общем механизме правового регулирования общественных отношений. Между тем важен и анализ традиционного взгляда на функционирование государственных и общественных институтов, поскольку заимствование практики зарубежных моделей организации местного самоуправления, не во всех случаях учитывает российскую специфику организации власти на местном уровне. Традиции хоть и распространяются на большинство членов общин, социальных сообществ, тем не менее, они позволяют формировать такое нравственное состояние индивида, при котором человек воздерживается от нарушений прав и свобод, совершения преступлений. Что касается публичного права, то традиции в системе муниципально-правовых отношений усиливают, т. е. увеличивают объем взаимодействия субъектов права – органов местного самоуправления и населения и их представителей. А это влияет на снижение конфлитогенности между органами власти и гражданами, напряжённости в решении важнейших вопросов местного значения. Повышается активность участия граждан в осуществлении форм непосредственного волеизъявления. Проверенные временем традиции формируют высокую степень доверия граждан к органам власти на местах, которая позволяет на длительное время укрепить коммуникацию

населения с органами местного самоуправления.

Подводя итог, следует сказать, что в теоретико-правовом значении традиции и обычаи не являются тождественными категориями, поскольку их различия определяют содержание, объем, время действия и пространство. В отличие от обычая в частном праве, традиция является связующим звеном между населением и органами власти, которые претворяют в жизнь решения правотворческих органов. Вместе с тем традиция в правосфере имеет огромное значение для развития личности, социальных практик, юридических норм, знаний, убеждений, патриотизма, механизма передачи опыта и многого другого.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. 37а. СПб., 1903. С. 948-962.
2. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни / [Соч.] Александры Ефименко, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. Вып. 1. – Обычное право / 24. – Москва: В.И. Касперов, 1884. 380 с.
3. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Москва: Типография А. И. Мамонтова и К, Леонтьевский Пер., № 5. 1890. 258 с.
4. Витте С. Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. Санкт-Петербург: Б. и., 1914. 394 с.
5. Васильчиков А. И. О самоуправлении. – СПб., 1869. 410 с.
6. Алексеев С. Г. Местное самоуправление русских крестьян. СПб, 1902. 344 с.
7. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб, 1908. 630 с.
8. Сергеевич В. И. Всеобщее избирательное право. СПб, 1906. 42 с.
9. Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. 1874. 52 с.
10. Градовский А. Д. Начало русского государственного права. - СПб, 1887. 384 с.
11. Полянский П. Л. К вопросу об обычае как источнике права в советской России в 1917-1921 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 1. С. 41-61.
12. Соколов А. Ю. К вопросу о системности перечня административных наказаний (взысканий) в истории отечественной правовой мысли // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 18-32.
13. Колесников А. В. Отраслевая диффузия форм участия органов государственной власти в назначении должностных лиц местного самоуправления // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 179-191.
14. Колесников А. В. Проблемы компетенции органов местного самоуправления: вчера, сегодня, завтра // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 167-173.
15. Сайдумов Д. Х. Российская философия права и ее значение для современной государственности: возвращение к национальным истокам - необходимая потребность настоящего и будущего // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 259-266.

References

1. Encyclopedic dictionary / Ed. Prof. I.E. Andreevsky. T. 37a. St. Petersburg, 1903. Pp. 948-962.
2. Efimenko A.Ya. Studies of folk life / [Op.] Alexandra Efimenko, member Imp. Rus. geogr. islands. №. 1. - Customary / 24. - Moscow: V. I. Kasperov, 1884. 380 p.
3. Kovalevsky M.M. Law and custom in the Caucasus. Moscow: Printing house A. I. Mamontova and K, Leontievsky Per., No. 5. 1890. 258 p.
4. Witte S. Y. Regarding the immutability of the laws of state life. St. Petersburg: B. I., 1914. 394 p.
5. Vasilchikov A. I. On self-government. - St. Petersburg, 1869. 410 p.
6. Alekseev S. G. Local self-government of Russian peasants. St. Petersburg, 1902. 344 p.
7. Jellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg, 1908. 630 p.
8. sergeevich V. I. Universal suffrage. St. Petersburg, 1906. 42 p.
9. Bezobrazov V. P. Zemsky institutions and self-government. 1874. 52 p.
10. Gradovsky A. D. The beginning of Russian state law. - St. Petersburg, 1887. 384 p.
11. Polyansky P. L. On the question of custom as a source of law in Soviet Russia in 1917-1921 // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2019. № 1. Pp. 41-61.
12. Sokolov A. Yu. On the issue of the consistency of the list of administrative punishments (penalties) in the history of domestic legal thought // Legal policy and legal life. 2024. № 3. Pp. 18-32.
13. Kolesnikov A. V. Sectoral diffusion of forms of participation of state authorities in the appointment of officials of local self-government // Legal policy and legal life. 2025. № 2. Pp. 179-191.
14. Kolesnikov A.V. Problems of competence of local governments: yesterday, today, tomorrow // Legal policy and legal life. 2024. № 4. Pp. 167-173.
15. Saidumov D. Kh. Russian philosophy of law and its significance for modern statehood: a return to national origins is a necessary need for the present and future // Legal policy and legal life. 2024. № 4. Pp. 259-266.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 08.07.2026; одобрена после рецензирования 21.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 08.07.2026; approved after 21.08.2026 review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 342.951:351.82
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.003

Антимонопольный комплаенс как инструмент предупреждения нарушений законодательства в сферах естественной монополии

А.Г. Блинов
Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Российская Федерация
alexxxbal64@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов применения законодательства об антимонопольном комплаенсе к деятельности субъектов естественной монополии. Цель статьи заключается в обосновании важности антимонопольного комплаенса как способа превенции нарушений антимонопольного законодательства со стороны субъектов естественной монополии и выработке предложений по совершенствованию нормативных правовых актов в данной сфере. Методами научного исследования выступили анализ, синтез, формально-юридический. Сделан вывод о необходимости отнесения к полномочиям ФАС России обязательной проверки, направленной на оценку соблюдения критериев системы антимонопольного комплаенса субъектом естественной монополии. Требуется возложить на ФАС России обязанность при отказе в согласовании локального акта об антимонопольном комплаенсе уточнять, какие именно критерии не были соблюдены, и представлять рекомендации по устранению данных недостатков.

Ключевые слова: антимонопольный комплаенс, естественные монополии, предупреждение нарушений, доминирующее положение, антимонопольное законодательство, административное право.

Для цитирования: Блинов А.Г. Антимонопольный комплаенс как инструмент предупреждения нарушений законодательства в сферах естественной монополии // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 21–26.

Original article

Antimonopoly compliance as a tool for preventing violations of the law in the areas of natural monopoly

A.G. Blinov
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation
alexxxbal64@gmail.com

Abstract. This article examines the application of antitrust compliance legislation to the activities of natural monopoly entities. The article's purpose is to substantiate the importance of antitrust compliance as a means of preventing violations of antitrust legislation by natural monopoly entities and to develop proposals for improving regulatory legal acts in this area. The research methods used include analysis, synthesis, and formal legal analysis. It is concluded that mandatory audits aimed at assessing compliance with antitrust compliance system criteria by natural monopoly entities should be assigned to the FAS Russia's authority. When refusing to approve a local antitrust compliance act, the FAS Russia should be obligated to clarify which specific criteria were not met and provide recommendations for addressing these deficiencies.

Keywords: antitrust compliance, natural monopolies, prevention of violations, dominant position, antitrust legislation, administrative law.

For citation: Blinov A.G. Antimonopoly compliance as a tool for preventing violations of the law in the areas of natural monopoly // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 21–26.

Государственный контроль (надзор) в сферах естественной монополии реализуется как на федеральном, так и на региональном уровнях. Его правовая регла-

© Блинов А.Г., 2026.

ментация осуществляется в соответствии с требованиями Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ)[1]. В его исполнение принят ряд актов, определяющих полномочия субъектов государственного контроля (надзора). К ним относятся Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1088 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в сферах естественных монополий и в области государственного регулирования цен (тарифов)»[2], Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2021 г. № 1915 «Об утверждении общих требований к организации и осуществлению регионального государственного контроля (надзора) в области государственного регулирования цен (тарифов)»[3].

Закон № 248-ФЗ уделяет особое внимание профилактическим мероприятиям в рамках контрольно-надзорной деятельности, которые имеют приоритет перед контрольными (надзорными) мероприятиями. Во исполнение законодательных норм издан Приказ ФАС России от 19 декабря 2025 г. № 1122/25 «Об утверждении Программы профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательства в сфере государственного оборонного заказа, в сферах естественных монополий и в области государственного регулирования цен (тарифов) на 2026 год и плановый период 2027-2028 годов»[4].

В рамках государственного контроля (надзора) в сферах естественных монополий осуществляются информирование, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, консультирование, профилактический визит.

Профилактика нарушений обязательных требований выступает одной из форм государственного контроля (надзора) за деятельностью естественных монополий. М.А. Винокурова отмечает, что к функциям профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении контроля (надзора) необходимо отнести «информационную, которая позволяет подконтрольному субъекту усвоить значимость соблюдения обязательных требований законодательства; стабилизационную, что обеспечивает приведение системы в равновесие и создание баланса частных и публичных интересов; адаптационную, которая проявляется в формировании стереотипов поведения субъекта; содействующую, означающую наблюдение со стороны контрольно-надзорных органов; благоприятствующую, предоставляющую возможность принятия ответственности субъекта за выбранную форму поведения» [1, с. 181].

Рассматривая вопрос о профилактике нарушений обязательных требований в сферах естественной монополии нельзя не учитывать то обстоятельство, что на субъектов естественной монополии также распространяются положения Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ)[5] в части запрета на нарушение

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 17 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31, ч. 1. Ст. 5007; 2026. № 16. Ст. 1952.

[2] Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1088 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в сферах естественных монополий и в области государственного регулирования цен (тарифов)» (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в сферах естественных монополий и в области государственного регулирования цен (тарифов)») (ред. от 21 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28, ч. 1. Ст. 5518; 2025. № 43. Ст. 6413.

[3] Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2021 г. № 1915 «Об утверждении общих требований к организации и осуществлению регионального государственного контроля (надзора) в области государственного регулирования цен (тарифов)» (ред. от 27 августа 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 46. Ст. 7713; 2025. № 36. Ст. 5327.

[4] Приказ ФАС России от 19 декабря 2025 г. № 1122/25 «Об утверждении Программы профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательства в сфере государственного оборонного заказа, в сферах естественных монополий и в области государственного регулирования цен (тарифов) на 2026 год и плановый период 2027-2028 годов» // Документ опубликован не был.

[5] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3434; 2026. № 19. Ст. 2482.

антимонопольного законодательства. Государственный контроль за соблюдением антимонопольного законодательства исключен из предмета регламентации Закона № 248-ФЗ и осуществляется по правилам Закона № 135-ФЗ.

Данный акт определяет организационные и правовые основы предупреждения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. К проявлениям монополистической отнесены злоупотребление доминирующим положением, антиконкурентные соглашения, согласованные действия, а также иные действия, запрещенные антимонопольным законодательством.

К.С. Кротов констатирует, что доминирующее положение субъекта естественной монополии обусловлено объективными причинами и само по себе не может свидетельствовать о каких-либо нарушениях с его стороны [2, с. 160]. Поэтому одним из направлений государственного контроля (надзора) в сферах естественной монополии выступает противодействие использованию компаниями своего доминирующего положения во вред иным участникам экономических отношений.

Важным шагом законодателя, имеющим значительный потенциал в аспекте превенции злоупотребления доминирующим положением и иных нарушений со стороны субъектов естественной монополии, следует признать правовое закрепление так называемого антимонопольного комплаенса – системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства.

Н.Ю. Кауфман, С.Ю. Зеленцова считают его эффективным средством минимизации рисков нарушений [3, с. 192]. И.Н. Дехтярь отмечает важность антимонопольного комплаенса как способа расширения возможностей личного участия хозяйствующих субъектов в процессе предотвращения противоправных деяний [4, с. 38]. По мнению И.В. Князевой и К.В. Дозмарова, антимонопольный комплаенс необходим любой крупной компании, имеющей стратегические интересы и активно позиционирующей себя на рынке [5, с. 110]. К таким компаниям относятся и естественные монополии.

Согласно положениям Закона № 135-ФЗ, система антимонопольного комплаенса понимается в качестве обеспеченных закреплением в локальных актах организации требований к порядку оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства мер по снижению таких рисков и прочих связанных с данными направлениями действий. Такие акты могут быть направлены в антимонопольный орган для получения заключения о соответствии антимонопольному законодательству.

Тем мне менее вряд ли следует возлагать на субъектов естественной монополии обязанность по внедрению антимонопольного комплаенса, поскольку соответствующие затраты отразятся на тарифах, что негативным образом скажется на стоимости их услуг для потребителей. Хозяйствующие субъекты должны быть заинтересованы в самостоятельной организации системы обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, что представляется возможным лишь при ее надлежащей нормативной организации.

В законодательстве отсутствует указание на правовые последствия антимонопольного комплаенса для компании. А.Ю. Кинев констатирует возможность его учета как смягчающего обстоятельства при рассмотрении дел об административных правонарушениях [6, с. 63]. При этом законодатель обоснованно не закрепил его в соответствующем перечне. Действительно, само по себе выполнение формальных требований по организации системы не свидетельствует о ее эффективности. Данная позиция выражена в Определении Верховного Суда РФ от 19 апреля 2021 г. № 305-ЭС21–4401 по делу № А40–3569/2020[1]. Напротив, совершение нарушения антимонопольного законодательства ставит под сомнение работоспособность комплаенса.

Поэтому следует возложить на ФАС России полномочия не только по согласова-

[1] Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2021 г. № 305-ЭС21-4401 по делу № А40-3569/2020 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19042021-n-305-es21-4401-po-delu-n-a40-35692020/ (дата обращения: 23.05.2026).

нию локального акта, который констатирует закрепление соответствующей системы, но и проведению проверки на предмет соответствия антимонопольного комплаенса локальным актам. Потребуется дополнить ст. 25.1 Закона № 135-ФЗ, регламентирующую проведение проверки антимонопольного органа, указанием на ее обязательность после согласования акта об антимонопольном комплаенсе. Разумным временным промежутком проведения первоначальной проверки можно считать шесть месяцев со дня принятия ФАС России соответствующего решения, а в дальнейшем также каждые шесть месяцев.

Существует дискуссия по вопросу о целесообразности принятия единого государственного стандарта антимонопольного комплаенса [7, с. 40]. Так, Росстандартом был разработан ГОСТ Р 70433–2022 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства»[1]. Однако следует отметить, что Закон № 135-ФЗ, определяя основные требования к данной системе, ориентирует хозяйствующие субъекты на самостоятельность [8, с. 18] при выработке подходов к ее организации. Жесткая нормативная регламентация данной системы на уровне нормативных актов [9, с. 93] может оказать отрицательное влияние на ее эффективность.

В настоящее время ФАС России при согласовании локального акта об антимонопольном комплаенсе оценивает его с точки зрения соответствия критериям, установленным Законом № 135-ФЗ. Обязательно наличие в акте требований к порядку проведения оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства [10, с. 118], связанных с осуществлением хозяйствующим субъектом своей деятельности; мер, направленных на снижение хозяйствующим субъектом рисков [11, с. 127] нарушения антимонопольного законодательства, связанных с осуществлением своей деятельности; мер, направленных на осуществление хозяйствующим субъектом контроля за функционированием системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям [12, с. 134] антимонопольного законодательства; порядка ознакомления работников хозяйствующего субъекта с внутренним актом (внутренними актами); информации о должностном лице, ответственном за функционирование системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства. Тем не менее не закреплена обязанность ФАС России при отказе в согласовании акта указывать, какие именно требования не были соблюдены и представлять рекомендации по устранению недостатков локального акта. Данный пробел ст. 9.1 Закона № 135-ФЗ необходимо восполнить.

Таким образом, перспективным направлением профилактики нарушений антимонопольного законодательства со стороны субъектов естественной монополии выступает внедрение системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства («антимонопольного комплаенса»). К полномочиям ФАС России требуется отнести проведение обязательной проверки, направленной на оценку соблюдения критериев системы антимонопольного комплаенса субъектом естественной монополии. Необходимо возложить на ФАС России обязанность при отказе в согласовании локального акта об антимонопольном комплаенсе уточнять, какие именно критерии не были соблюдены, и представлять рекомендации по устранению данных недостатков.

Список литературы

1. Винокурова М. А. Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований в области оказания качественной медицинской помощи : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. 251 с.
2. Кротов К. С. Административная ответственность за правонарушения в сфере защиты конкуренции : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 249 с.

[1] ГОСТ Р 70433-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (система антимонопольного комплаенса) в организации (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 25 октября 2022 г. № 1181-ст) (утратил силу) // М.: ФГБУ «РСТ», 2022. 46 с.

3. Кауфман Н. Ю., Зеленцова С. Ю. Антимонопольный комплаенс как форма внутреннего контроля в системе управления рисками в организации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 2. № 10. С. 188-194.
4. Дехтярь И. Н. Некоторые вопросы организации антимонопольного комплаенса // Актуальные проблемы юридической науки и практики в сфере защиты конкуренции: Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию кафедры конкурентного права. 28 ноября 2019 года. С. 38-43.
5. Князева И. В., Дозмаров К. В. Антимонопольный комплаенс – профилактика компаниями рисков нарушения конкурентного законодательства // «ЭКО». Всероссийский экономический журнал. 2020. № 4. С. 110-129.
6. Кинев А. Ю. Антимонопольный комплаенс как обстоятельство, смягчающее административную ответственность // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 55-68.
7. Писенко К. А. Антимонопольный комплаенс: актуальные вопросы и проблемы административно-правового регулирования // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А. И. Каплунова, сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г. С. 31-46.
8. Соколов А. Ю. К вопросу о системности перечня административных наказаний (взысканий) в истории отечественной правовой мысли / А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 18-32. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-18-32. – EDN NBLBQE.
9. Кобзарь-Фролова М. Н. У истоков современного административного права (памяти С. С. Студеникина) / М. Н. Кобзарь-Фролова // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 91-100. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-91-100. – EDN FKDFPI.
10. Агамагомедова С. А. Институт публичной власти и его влияние на развитие науки административного права / С. А. Агамагомедова // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 116-124. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-116-124. – EDN SKIMHS.
11. Калинина Л. Е. Планирование как функция административно-организационной деятельности / Л. Е. Калинина // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 125-132. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-125-132. – EDN VPDAHO.
12. Кощеева Е. С. Компетентный субъект принятия административного правоприменительного акта / Е. С. Кощеева // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 133-140. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-133-140. – EDN UIGKDM.

References

1. Vinokurova M. A. Administrative and legal regulation of prevention of violations of mandatory requirements in the field of quality medical care: dis.... cand. jurid. sciences. №. Novgorod, 2019. 251 pp.
2. Krotov K. S. Administrative liability for offenses in the field of protection of competition: dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2020. 249 pp.
3. Kaufman N. Yu., Zelentsova S. Yu. Antimonopoly compliance as a form of internal control in the risk management system in the organization // Economics and management: problems, solutions. 2024. VOL. 2. № 10. Pp. 188-194.
4. Dekhtyar I. N. Some issues of the organization of antimonopoly compliance // Actual problems of legal science and practice in the field of competition protection: Collection of scientific works based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 5th anniversary of the Department of Competition Law. November 28, 2019. Pp. 38-43.
5. Knyazeva I. V., Dozmarov K. V. Antimonopoly compliance - prevention by companies of risks of violation of competitive legislation // «ECO» All-Russian Economic Journal. 2020. № 4. Pp. 110-129.
6. Kinev A. Yu. Antimonopoly compliance as a circumstance mitigating administrative responsibility // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. № 43. Pp. 55-68.
7. Pisenko K. A. Antimonopoly compliance: current issues and problems of administrative and legal regulation // Current problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings). Collection of articles based on the materials of the international scientific-practical conference. Edited by A. I. Kaplunova, comp.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E. Kh. Mammadov. St. Petersburg, March 24, 2023 Pp. 31-46.
8. Sokolov A. Yu. On the issue of the consistency of the list of administrative punishments (penalties) in the history of domestic legal thought/A. Yu. Sokolov // Legal policy and legal life. 2024. № 3. Pp. 18-32. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-18-32. – EDN NBLBQE.
9. Kobzar-Frolova M. N. At the origins of modern administrative law (in memory of S.S. Studenikin) / M. N. Kobzar-Frolova // Legal policy and legal life. 2026. № 1. Pp. 91-100. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-91-100. – EDN FKDFPI.
10. Agamagomedova S. A. Institute of Public Power and its influence on the development of the science of administrative law / S. A. Agamagomedov // Legal policy and legal life. 2026. № 1. Pp. 116-124. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-116-124. – EDN SKIMHS.

11. Kalinina L. E. Planning as a function of administrative and organizational activities / L. E. Kalinina // Legal policy and legal life. 2026. № 1. Pp. 125-132. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-125-132. – EDN VPDAHO.
12. Koshcheeva E. S. Competent subject of adoption of an administrative law enforcement act / E. S. Koshcheeva // Legal policy and legal life. 2026. № 1. Pp. 133-140. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-133-140. – EDN UIGKDM.

Информация об авторе: Блинов Алексей Геннадьевич, аспирант кафедры административного права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, (410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского Н.Г., д. 104, каб. 123).

Information about the author(s): Blinov Alexey Gennadievich, graduate student of the Department of Administrative Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy, (410056, Russia, Saratov, st. Chernyshevsky N.G., 104, office. 123).

Статья поступила в редакцию 04.07.2026; одобрена после рецензирования 19.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 04.07.2026; approved after 19.08.2026; review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 342.94
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.004

Некоторые вопросы совершенствования ответственности по статье 13.41 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

П.А. Шетогубов
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Российская Федерация
shetogyboff@mail.ru

Аннотация. В условиях быстро меняющегося мира вопросы противодействия экстремистской деятельности приобретают все большую актуальность. Общественно-политическая обстановка в стране во многом зависит от качества борьбы с распространением противоправного контента в сети «Интернет». В связи с этим попытки деструктивных сил оказывать влияние на информационную обстановку должны своевременно пресекаться, что обеспечит эффективную защиту безопасности граждан, общества и государства. Цель статьи состоит в выработке предложений по совершенствованию положений ст. 13.41 КоАП РФ, закрепляющей ответственность владельцев сайтов, информационных ресурсов и провайдеров хостингов за неисполнение требований законодательства о противодействии экстремизму. Сделан вывод о необходимости закрепить повышенную ответственность за неудаление владельцем сайта или владельцем информационного ресурса информации или интернет-страницы, если она содержит информацию, нарушающую требования законодательства о противодействии экстремизму. Это позволит учесть уровень общественной вредности деяния. Ввиду необходимости соблюдения принципа соразмерности наказания целесообразно снизить размер административного штрафа для провайдеров хостингов и лиц, обеспечивающих размещение информационного ресурса.

Ключевые слова: административная ответственность, владелец интернет-ресурса, соразмерность наказания, общественная вредность, экстремизм.

Для цитирования: Шетогубов П.А. Некоторые вопросы совершенствования ответственности по статье 13.41 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 27–31.

Original article

Some issues of improving liability under Article 13.41 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

P.A. Shetogubov
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation
shetogyboff@mail.ru

Abstract. In a rapidly changing world, countering extremist activity is becoming increasingly important. The socio-political situation in the country largely depends on the effectiveness of the fight against the dissemination of illegal content online. Therefore, attempts by destructive forces to influence the information environment must be promptly suppressed, thereby ensuring effective protection of the security of citizens, society, and the state. The purpose of this article is to develop proposals for improving the provisions of Article 13.41 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which establishes the liability of website owners, information resources, and hosting providers for failure to comply with anti-extremism legislation. It is concluded that increased penalties are necessary for failure by website owners or information resource owners to remove information or a web page if it contains information that violates anti-extremism legislation. This will take into account the level of social harm caused by the act. Given the need to adhere to the principle of proportionality of punishment, it is advisable to reduce the administrative fine for hosting providers and individuals hosting information resources.

Keywords: administrative liability, internet resource owner, proportionality of punishment, social harm, extremism.

For citation: Shetogubov P.A. Some issues of improving liability under Article 13.41 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 27–31.

© Шетогубов П.А., 2026.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1] (далее – Закон № 149-ФЗ) в ст. 15.3 устанавливает необходимость незамедлительного реагирования операторов связи и иных лиц на требование Роскомнадзора, связанное с выявлением запрещенной информации, в том числе экстремистской направленности.

Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители обращаются в Роскомнадзор с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам. В свою очередь, он незамедлительно направляет оператору связи, провайдеру хостинга или иному лицу, обеспечивающему размещение информации в сети «Интернет» требование о ее удалении. Оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к сети «Интернет», обязан незамедлительно ограничить доступ к информационному ресурсу.

Ответственность за удаление распространяемой с нарушением закона информации несет владелец информационного ресурса, который в течение суток с момента получения от провайдера хостинга или лица, обеспечивающего размещение информации в сети «Интернет» соответствующего уведомления обязан удалить такую информацию. При отказе или бездействии владельца информационного ресурса провайдер хостинга или лицо, ответственное за размещение информации, обязаны ограничить доступ к информационному ресурсу незамедлительно по истечении суток с момента получения уведомления.

Нарушение обозначенного порядка влечет ответственность, предусмотренную ст. 13.41 КоАП РФ[2]. Дополнение КоАП РФ рассматриваемой статьей было обусловлено необходимостью устранения нормативного пробела, который состоял в отсутствии ответственности за невыполнение требований законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации. Как следует из пояснительной записки к Законопроекту № 989758-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», данная ситуация порождала правовую неопределенность и создавала условия, способствующие нарушению законодательства[3]. Особое внимание уделено участившимся фактам нарушения законодательства крупными интернет-ресурсами, зарегистрированными за пределами Российской Федерации.

Практика применения ст. 13.41 КоАП РФ подтверждает соответствующий вывод. Так, еще в 2021 г. мировой судья судебного участка № 422 Таганского района города Москвы, рассмотрев протокол о совершении административного правонарушения компанией «TikTok Pte.Ltd», признал ее виновной в совершении деяния по ч. 4 ст. 13.41 КоАП РФ[4]. Правонарушение выразилось в отказе от исполнения обязанности по удалению информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

В числе последних дел в отношении компаний, зарегистрированных за рубежом, следует указать на рассмотренное 27 мая 2026 г. Таганским районным судом города Москвы дело по факту совершения Telegram Messenger Inc. административного правонарушения по ч. 4 ст. 13.41 КоАП РФ[5]. Ранее компания также привлекалась

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448; 2025. № 52. Ч. 1. Ст. 8356.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1; 2026. № 24. Ст. 3101.

[3] Законопроект № 989758-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (об установлении ответственности за нарушение порядка удаления и (или) ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/989758-7 (дата обращения: 10.07.2026).

[4] Постановление мирового судьи судебного участка № 422 Таганского района г. Москвы от 16 декабря 2021 г. по делу об административном правонарушении № 5-3130/21 // URL: https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2022/05/TikTok_ruling_1_12.16.2021.pdf (дата обращения: 10.07.2026).

[5] Постановление по делу об административном правонарушении судьи Таганского районного суда г. Москвы от 27 мая 2026 г. №5-255/2026 // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/admin/details/b4f53a80-4a08-11f1-86f6-3fe21019c159 (дата обращения: 10.07.2026).

к ответственности по ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере трех миллионов восьмисот тысяч рублей, а по ч. 4 – семи миллионов рублей[1].

Одним из проблемных вопросов является привлечение к административной ответственности за неисполнение обязанности по ограничению доступа к информации экстремистского содержания или ее удалению, если она, тем не менее, не содержит призывов к осуществлению экстремистской деятельности.

Так, некоммерческая организация «Internet Archive», зарегистрированная в соответствии с законодательством штата Калифорния (США) привлечена к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ. Роскомнадзор направил требование об удалении материала, однако в установленный срок оно исполнено не было[2]. За данное правонарушение установлено наказание в виде административного штрафа, который составляет для граждан от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; для должностных лиц – от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей; для юридических лиц – от восьмисот тысяч до четырех миллионов рублей.

В то же время неисполнение обязанности по удалению информации иного содержания влечет аналогичную ответственность. В частности, Закон № 149-ФЗ относит к ней информацию, которая выражена в неприличной форме, оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность. Установление одинаковой санкции за деяние, выраженное в неисполнении требования по удалению информации экстремистского содержания, является некорректным, поскольку уровень его общественной вредности выше. Поэтому следует выделить в ее структуре отдельную часть, которая закрепляет ответственность за неудаление владельцем сайта или владельцем информационного ресурса информации или интернет-страницы в случае, если она нарушает требования законодательства о противодействии экстремизму.

При привлечении к административной ответственности необходимо соблюдать принцип соразмерности наказания правонарушению, которое было совершено. По мнению И.В. Максимова, «административное наказание как мера ответственности и ограничения прав и свобод личности должно быть адекватно тем целям, которые определены законом государства» [1, с. 90].

С позиции соразмерности вызывает вопросы установление одинаковой ответственности для провайдеров хостинга и иных лиц, обеспечивающих размещение информационного ресурса с одной стороны, и владельцев сайта или информационного ресурса – с другой. Провайдер хостинга, как следует из Закона № 127-ФЗ, «осуществляет деятельность по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе». Наличие административного наказания за непринятие мер по ограничению доступа к сайту или информационному ресурсу выступает инструментом [3, с. 22], обеспечивающим противодействие распространению информации [4, с. 108] экстремистского содержания. Однако в отличие от владельца сайта или информационного ресурса, провайдер выполняет техническую функцию, не имея прямой заинтересованности в сохранении содержимого сайта или информационного ресурса. Поэтому неисполнение обязанности по ограничению доступа к ним может быть связано с неосторожностью, отсутствием надлежащих процедур внутреннего контроля за ответственным должностным лицом [5, с. 166].

В свою очередь, владелец сайта или информационного ресурса в большей мере заинтересованы в содержании информации, которая размещается на них, что оправдывает повышенный уровень ответственности за неисполнение требований уполномоченного органа [6, с. 44]. Это обусловливает разграничение административного наказания для рассматриваемых категорий лиц.

[1] Суд привлек Telegram Messenger Inc. к административной ответственности // URL: Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. Электронный ресурс. https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/news/17beb4de-5b6f-4a49-a30b-5e14d2f5deb0 (дата обращения: 10.07.2026).

[2] Решение Таганского районного суда г. Москвы от 11 июля 2024 г. по делу № 05-3181/2024 // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/admin/details/0ff189c0-3f61-11ef-9d45-e331d3c7a541 (дата обращения: 10.07.2026).

Учитывая санкции, которые уже установлены для владельцев сайтов и информационных ресурсов, необходимо снизить размер административного штрафа для провайдеров хостингов и лиц, обеспечивающих размещение информационного ресурса. За непринятие ими мер по ограничению доступа к информации, информационному ресурсу или сайту в сети «Интернет» следует применять административный штраф, который составляет для граждан от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; для должностных лиц – от ста тысяч до двухсот тысяч рублей, а для юридических лиц – от четырехсот тысяч до двух миллионов рублей. В свою очередь, непринятие провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение информационного ресурса, мер по ограничению доступа к сайту или ресурсу, на которых размещены информация, содержащая призывы к осуществлению экстремистской деятельности, оправдание или обоснование необходимости ее осуществления, должно влечь назначение наказания в виде административного штрафа для граждан в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; для должностных лиц – от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей; для юридических лиц – от восьмисот тысяч до четырех миллионов рублей.

С точки зрения обеспечения соразмерности наказания также сомнительным представляется отсутствие дисквалификации для должностных лиц, допустивших повторное неисполнение требований законодательства об информации [7, с. 105], информационных технологиях и защите информации по ч. 5 и ч. 6 ст. 13.41 КоАП РФ. Несмотря на значительный размер административного штрафа, он не во всех случаях может способствовать превенции правонарушения. В то же время дисквалификация, по справедливому замечанию Н.А. Синельниковой, она должна применяться «лишь за наиболее существенные нарушения норм права, при которых иные административные наказания не могут рассматриваться как способ предупредить дальнейшее совершение противоправных деяний» [2, с. 72]. Повторное совершение нарушения зачастую свидетельствует о наличии умысла в уклонении от исполнения обязанностей. Поэтому целесообразно дополнение соответствующих санкций административным наказанием [8, с. 85] в виде дисквалификации на срок от одного года месяцев до трех лет, что позволит обеспечить соразмерность наказания совершенному деянию и индивидуализацию ответственности [9, с. 45].

Подводя итог, представляется возможным сделать следующие основные выводы: следует закрепить повышенную ответственность за неудаление владельцем сайта или владельцем информационного ресурса информации или интернет-страницы, если она содержит информацию, нарушающую требования законодательства о противодействии экстремизму. Это позволит учесть уровень общественной вредности деяния; ввиду необходимости соблюдения принципа соразмерности наказания целесообразно снизить размер административного штрафа для провайдеров хостингов и лиц, обеспечивающих размещение информационного ресурса.

Список литературы

1. Максимов И. В. «Соразмерность» как принцип установления и применения административных наказаний (методологический аспект) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 89-98.

2. Синельникова Н. А. Проблемные вопросы применения дисквалификации за нарушение трудового законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4. С. 70-78.

3. Соколов А. Ю. Правовое регулирование деятельности общественных объединений научной направленности / А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 21-30. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-21-30. – EDN GRNFVE.

4. Гришковец А. А. Актуальные проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях сотрудниками полиции (процессуальные аспекты) / А. А. Гришковец // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 107-121. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-107-121. – EDN JEDLIV.

5. Санникова С. С. Некоторые вопросы совершенствования административно-правового обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации / С. С. Санникова // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 165-172. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-165-172. – EDN CENBDZ.

6. Запольский С. В. Административное принуждение в свете теории права / С. В. Запольский // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 43-50. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-43-50. – EDN UQHDUW.
7. Абакумов Д. В. Метод стимулирования в деятельности органов исполнительной власти по обеспечению экономического развития государства / Д. В. Абакумов // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 103-108. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-103-108. – EDN YOXZGT.
8. Сморчкова Л. Н. Виды средств административно-правового обеспечения экономической деятельности и перспективы их развития / Л. Н. Сморчкова // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 83-91. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-83-91. – EDN PECROJ.
9. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как вид правового принуждения: историографический анализ / А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 44-54. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-4-44-54. – EDN URMCUP.

References

1. Maksimov I. V. «Proportionality» as a Principle of Establishing and Applying Administrative Penalties (Methodological Aspect) // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012. № 5. Pp. 89-98.
2. Sinelnikova N. A. Problematic Issues of Applying Disqualification for Violation of Labor Legislation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. № 4. Pp. 70-78.
3. Sokolov A. Yu. Legal regulation of the activities of public associations of scientific orientation / A. Yu. Sokolov // Legal policy and legal life. 2025. № 3. Pp. 21-30. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-21-30. – EDN GRNFVE.
4. Grishkovets A. A. Actual problems of applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation by police officers (procedural aspects) / A. A. Grishkovets // Legal policy and legal life. 2025. № 3. Pp. 107-121. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-107-121. – EDN JEDLIV.
5. Sannikova S. S. Some issues of improving administrative and legal support for food security in the Russian Federation / S. S. Sannikova // Legal policy and legal life. 2025. № 3. Pp. 165-172. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-165-172. – EDN CENBDZ.
6. Zapolsky S. V. Administrative coercion in the light of the theory of law / S. V. Zapolsky // Legal policy and legal life. 2025. № 2. Pp. 43-50. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-43-50. – EDN UQHDUW.
7. Abakumov D. V. Method of stimulating the activities of executive authorities to ensure the economic development of the state / D. V. Abakumov // Legal policy and legal life. 2025. № 2. Pp. 103-108. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-103-108. – EDN YOXZGT.
8. Smorchkova L. N. Types of means of administrative and legal support of economic activity and the prospects for their development / L. N. Smorchkova // Legal policy and legal life. 2025. № 2. Pp. 83-91. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-83-91. – EDN PECROJ.
9. Sokolov A. Yu. Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses as a type of legal coercion: historiographic analysis / A. Yu. Sokolov // Legal policy and legal life. 2024. № 4. Pp. 44-54. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-4-44-54. – EDN URMCUP.

Информация об авторе: Шетогубов Павел Андреевич, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии (410056, Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3).

Information about the author(s): Shetogubov Pavel Andreevich, applicant for the degree of candidate of legal sciences, department of administrative and municipal law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy, (410056, Russia, Saratov, st. Chernyshevsky N.G., 104, office. 123).

Статья поступила в редакцию 12.07.2026; одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 12.07.2026; approved after 24.08.2026; review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 347.511
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.005

Гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый беспилотным воздушным судном

А.Н. Миннигулова[1]
Международный банковский институт им. А.Собчака
Санкт-Петербург, Российская Федерация
minnigulovaa@icloud.com
Е.Ю. Миронова
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы гражданско-правового регулирования возникающих последствий в связи с авариями с участием беспилотных воздушных судов (далее – БВС), что представляет собой актуальную проблематику для современной цивилистической науки. Законодательная дефиниция беспилотного воздушного судна закреплена в пункте 5 статьи 32 Воздушного кодекса Российской Федерации (далее ВК РФ), это воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот). Если общие вопросы признания БВС источником повышенной опасности ясны, то распределение бремени ответственности между владельцем и лицом, эксплуатирующим БВС (внешним пилотом, оператором), строится по нормам ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако, вопрос разрешения ситуации при потере управления БВС по причинам, независящим от внешнего пилота (оператора), в настоящее время вызывает вопросы и остается юридически неопределенным. В данном случае, мы сталкиваемся с коллизией норм: с одной стороны действует принцип безвиновной (эвентуальной) ответственности владельца источника повышенной опасности, а с другой стороны – имеет место ситуация невозможности возложения на лицо бремени возмещения вреда в ситуациях, где присутствует фактор стороннего вмешательства в процесс управления БВС. Развитие беспилотных воздушных судов в гражданском секторе требует выстраивания многоуровневой системы гарантий потенциальных потерпевших, включающий в себя четкие законодательные критерии разграничения ответственности пилота, систему страхования, возможность проведения качественной технической экспертизы.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, вред, беспилотное воздушное судно, БВС, беспилотник, деликты, гражданское право.

Для цитирования: Миннигулова А.Н., Миронова Е.Ю. Гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый беспилотным воздушным судном // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 32–37.

Original article

Civil liability for damage caused by unmanned aircraft

A.N. Minnigulova
A. Sobchak International Banking Institute
Saint Petersburg, Russian Federation
minnigulovaa@icloud.com
E.Yu. Mironova
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article discusses the issues of civil regulation of the consequences arising in connection with accidents involving unmanned aircraft (hereinafter referred to as BVS), which is a topical issue for modern civil science. The legislative definition of an unmanned aircraft is enshrined in paragraph 5 of Article 32 of the Air Code of the Russian Federation (hereinafter VK RF), it is an aircraft controlled, controlled in flight by a pilot outside such an aircraft (external pilot). If the general issues of recognition of the BVS as a source of increased danger are clear, then the distribution of the burden of responsibility between the owner and the person operating the BVS (external

[1] Научный руководитель – Д.Б. Миннигулова, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

© Миннигулова А.Н., Миронова Е.Ю., 2026.

pilot, operator) is based on the norms of Art. 1079 of the Civil Code of the Russian Federation. However, the issue of resolving the situation when the control of the BVS is lost for reasons beyond the control of the external pilot (operator), currently raises questions and remains legally uncertain. In this case, we are faced with a conflict of norms: on the one hand, the principle of guilt-free (eventual) responsibility of the owner of the source of increased danger applies, and on the other hand, there is a situation where it is impossible to impose the burden of compensation for harm on a person in situations where there is a factor of third-party interference in the BVS management process. The development of unmanned aircraft in the civilian sector requires building a multi-level system of guarantees for potential victims, which includes clear legislative criteria for delimiting pilot responsibility, an insurance system, and the possibility of conducting high-quality technical expertise.

Keywords: civil liability, harm, unmanned aircraft, BVS, drone, torts, civil law.

For citation: Minnigulova A.N., Mironova E.Yu. Civil liability for damage caused by unmanned aircraft // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 32–37.

Правовое регулирование последствий аварий с участием беспилотных воздушных судов (далее – БВС) актуально для современной цивилистики. Законодательная дефиниция беспилотного воздушного судна закреплена в пункте 5 статьи 32 Воздушного кодекса Российской Федерации (далее ВК РФ)[1], это воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот). Если общие вопросы признания БВС источником повышенной опасности ясны, то распределение бремени ответственности между владельцем и лицом, эксплуатирующим БВС (внешним пилотом, оператором), строится по нормам ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ)[2]. Однако, вопрос разрешения ситуации при потере управления БВС по причинам, независящим от внешнего пилота (оператора), в настоящее время вызывает вопросы и остается юридически неопределенным. В данном случае, мы сталкиваемся с коллизией норм: с одной стороны действует принцип безвиновной (эвентуальной) ответственности владельца источника повышенной опасности, а с другой стороны – имеет место ситуация невозможности возложения на лицо бремени возмещения вреда в ситуациях, где присутствует фактор стороннего вмешательства в процесс управления БВС.

Д.Д. Мотасова последовательно доказывает, что БВС являются вещами и их гражданский оборот урегулирован нормами гражданского законодательства, в то же время, порядок регистрации, права пилота БВС, страхование ответственности владельца воздушного судна перед третьими лицами за вред, причиненный жизни или здоровью либо имуществу третьих лиц и т. д. устанавливаются воздушным законодательством[3] [1, с. 103-104].

Относительно гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный БВС следует отметить, что согласно действующему российскому гражданскому праву (ст. 1064 ГК РФ – генеральный деликт) «…вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. Законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Законом может быть установлена обязанность лица, не являющегося причинителем вреда, выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда».

Как верно утверждает Д.Д. Мотасова, вред, причиненный беспилотным лета-

[1] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения 10.07.2026).

[3] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

тельным аппаратом, может быть признан вредом, причиненным источником повышенной опасности и вследствие этого компенсироваться вне зависимости от вины владельца БВС, в том случае, если суд посчитает нужным признать его таковым [1, с. 105]. Для устранения правовой неопределенности предлагается изложить п. 1 ст. 1079 ГК РФ в следующей редакции «1. Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов, беспилотных летательных аппаратов, беспилотных воздушных судов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 настоящего Кодекса.

Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т. п.)».

Вместе с тем, отдельные исследователи отмечают, что «неясным остается вопрос об ответственности в случае причинения беспилотниками тяжкого вреда, обусловленного сбоем в заложенном в них программном обеспечении. Для решения этой проблемы рациональным представляется установление административной и уголовной ответственности для лиц, разрабатывающих ненадлежащее программное обеспечение для беспилотников либо нарушающих технологию его установки и обслуживания» [2, с. 108].

Как заключает А. А. Шлеинов «...чтобы иметь возможность поддерживать существующее экономическое положение, а также стимулировать его развитие, по нашему мнению, законодательство и выработало принцип безвиновной ответственности, применяемый в определённых случаях и/или только для определённого круга лиц. Гражданское право, охраняющее частные интересы, призвано восстановить имущественное положение потерпевшей стороны для поддержания экономической деятельности» [3, с. 56-57].

Д. Конош уточняет, что БВС, это часть беспилотной авиационной системы, т. е. комплекса взаимосвязанных элементов, включающего в себя одно или несколько БВС, средства обеспечения взлета и посадки, средства управления полетом одного или нескольких беспилотных воздушных судов и контроля за их полетом [4, с. 1-2].

Одним из основных составных элементов БАС является ВБС - воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот).

Закон устанавливает два вида публичной ответственности в случаях незаконного использования беспилотных авиационных систем – административная и уголовная.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 11.4 КоАП РФ)[1] предусмотрена административная ответственность за нарушение правил использования воздушного пространства. За такие противоправные действия возможно привлечение к ответственности в виде административного штрафа на граждан в размере от 20 до 50 тысяч рублей; на должностных лиц - от 50 до 150 тысяч рублей; на юридических лиц - от 250 до 500 тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

В случаях использования воздушного пространства Российской Федерации без разрешения, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

вреда здоровью или смерть человека, последует уголовная ответственность по части 1 статьи 271.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)[1]. Санкция статьи - лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Если данное деяние повлекло по неосторожности смерть двух или более лиц, ответственность за него предусмотрена частью 2 статьи 271.1 УК РФ в виде лишения свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Возвращаясь к гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый беспилотным воздушным судном отметим, что О.А. Красавчиков, например, отвергая понятие безвиновной ответственности, писал, что «нормы о распределении имущественных последствий по системе риска построены на иных началах, чем нормы об ответственности за виновное правонарушение» [5. с. 142].

Однако, в гражданском же праве уместней было бы употреблять понятие риск, которое означает возможность несения лицом неблагоприятных для себя имущественных последствий ввиду осуществления им каких-либо действий в рамках гражданско-правовых отношений.

Однако, поскольку законодатель отказался от понятия «риск», употребив понятие «ответственность», мы вынуждены также пользоваться данным понятием в нашем исследовании [3, с. 57].

К специальным деликтам следует отнести деликты, возникающие в результате причинения вреда БВС, как источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), однако важной задачей является разграничение так называемого казуса, который в деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, поглощается риском владельца, и непреодолимой силой [6, с. 74].

Согласно п. 1 ст. 1079 и п. 3 ст. 401 ГК РФ существует два признака форс-мажора: чрезвычайные обстоятельства или непреодолимая сила, то есть выход за пределы прогнозируемого нормального риска [7, с. 139], и непредотвратимость при должном уровне подхода к управлению ВБС, какой требовался от пилота. Термины «чрезвычайные», «непредвиденные» обстоятельства и «непреодолимая сила» требуют детального анализа.

Чрезвычайные обстоятельства в цивилистике понимаются как выход за пределы обычного, статистического хода какого-либо события. Применительно к эксплуатации беспилотного воздушного судна граница между типичным риском и чрезвычайным обстоятельством достаточно тонкая, а значит, требует анализа через действия среднестатистического пилота воздушного судна. К таким обстоятельствам можно отнести: природные явления (сильный ветер, гроза и т. д.) в случае, если они не являются типичными для региона, внешние события технического характера (масштабное отключение спутников навигационных систем), действия третьих лиц (попытка или перехват управления, сбитие БВС). Данные события достаточно редки, но имеют место быть.

Непредвиденные обстоятельства представляют собой субъективную характеристику, отражающую интеллектуально-волевое состояние конкретного лица в конкретный момент времени. Применительно к эксплуатации БВС, это означает, что пилот, запускающий БВС, действительно не предвидел и по своему уровню подготовки и опыту не мог предвидеть наступления конкретного события. Непредвиденность привязана к личности пилота, причинившего вред, его индивидуальным способностям к прогнозированию обстановки. Именно по данному критерию понятия «чрезвычайных» и «непредвиденных» обстоятельств и отличаются: чрезвычайные обстоятельства – объективная категория, а непредвиденные обстоятельства – субъективная категория.

Следующей категорией выступают непредотвратимые обстоятельства. При эксплуатации источника повышенной опасности данная норма занимает центральное место в механизме освобождения его вла-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

дельца от гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда третьим лицам. Если чрезвычайность характеризует природу события как исключительного и нетипичного явления, то непредотвратимость обращена к поведению самого пилота, причинившего вред. В данном случае, необходимо определить использовал ли пилот все возможные и доступные ему средства, в целях недопущения причинения вреда третьим лицам. Для того чтобы применить данную норму, необходимо знать объективный стандарт поведения пилота в аналогичных условиях. Если такой среднестатистический пилот, обладающим соответствующим уровнем подготовки и действующий в рамках стандартных правил действий в конкретной ситуации, мог бы предотвратить вред или свести его к минимуму, непредотвратимость отсутствует, даже если конкретный пилот в силу недостатка опыта ничего не смог сделать. При эксплуатации БВС оценка непредотвратимости должна строиться на не менее двух составляющих: стадии предполетной подготовки и стадии регулирования действий пилота при нештатных ситуациях в воздухе. При несоблюдении правил данных стадий, ответственность за причинение вреда третьим лицам возлагается на самого пилота.

На стадии предполетной подготовки от пилота требуется совершить исчерпывающий перечень действий, направленных на предотвращение возможных аварийных ситуаций: проверка технического состояния судна, целостность конструкции, работу аккумулятора, отсутствие механических повреждений, работоспособность всех мониторов на стеновой раскрутке. Также, не менее важным будет являться оценка метеорологической обстановки, а также других внешних факторов, влияющих на полет БВС. Предполетная подготовка – это необходимый процесс проверки судна к эксплуатации, в том числе и в целях недопущения вреда третьим лицам.

Вторая стадия заключается в самом реагировании на нештатную ситуацию, возникшую в полете. В данном случае, от пилота требуется грамотно и своевременно среагировать на возникающий фактор риска. Как правило, у каждого пилота есть инструкция как действовать в той или иной обстановке будь то в случае потери сигнала управления в рамках заявленной дистанции работы аппарата от пилота или же внезапный отказ аккумуляторной батареи в момент полета. Последняя ситуация встречается более часто. Литий-полимерные аккумуляторы, которые используются во многих моделях БВС, обладают особенностью – внутреннее сопротивление резко возрастает при низких температурах, а напряжение под полезной нагрузкой может просесть крайне быстро, что БВС автоматически без команды пилота совершает аварийную посадку. Судебная практика не признает такой случай непреодолимой силой, обосновывая это тем, что пилот обязан знать в технические характеристики БВС. Непреодолимой силой может считаться, например случай, когда в такой батареи был внутренний дефект, и лишь в том случае, когда он не был выявлен никакими средствами предполетной диагностики.

Отграничивая термины «чрезвычайных» или «непредвиденных» обстоятельств, а также «непреодолимой силы», следует подчеркнуть, что все три категории имеют свою иерархию: непредвиденность, будучи субъективной, не исследуется как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности, она лишь может повлиять на размер возмещения ущерба. Чрезвычайность и непреодолимость одновременно являются объективными категориями, которые следует также анализировать и доказывать реально существующими. Каждый из этих признаков подлежит самостоятельной оценке, и только их совокупность в рамках конкретного дела может служить основанием для освобождения владельца источника повышенной опасности от гражданско-правовой ответственности.

Подводя итог, следует отметить, что развитие беспилотных воздушных судов в гражданском секторе требует выстраивания многоуровневой системы гарантий потенциальных потерпевших, включающий в себя четкие законодательные критерии разграничения ответственности пилота, систему страхования, возможность проведения качественной технической экспертизы, а также единообразную судебную практику, основанную не только на гражданском и воздушном законодательстве, но и на технических особенностях современных беспилотных систем.

Список литературы

1. Мотасова Д. Д. Особенности гражданско-правового регулирования в сфере использования беспилотных летательных аппаратов и перспективы его совершенствования // Право и государство: теория и практика. 2020. №2. С. 103-106.
2. Фокин М. С., Рязанов Н. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 103-110.
3. Шлеинов А. А. Безвиновная гражданско-правовая юридическая ответственность в гражданском праве РФ на примере ответственности за причинённый моральный вред // Юридические исследования. 2020. № 3. С. 48-61.
4. Конош Д. А. О мерах ответственности владельцев беспилотных воздушных судов в случае незаконного использования // Транспорт. Горизонты развития. 2022. № 2. С. 1-4.
5. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М.: Юрид. лит, 1966. 200 с.
6. Миннигулова А. Н., Миннигулова Д. Б., Калугина В. В. Вина и риск как специфические условия наступления гражданско-правовой ответственности предпринимателя // Право и государственность. 2024. № 4 (5). С. 73-79.
7. Актуальные проблемы гражданского права. Обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения» (Уфа, 24 апреля 2009) // Евразийский юридический журнал. 2010. № 1(20). С. 132-141. – EDN KZJILV.

References

1. Motasova D. D. Features of civil law regulation in the use of unmanned aerial vehicles and prospects for its improvement // Law and state: theory and practice. 2020. №. 2. Pp. 103-106.
2. Fokin M. S., Ryazanov N. S. Actual problems of criminal law regulation of the illegal use of unmanned mobile devices // Actual problems of Russian law. 2018. № 1. Pp. 103-110.
3. Shleinov A. A. Innocent civil legal liability in civil law of the Russian Federation using the example of liability for moral damage // Legal research. 2020. № 3. Pp. 48-61.
4. Konosh D. A. On measures of responsibility of owners of unmanned aircraft in case of illegal use // Transport. Development horizons. 2022. № 2. Pp. 1-4.
5. Krasavchikov O. A. Compensation for harm caused by a source of increased danger. - M.: Juridit, 1966. 200 p.
6. Minnigulova A. N., Minnigulova D. B., Kalugina V. V. Guilt and risk as specific conditions for the onset of civil liability of an entrepreneur // Law and statehood. 2024. № 4 (5). Pp. 73-79.
7. Actual problems of civil law. Review of materials of the international scientific and practical conference «Actual problems of improving Russian legislation and law enforcement» (Ufa, April 24, 2009) // Eurasian Legal Journal. 2010. № 1(20). Pp. 132-141. – EDN KZJILV.

Информация об авторе (авторах): Миннигулова Алия Наилевна, студент Международного банковского института им. А.Собчака (191023, Санкт-Петербург, Невский пр., 60).

Миронова Евгения Юрьевна, курсант Санкт-Петербургского университета МВД России (198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1).

Information about the author(s): Minnigulova Aliya Nailevna, student of the International Banking Institute named after A. Sobchak (191023, St. Petersburg, Nevsky prospect, 60).

Mironova Evgenia Yuryevna, cadet of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (198206, Russia, St. Petersburg, 1 Pilot Pilyutova St.).

Статья поступила в редакцию 12.08.2026; одобрена после рецензирования 27.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 12.08.2024; approved after 27.08.2026 review; accepted for publication 07.09.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 34.096
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.006

Вопросы криминологии: социальные факторы и причинность «всплеска» насильственных деяний, в среде обучающихся несовершеннолетних лиц

Б.З. Маликов
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
malikov_bz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы причинности насильственных деяний в среде обучающихся несовершеннолетних в настоящее время и факторы, усилившие агрессивные аномалии, связанные с насильственной преступностью. Анализируется проблематика резкого всплеска негативного поведения школьников, в форме криминальных насильственных их проявлений в учебных заведениях. Исследуется практика деятельности компетентных органов государств по выстраиванию механизмов организации общественной безопасности, правопорядка и правосудия, в которой вопросы воздействия на разные векторы деструктивного проявления детского и молодежного общественно-опасного поведения всегда были объектом внимания и особого контроля официальной власти, а в более поздние времена стали предметом глубокого исследования наук педагогики, педиатрии, криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права. По мнению автора статьи, детское и юношеское общественно-опасное поведение, будучи относительно «устойчивым» и деструктивным, в целом является проявлением слабых еще не сформированных личностных их строго индивидуальных качеств, провоцируемых на правонарушения, широким кругом обстоятельств: а) эмоциями и слабо, контролируемой физической энергетикой; б) копированием поведения взрослых лиц; в) провокативными и ложными действиями посторонних лиц; г) деформированным или искаженным пониманием чувства взаимоподдержки, товарищества и солидарности, д) стремлением восполнить недоступные легальным путем набор вещей, предметов и благ; е) как действо, замещающее родительскую и семейную несостоятельность, тепло и внимание; ж) целый порядок проблем, связанных с организацией обучения в современной школе, личностной и групповой дифференциации школьников в классах, обеспечения общей дисциплины, безопасности и охраны. В современной России проблемы воспитания детей обрели новые проявления, вызванные замещением советских и социалистических основ воспитания и культуры капиталистическими экономико-социальными отношениями, и пока четко не проявившейся стратегией социального движения.

Ключевые слова: криминология, право, несовершеннолетние, проблемы, насилие, общественно-опасное поведение, образовательные организации, воспитание, родители, государство, органы власти, наказание, традиция, культура.

Для цитирования: Маликов Б.З. Вопросы криминологии: социальные факторы и причинность «всплеска» насильственных деяний, в среде обучающихся несовершеннолетних лиц // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 38–52.

Original article

Criminology issues: social factors and the causality of the «surge» of violent acts among underage students

B.Z. Malikov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
malikov_bz@mail.ru

Abstract. The article discusses topical issues of the causality of violent acts among currently studying minors and factors that have increased aggressive anomalies associated with violent crime. The problems of a sharp surge in negative behavior of schoolchildren, in the form of criminal violent manifestations in educational institutions, are analyzed. It examines the practice of the competent authorities of states to build mechanisms for organizing public safety, law and order and justice, in which issues of impact on different vectors of the destructive manifestation of child and youth socially dangerous behavior have always been the object of attention and special control of the official

© Маликов Б.З., 2026.

authorities, and in later times have become the subject of in-depth study of the sciences of pedagogy, pediatrics, criminology, criminal and penal law. According to the author of the article, children's and youthful socially dangerous behavior, being relatively «stable» and destructive, is generally a manifestation of their weak, not yet formed personal, strictly individual qualities, provoked by offenses, a wide range of circumstances: a) emotions and poorly controlled physical energy; b) copying the behavior of adults; c) provocative and false actions of unauthorized persons; d) a deformed or distorted understanding of the feeling of mutual support, camaraderie and solidarity, e) the desire to fill the set of things, objects and goods inaccessible by legal means; f) as an action replacing parental and family failure, warmth and attention; g) a whole order of problems associated with the organization of education in a modern school, personal and group differentiation of schoolchildren in classes, ensuring general discipline, safety and security. In modern Russia, the problems of raising children have acquired new manifestations caused by the replacement of the Soviet and socialist foundations of upbringing and culture with capitalist economic and social relations, and the strategy of the social movement that has not yet clearly manifested itself.

Key words: criminology, law, minors, problems, violence, socially dangerous behavior, educational organizations, upbringing, parents, state, authorities, punishment, tradition, culture.

For citation: Malikov B.Z. Criminology issues: social factors and the causality of the «surge» of violent acts among underage students // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 38–52.

В России в первой четверти XXI века общественно-опасное поведение детей, преступность подростков и несовершеннолетней молодежи претерпела некоторые качественные изменения, связанные с сущностью и характером экономических, социальных, политических и государственных трансформаций, связанных с «возвращением» страны и социума в мировую «традицию капитализма». В обозначенный период основным объектом экономической и социальной уязвимости вновь стали семья и дети во всех форматах постсоциалистических «реформаций» и их негативных последствий. Еще первый руководитель советского государства В.И. Ленин отмечал, что социальная сущность и противоречивость капиталистических отношений деморализует и криминализирует социум, а в стадии империализма ведет к его к системному загниванию. В условиях капиталистической экономики и противоречивых общественных отношений правоохранительная деятельность является лишь сдерживающим фактором и механизмом в предупреждении правонарушений детей и несовершеннолетних, не способная влиять на причинные их факторы и обстоятельства.

На общем фоне повышения материального разноуровневого достатка для усредненного потребителя в стране и наличия весьма широкого предложения потребительским рынком продуктов питания, одежды, обуви, бытовой техники и прочих товаров повседневного спроса, в том числе детских и школьных товаров, в «детском социуме» России не наблюдается устойчивых позитивных качественных изменений. В нем имеет место возрастание правонарушающего и криминального поведения особенно в последние два года. По данным Минпросвещения в 2025 году при участии детей было совершено 29,1 тыс. преступлений, в том числе 6,2 тыс. – особо тяжких. Оба этих показателя растут с 2024 года[1]. Не лучшим образом складываются показатели насильственной преступности, субъектами которых были учащиеся школ. Совет безопасности России отмечает, что в 2025/26 учебном году зафиксировано 26 вооруженных нападений учащихся на образовательные учреждения, 21 из них произошло в 2026 году[2].

Несовершеннолетние лица в «обновленном» социуме, оказались в условиях высокой насыщенности социума товарами и услугами, индивидуальной включенности их в широкое не кем не контролируемое поле информационного воздействия и давления, неравной и резко разноуровневой материальной обеспеченностью по доходам семей, способных свободно пользоваться предлагаемыми благами. Большинство детей оказались в семьях со слабой социальной защищенностью и в форматах усредненных показателей не высокого каче-

[1] См.: Мотызлевская П. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не терактами // https://www.kommersant.ru/doc/8710106. (дата обращения: 25.06.2026).

[2] См.: Совбез сообщил о росте подростковой преступности с начала 2026 года // https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6a564abd9a794718316053a3. (дата обращения: 25.06.2026).

ства жизни. Школа «отдалилась» от семей учащихся, да и самих учеников набором реализации новых формальностей, не связанных с учебным процессом, воспитанием детей, передачей им знаний и значимых традиций родного Отечества. Организация дисциплины и учебного процесса, уровень педагогического напряжения стали возрастать включением в сферу школьного обучения детей мигрантов, плохо владеющих русским языком, этнически не настроенных понимать и впитывать традиции, культуру и историю России. Официальные рекомендации о распределении учеников-мигрантов не более трех на класс, не всегда удается осуществить в реальных условиях работы конкретных школ.

Школы и педагогический состав начали испытывать острые последствия негативного влияния «рыночного» культивирования в социуме проявлений аморальности, беспринципности, откровенного обмана, агрессии, сильного влияния конгломератов субкультуры и деформаций в системах воспитания личной культуры, эстетики и других социальных демонстрационных самовыражениях. Школьное образование претерпело существенные изменения, которое напрягает и комплексует школьников и их родителей системами контроля и оценок знаний, итоговыми аттестациями, «условиями» переводных процедур особенно для продолжения обучения в 10 класс[1].

Все это повлекло резкий всплеск в 2026 г. негативного поведения школьников, в форме криминальных насильственных их проявлений в учебных заведениях.

В мировой практике государств в деятельности по выстраиванию механизмов организации общественной безопасности, правопорядка и правосудия вопросы воздействия на разные векторы деструктивного проявления детского и молодежного общественно-опасного поведения всегда были объектом внимания и особого контроля официальной власти, а в более поздние времена стали предметом глубокого исследования наук педагогики, педиатрии, криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права.

Деторождение и воспитание детей, – это самая главная истина человеческой философии жизни, формирующая силы тепла семьи и любви родительского дома. Эта истина гуманитарного порядка, значимая для всего общества, непременно должна быть качественно дополнена заботой государства о семье и детях, а также отточенными государственными форматами поддержки школы и педагогов для достижения должных уровней мастерства и заботы педагогов, способных вкладывать в каждого ученика знания, культуру и опыт социального общения и взаимодействия, опираясь на свои профессиональные способности и личные усилия в учебном заведении. Не конкурсы педмастерства укрепляют профессиональный уровень и состав педагогов, а системные и комплексные меры государства, органов, отвечающих за организацию работы школ и других учебных заведений за авторитет педагога, высочайшую роль школы в обществе. Серьезные меры государства в опоре на здоровые силы общества будут форматировать требуемый социальный здоровый дух педагогического труда, поднимать общий уровень педмастерства до требуемого должного высокого порядка. Школа также должна быть переустроена организационно, в кадровом, досугово-бытовом, предметном значениях.

Детское и юношеское общественно-опасное поведение, будучи относительно «устойчивым» и деструктивным, в целом является проявлением слабых еще не сформированных личностных их строго индивидуальных качеств, провоцируемых на правонарушения, широким кругом обстоятельств: а) эмоциями и слабо, контролируемой физической энергетикой; б) копированием поведения взрослых лиц; в) провокативными и ложными действиями посторонних лиц; г) деформированным или искаженным пониманием чувства взаимоподдержки, товарищества и солидарности, д) стремлением восполнить недоступные легальным путем набор вещей, предметов и благ; е) как действо замещающее родительскую и семейную несостоятельность, тепло и внимание; ж)

[1] Верховный суд разъяснил особенности отбора школьников в профильные классы // https://ria.ru/20260824/sud-2112853822.html. (дата обращения: 24.06.2026).

целый порядок проблем, связанных с организацией обучения в современной школе[1], личностной и групповой дифференциации школьников в классах, обеспечения общей дисциплины, безопасности и охраны.

Дети и конкретный ребенок в социальном пространстве, как особая ценность не только семьи, но и всего социума, длительное время в истории человечества не имели всеобщей комплексной социальной оценки своей гражданской, социальной и цивилизационной индивидуальности, принципов выражения формата «статуса» родительской, семейной и социальной опеки и защиты, точного криминологического определения правонарушающего поведения и механизмов прямой и косвенной ответственности. Ответственность детей в зависимости от возраста долгое время копировала виды и формы таковой, применяемой ко всем физическим лицам или просто не выделялась в общем формате ответственности.

Не признание детства особой сферой пристального социального и государственного внимания и участия влекло отсутствие должных и эффективных институтов поддержки семей и детей и в первую очередь виде сформированности единой и равной для всех слаженной системы учреждений для целей организации устойчивого и гармоничного развития из детского начала добропорядочной личности молодого человека с уровнем и состоянием полной гражданской самостоятельности и ответственности.

В Российской Империи вплоть до XX века деревенские дети в больших семьях не имели необходимой индивидуальной верхней одежды и обуви по сезону, не существовало медицинского сопровождения детей с рождения, отсутствовала система детских учреждений и школ в современном понимании.

Официальная историография свидетельствует, что начало организации обучению грамоте населения в Русском государстве было положено в 16 веке на основе Уложения Стоглавого Собора 1551 г., которым предписывалось обучать грамоте «духовным священникам и диаконам». В 17 веке обучение грамоте было усовершенствовано в лоне церкви, но кроме основ знаний по письму, чтению, арифметике, пению, этике, обучающимся прививали благочестие к церкви и религии. «Учились дети людей «всякого чина… и сана, славных и худородных, богатых и убогих, даже и до последних земледельцев». Более высокий уровень церковной организации преподавания грамоте и элементарным знаниям стали составлять «братские школы», а также школы при Духовных академиях и при Печатных дворах[2]. Церковные учреждения ревностно в своих интересах приобщали детей к знаниям и, особенно к постижению преимущественно религиозных основ воспитания [3, с. 141] на идеях богопризнания и богобоязни, а также на своих ценностях религиозной культуры и нормативах церкви.

Авторитет учителя в Российской Империи и в СССР был поднят достаточно значимо. Он поддерживался должными мерами государства.

Образование в Российской Империи в 1802 г. Министерства народного просвещения позволило системно формировать образовательную среду и педагогическую профессиональную сферу. С 1834 года преподаватели гимназий, уездных и приходских училищ, домашние учителя были возведены в ранг гражданских служащих, что в соответствии с чинами «Табеля о рангах» учитель получал чин и имел право на жалованье, награды, пенсию.

Все эти привилегии не распространялись на учителей начальных сельских школ. Следует отметить, принимаемые меры влияли на социальный состав педагогов через возрастание притока в учебные заведения дворян, бывших чиновников, молодых служащих. Школы стали обретать более облик светского учреждения. Все это работало на авторитет школы, как источника для получения ква-

[1] Возникают вопросы: «Каким требованиям должна соответствовать школа, исходя из задач социального заказа»? «Кто является субъектами социального заказа на образование в школе, колледже, ВУЗе», «Каковы источники финансирования образования и профессиональной подготовки?», «Соответствует ли Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ современным реалиям капиталистической действительности.

[2] См.: Образование в XVII веке // https://www.rosimperija.info/post/429. (дата обращения: 25.06.2026).

лифицированных знаний и труда педагогов.

В советское время государство сферу школьной педагогики вывело из церковной опеки и влияния, значительно реформировало и расширило сеть школ в силу необходимости реализации главной цели, – преодоления безграмотности населения, доставшегося в наследие от бывшей Самодержавной и церковно-религиозной России. Тогда же школа стала решать не только вопросы грамотности и культуры социума страны, но обеспечения знаниями массы трудящихся для включения их решение важных целей, – в форматы устремленности государства и народа к вершинам науки, индустриализации страны и техническому прогрессу.

На международном уровне проблема прав ребенка и их защиты в истории человечества достаточно рельефно была обозначене только в конце XVIII века в Европе, но так и не была четко сформулирована в виду отсутствия выработанных принципиальных подходов к её решению.

Потребовалось еще достаточно значительное время, чтобы вопрос социально-правового статуса детей обрел в международном пространстве облик официального социально-идейного контура в виде заявленных оценок-принципов и рекомендаций для мирового сообщества, государств, семей и родителей о неповторимой и исключительно значимой биолого-социальной ценности ребенка, детей, как родительского и семейного блага, а также нового и неповторимого качественного состояния семьи, поколенческой предпосылки для развития в целом цивилизации и социума каждого государства.

Впервые на международном уровне, без участия РСФСР, Декларация прав ребёнка была принята 26 ноября 1924 года Пятой Ассамблеей Лиги Наций в Женеве [2, с. 114]. Её ограниченность состояла в том, что она выделала наиболее основные проблемы того времени и ставила под запрет: 1) широкое использование детского труда; 2) детское рабство; 3) торговлю детьми; 4) проституцию несовершеннолетних. В ней было заявлено, что ребёнку должны быть предоставлены средства, необходимые для его нормального развития, как физического, так и духовного:

– он должен быть накормлен в случае голодания; болезни, – получить необходимую помощь; при ошибке, – поправлен; а сирота и бездомный ребёнок, – получить приют и поддержку в трудную минуту;

– в первую очередь получать помощь в тяжёлое время испытаний;

– расти в атмосфере любви и быть защищенным от всех форм эксплуатации;

– воспитываться в сознании, что его лучшие качества должны служить на пользу другим людям.

Однако, идеи первой Декларации о детях так и остались не реализованы и надолго были погребены под варварством и смертоносностью Второй мировой войны, включая ядерные поражения армией США городов Хиросима и Нагасаки.

В дальнейшем важным и судьбоносным документом о детях и детстве стала Декларация прав ребенка (1959 г.), в которой на международном уровне было отражено истинное положение детей в современном мире и впервые остро поставлена перед мировым сообществом проблема детей [5], обеспечения их должного воспитания и достойного развития. Декларация проблему детей обозначала, как ведущее объективно-субъективное биолого-социальное проявление человека в брачных отношениях в традиционной семье. Исключительная функция семьи, как вечной и незыблемой истины бытия, проявляется в деторождении и в воспитании детей, в решении вопросов заботы о их благополучии и всесторонней защите их интересов, как полностью зависимой от семьи, родителей и государства, – самой важной их ценности. Дети, являясь смыслом человечества, – от рождения и до совершеннолетия, должны ощущать в себе всестороннюю заботу, помощь, позитивный дух родства, значимость процесса воспитания.

Безусловно, проблемы семьи и воспитания детей, рассматриваются и должны рассматриваться, а также оцениваться, как важные аспекты качества демографии и её социальной динамики, как поддержание позитивных начал и тенденций в процессе смены поколений в социуме и государстве, так и в планетарном масштабе.

В трудах ученых не редко отмечается,

что положения настоящей Декларации оказали существенное влияние на изменение политики ряда государств в части реализации прав и интересов детей и молодого поколения [1, с. 5]. Казалось бы, все верно, но есть необходимость поправить некоторые оценки С.В. Широ и сделать значимую оговорку по высказанной им позиции о деятельности государств по обеспечению прав детей. По каким-то причинам, им не выделен важный исторический и социальный факт, что в тот исторический момент существовал уже более 20 лет и реально использовался свой опыт комплексной защиты детей в РСФСР, а также советского воспитания детей-сирот после гражданской войны.

Действительно агрессия нацистской Германии в годы Второй мировой войны не оставляла надежд населению и детям покоренных территорий никаких возможностей на сохранение им жизни и здоровья.

На огромной территории СССР дети в годы Великой Отечественной войны вынуждено привлекались к труду. Организация труда в тылу всех трудоспособных советских людей представляла собой патриотический долг всех граждан, имевших способности к труду. Привлечение разновозрастных граждан к труду было задачей создания прочного рубежа трудовой обороны Отечества всего населения тыла СССР. А вот какой делает упрек государству и советскому руководству автор монографии Широ С.В.: «Не лучше было положение детей, оставшихся в тылу. Их отцы уходили на фронт сражаться за свое Отечество, а они с матерями становились к станкам, днями и ночами обеспечивали фронт всем необходимым. Многие дети, оставшись без присмотра взрослых и оказавшись предоставленными сами себе, становились на путь совершения правонарушений» [1, с. 20].

Надо отметить, дети в тех неординарных условиях могли совершать правонарушения и преступления, но это не носило массовый характер для этого тогда существовало много негативных причин и обстоятельств. В какой-то момент дети могли оказаться в ситуации полного одиночества, безысходности и беззащитности или дурного влияния. Во время войны и после её окончания советское государство усилило работу с детьми, оставшихся без родителей, укрепив систему детских домов и, создав для мальчиков суворовские и нахимовские училища.

Ряд исследователей, оценивая политику советского государства в трудные времена своего изначального становления[1] и обретения политического, экономического и военного суверенитета, в окружении агрессивных и недружественных государств, оставляют в стороне главный вопрос, что строительство и созидание социализма в огромной по масштабам территории, преимущественно с малограмотным и в большинстве своем сельским населением, со слабой экономикой и отсутствием социальной инфраструктуры, дорог и электрического обеспечения, осуществлялось за счет энтузиазма и героизма народа, его веры в себя, в свое государство, в неистощимую силу народа в родном Отечестве. В числе первых шагов советского государства были меры по преодолению негативов беспризорности детей, организация системной работы в сфере школьного образования, формирования новых условий быта граждан, семейной культуры и традиций, создание сети дошкольных детских воспитательных и медицинских учреждений.

В современной России проблемы воспитания детей обрели новые проявления, вызванные замещением советских и социалистических основ воспитания и культуры капиталистическими экономико-социальными отношениями, и пока четко не проявившейся стратегией социального движения.

В России с начала 90-х годов был сломан советский социальный механизм взаимодействия государства и семьи по организации

[1] За свою короткую историю Советской России трижды приходилось «поднимать» экономику и укреплять социальную организацию: 1) после разрухи за период Гражданской войны; 2) после разрухи и потерь в годы Великой Отечественной войны; 3) после упадка кризисного характера хрущевской ревизионизма и волюнтаризма, а также последовавшей конфронтации в рамках «холодной войны», завершившейся, сдачей ранее завоеванных значимых позиций социализма, а также развалом СССР.

сложного процесса взращивания и воспитания детей на основе функционирования системы дошкольных, школьных и внешкольных развивающих и творческих детских учреждений. Для семьи подобный формат воспитания детей высвобождал физические, временные и личностные затраты родителей на организацию работы с детьми и открывал широкие возможности им для активной трудовой и иной деятельности, не позволял в период раннего возраста детей утрачивать профессиональные и иные личностные полезные навыки. Все это работало, как на интересы семейного позитива, так и на успешное вложение энергетики семьи, социума и государства в результаты воспитания детей и молодежи.

Современные постсоветские «изломы» в организации «линейки» детской встроенности в систему помощи, мер воспитания, педагогического обучения и контроля проявились сразу после вхождения социума России в капитализм. Они стали ослаблять потенциал социальной полезности института семьи, школы и деформировать детскую и школьную среду.

Новая культура свободы «отношений» капитализма резко изменила традиционные нравы, упростила и понизила «запросы» на крепкий пожизненный и счастливый «брак», как объективное позитивное, неповторимое социальное творение, источник любви, тепла, добра, счастья и долголетия семьи, а также биолого-социальной основы детской состоятельности и успешности. Подверглись коренной, но весьма сомнительной ревизии сущность и принципы брачной жизни, упрощены форматы семейных отношений, «тесня» их суррогатами «сожительства», «многоженства», «воздержания от деторождения», краткосрочностью семейных отношений, ростом количества разрыва семейных уз первого брака. Практика брачной «карусели» стала также обычным явлением без тени моральной ответственности, несмотря на то, что от её негативов травмируются дети, а также складывается нездоровая не типичная для человека практика, порождающая ослабление брачных отношений, как особой ценности между людьми противоположного пола, которых должны объединять и любовь, и взаимная ответственность друг за друга и особенно за судьбу детей.

Слабость современной семьи порождается и тиражируется негативами специфики капиталистических экономических «предпочтений» и проецируется неустойчивыми их социальными векторами с наличием серьезных «разрывов», материально-социальных и организационно-практических «пробелов» в сфере рынка жилья, доступ к которому блокируется ценами, организацией труда и его оплаты, в своей основе не ушедшей далеко от порочного «рубежа» минимального её размера, сдерживающего темпы развития рынка.

Отсутствие свободных «денег» у большинства граждан порождает заторможенность внутреннего рынка, проблемы вялого продвижения в формировании «обязательного» набора благ для благополучия семьи, для доступного потребления важных и нужных человеку услуг: оздоровительных, медицинских, поддерживающих физическое состояние людей разных возрастов. Слабый уровень благосостояния людей, способствует сохранению и тиражированию примитивных форм организации быта и взаимоотношений людей, лишенных материальной основы выстраивания для себя и своих детей значимые им даже элементарные жизненные перспективы.

Тенденция ослабления современной семьи «продвигается» негативами специфики экономических «предпочтений» и «зыбкими» векторами капиталистических отношений, с наличием серьезных «разрывов» в сферах межличностных и межгрупповых интересов, доходящих до полярности позиционирования, как острая социальная «болезнь». Ведь часть политиков и олигархов на деньги России содержат близких родственников, проживающих, обучающихся и «работающих» вне пределов нашей страны. Видимо, по этой причине им нет нужды вкладываться в общий формат благополучия семей и детей России. Это к вопросу о том, как сложно, а чаще невозможно ориентировать олигархов, банкиров, промышленников, рыночников добровольно вкладываться в нужды народа России.

Постсоветская социальная деградация своими негативами незаметно, но настой-

чиво стала проникать в детскую среду разными форматами отступлений от норм нравственности, запретов и регламентов дозволенности в детском поведении, снижения результативности всех форматов воспитания.

Традиционная семья сейчас начала испытывать сложности экономической нестабильности, проблем морального, психологического и физического порядка. В обществе проявился негатив межполовых отношений среди школьников с последствиями деторождения. В этой связи следует отметить, что социум потратил тысячелетия свих усилий на выстраивание векторов межполовой этичности и культуры, создание традиций брака, семьи и деторождения, защиты детей от ранних браков, полового насилия и распутства.

До 2025 г. концептуальными положениями семейной политики в России начиная с 2015 г. были «семья», «материнский капитал», «семейная ипотека», «единое пособие», «выплаты многодетным семьям на погашение ипотеки», «социальные контракты» и «увеличение мест в детсадах». Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года по временным рамкам своего действия исчерпала свой актуальный политико-социальный ресурс[1].

Результаты исследований проблем сиротства свидетельствуют, что в 2023 году 322 600 детей-сирот в России жили в семьях, а 31 700 – в детских домах и других госучреждениях. Еще для 3700 детей опекуном являлось государство – сирот, которые учатся в колледжах и училищах или находятся в местах лишения свободы. У 77 000 детей в 2022 году был опыт сиротства, но к концу 2023-го их усыновили. В большинстве случаев родители у таких детей живы, но по каким-либо причинам не способны, не могут исполнять свои обязанности, либо уклоняются от их исполнения. Из 358000 сирот у 99000 детей родители умерли[2]. Причинами сиротства детей чаще являются личная безответственность к факту деторождения на фоне деградации родителей, которая в современной России пока носит устойчивый характер из-за ряда причин социального и правового порядка: а) отсутствие видов социальной ответственности родителей за безответственное исполнение своих родительских и опекунских обязанностей, на которых она по закону распространяется; б) проблемы устройства малолетних детей детсады; б) трудоустройство и низкий заработок родителей; в) распад семей; г) пьянство и алкоголизм родителей; д) отсутствие жилой площади. Родители из числа алкоголиков и наркоманов должны принудительно привлекаться к труду и лечению в специальных лечебно-трудовых профилакториях по опыту функционирования советской лечебно-принудительной практики. Такая работа должна быть организована в интересах общества, семьи и детей, а также самих больных лиц.

Поэтому такой правовой и правосудный формат принуждения к лечению алкоголиков и десоциализированных личностей не есть ограничение права человека на свободу [4]. Изоляция таких лиц является средством пресечения аморального и асоциального поведения для целей обеспечения условий применения к ним мер лечебно-профилактического, оздоровительного и трудового воздействия в силу наличия у них серьезных отклонений в физическом, психическом состоянии и волевом проявлении. Оздоровительные меры должны быть обязательно сопряжены с трудовым участием таких лиц с соответствующим эквивалентом оплаты труда. На основании судебного решения такие лица должны приобретать статус субъекта личной восстановительной и социальной профилактики. Такое решение должно быть предметом серьезного обсуждения в обществе и на уровне законодательной власти России.

В положения и намерения целей Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года практически не вписались задачи и функции экономического блока

[1] Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014. № 1618-р // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf82. (дата обращения: 25.03.2026).

[2] См.: Мамикомян О. За два года число сирот в России уменьшилось на 9% // https://www.forbes.ru/forbeslife/522657-za-dva-goda-cislo-sirot-v-rossii-umen-silos-na-9. (дата обращения: 27.06.2026).

Российских промышленников и предпринимателей, ведь у них другие ориентиры и категории экономического мышлений: «финансы», «рабочая сила», «эксплуататорское производство», «рынок», «прибыль», «налоги»,«укрытие от учета прибыли и налогообложения», мягкий уход от требований власти о необходимости софинансирования значимых «проектов».

Отмечая особенности преступности несовершеннолетних лиц, как-то странно отмечено и является сложным для восприятия, утверждение известного с советских времен и по ныне в России именитого ученого-криминолога: «Во все времена и во всех странах существовал слой наименее экономически обеспеченных, наименее образованных и культурных людей, которые традиционно были склонны нарушать уголовный закон, что нередко носило у них характер социального протеста. Этот слой всегда был главным «поставщиком» преступников, алкоголиков, наркоманов, проституток и бродяг». Как мы видим, уважаемый автор этих строк не дает пояснений и должного ответа на закономерно возникающий вопрос: почему так много оказалось обездоленных лиц, каковы причины такого положения дел и, что с этим следует делать? Ведь мировая культура и всеобщая мораль, в том числе и религия призывали и призывают всех людей к добру и порядочности. Однако, в проявлении аморальности и противоправности поведения людей всегда есть свои причины объективного и субъективного порядка. Криминал остается объективно-субъективным явлением, противодействуя социальному движению, втягивая в свой «омут» негативного действия детей и молодежь.

На «смену» социализму равных граждан в СССР в начале 90-х был «продвинут» агрессивный капитализм алчных «собственников», «предпринимателей» и рыночников (в прошлом более 100-летней давности, – банкиры, промышленники, купцы - спекулянты), которые своим «напором» беспредела оставили в стороне от материальных благ страны основную массу «обездоленных» и «отстраненных» от бывшей социалистической собственности советских людей. В треугольнике капиталистического «капкана» истощаются физические, интеллектуальные и духовные силы граждан России: а) в процессах интенсивной эксплуатации работника при низкой оплате труда (за счет разных схем увеличения рабочего времени); б) кредитно-ипотечного закабаления, влекущего усечение бюджета текущих семейных расходов на 20-30 лет; в) системный и тотальный отъем скромных доходов граждан через фискальную систему и ценовую динамику рыночников; г) избирательную и запутанную материальную поддержку государства отдельных категорий граждан. В конечном итоге все это работает на рост благополучия в настоящем времени, когда человек полон сил и оптимизма, а весьма скромно через прошествии времени не менее 25 и более лет в будущем, а также является формой скрытого государственного дополнительного «финансирования» банков, стройиндустрии не социально-значимого жилья, сетевой торговой системы продажи продовольствия и сельхозпродуктов, – всех, кто удобно пристроился к этому неисчерпаемому «потоку» движения финансов, изымаемых у трудящихся фискальной системой[1]. Все это ставит под сомнение вопросы социальной стабильности, образования позитивных долгосрочных традиционных семей, семейного благополучия, деторождения и воспитания детей.

Первое руководство СССР не успело поднять уровень экономики в стране до «вершин» заявленных значений теории «академической науки социализма». Сталинский пролетарский социализм, – это был лишь практический поиск и начальная

[1] Эксперт Моргунов: Без господдержки ипотека для большинства недоступна // https://finance.mail.ru/article/ekspert-morgunov-bez-gospodderzhki-ipoteka-dlya-bolshinstva-nedostupna. (дата обращения: 15.03.2026). А что, собственно, у нас с экономикой? // https://dzen.ru/a/afm_ydPSXXG6DRot?from_site=mail (дата обращения: 08.05.2026). Юнашев LIVE; «Сбер» назвал долю нераспроданных квартир на первичном рынке в России // https://dzen.ru/a/adrR3eD9Bij52a_Q. (дата обращения: 13.04.2026); Картофельный кризис получил продолжение: в Госдуме заговорили о защите фермеров // https://dzen.ru/a/afyndhUdvlFXjTGy?from_site=mail. (дата обращения: 09.05.2026); Беззащитный инстинкт: банки продают страховки с наценкой до 25 раз // https://finance.mail.ru/article/bezzaschitnyij-instinkt-banki-prodayut-strahovki-s-natsenkoj-do-25-raz-69224698/?frommail=1&md=1&utm_partner_id=112. (дата обращения: 27.06.2026).

стадия формирования некапиталистической экономики, а также стремление к сопряжению сил государства и трудящихся во благо всех.

Партия должна была серьезно, грамотно и ответственно в опоре на достижения науки заниматься выработкой всех направлений политики государства и в первую очередь теорией стратегии и тактики социалистической экономики, как единого производственно-хозяйственного механизма. Однако, смерть И.В. Сталина и захват власти в СССР Н.С. Хрущевым привел КПСС и руководство страны к падению уровня организации и авторитета.

Дети и молодежь на основе новых «псевдоценностей», тиражируемых в молодежной среде, в условиях обостряющихся противоречий, заданных «новыми» вызовами и «новоделами» капиталистического социума, хитросплетенными «потугами» негативного влияния на традиционные устои России со стороны стран Запада и США путем использования изощренных форматов вовлечения в «болото» бездуховности, индивидуального и социального обезличивания детей и молодежи, отхода от общенациональной идентичности в целях ослабления гражданского единства Отечества, легко «ухватывают» чужие и чуждые социуму России «бренды» и «тренды» обезличивания или форматирования некритичной личности. В таких коварных механизмах используется все, начиная с прививки «бациллы» утраты чувства самооценки личности и критического отношения к своему поведению, размывания границ морали и правомерности, увода и ухода граждан в сферу неограниченного потребления или, наоборот на фоне финансовых реальных трудностей, ограничений, «запретов», – создание реальных форматов «сдерживания» свободы потребления для бедных и нищих. Все это привело к значительной дифференциации общества, появлению устойчивых «барьеров» в процессах развития позитивного и конструктивного взаимодействия на разных возрастных и социальных уровнях возможностей и реалий.

Неотъемлемой частью и реальным показателем благополучия каждой семьи всегда были, есть и будут счастливые дети, из которых формируются самодостаточные, правопослушные, активные в жизни и в трудовой деятельности и патриотичные граждане.

Работа с детьми в семьях, учебных и иных развивающих их личность организациях сейчас требует колоссальных материальных вложений и наличия приложения объединенных здоровых сил всего общества.

С учетом резонансных криминальных по характеру ряда насильственных посягательств, проявленных учащимися в школах и иных учебных заведениях в начале 2026 г., Президент России В.В. Путин особо и верно отметил необходимость комплексной работы в школах в целом и с лицами, склонными к правонарушения: «Нельзя не согласиться с правильностью поставленной задачи перед МВД России по предупреждению правонарушений среди детей, школьников, молодежи... Особо обращаю внимание, что по итогам 2025 года впервые за длительное время наметился, к сожалению, рост подростковой преступности. При этом доля тяжких и особо тяжких составов среди таких преступлений превысила 40 процентов. Ситуация требует адекватного и оперативного реагирования... На защиту детей от вовлечения, в частности, в диверсионную, террористическую деятельность направлены прошлогодние изменения в Уголовном кодексе. Подстрекатели и организаторы подобных преступлений, толкающие подростков на их совершение, теперь будут нести наказание вплоть до пожизненного заключения. Особую тревогу вызывают случаи агрессивного поведения подростков в школах, колледжах, а также в общественных местах.

МВД совместно с другими правоохранительными органами необходимо значительно усилить акцент на профилактику и предотвращение подобных преступлений. И конечно, подростков, в том числе с проблемами в семьях, важно вовлекать в волонтёрское движение, в занятия спортом, в работу молодёжных общественных объединений – делать всё, чтобы помочь ребятам не допустить трагическую ошибку, найти себя в жизни, преодолеть трудности, реализовать свой талант, способности, которые есть у каждого.

Конечно, это общенациональная задача.

Разумеется, над этим работать должны все органы власти: и муниципальные, и региональные, и федеральные, – но и роль Министерства внутренних дел здесь высока»[1].

Министр внутренних дел России В. Колокольцев, принимая определенные для ведомства задачи отметил, что для соразмерного и адекватного противодействия криминалу и осуществлению правоохранительных задач, силам ведомства требуется должная комплексная поддержка со стороны государства. Ведь при определенной мере отстраненности в целом всей организации капиталистической системы от участия в правоохранительной деятельности, порождения ею факторов усиливающих в обществе проявления нигилизма и низкого уровня правопослушания, тенденций усложнения характера и способов совершения преступлений, а следовательно, легко блокирующих вчерашний уровень деятельности МВД России, ставит ведомство в сложные условия реализации своих задач.

Все это требует мощного усиления работы всего силового блока правоохранительной системы МВД России и значимой части механизма правосудия, включая и ФСИН России. Видимо, речь не идет лишь просто об «усилении» указанных и других ведомств. Это глобальный и комплексный вопрос политики государства по осуществлению системного и качественного осуществления мер правоохраны, противодействия преступности, содействия правосудию, который следует обеспечивать количественно и качественно, начиная с кадрового состава отмеченных ведомств. Сотрудники и персонал этих ведомств в своем большинстве ещё не имеют в наличии полноценной и всеобъемлющей материальной и социальной защиты.

Органы МВД России и других силовых ведомств по своему уровню профессионализма и качеству организационной готовности должны соответствовать по всем значениям и форматам обеспечения поставленным перед ними целям и задачам. Затраты государства на правоохрану всегда были высокие, так как эта сфера неординарной профессиональной, силовой и гуманитарной деятельности.

В условиях капиталистических разновекторных производственных и рыночных отношений криминал и быстро разрастающаяся «нигилистическая» часть социума, требуют больших правоохранительных усилий. За счет криминальных «доходов» он мощно и масштабно наращивает характер и формы явного и скрытого противодействия правоохранительным мерам и правосудию. Все это требует относительного соответствия сил и средств сотрудников органов внутренних дел и гражданского персонала современным вызовам.

Воспитательная и предупредительная работа с детьми в социуме всегда имела мировоззренческую основу и подоплеку, ведь она носит политический характер и идеологическую направленность, опирается сильную экономическую основу и координирующую роль государства.

Можно задаться вопросом как в стране до 2025 г. выглядели политико-правовые и организационные основы организации воспитательной работы в масштабах России?

Государственная Стратегия по определению сущности и содержания общей политики государства по развитию воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года была определена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. Действие этой 10-летней Стратегии завершено. Уровень её формирования определялся Правительством России, ведомственное формирование основных положений было возложено на Министерство образования и науки России. Действие этого документа истекло[2].

Политика государства по развитию воспитания в Российской Федерации, – эта общенациональная и комплексная задача, в решение которой вплетены разум и деятельность всего общества, всей вертикали и горизонтали власти. Фундаментом решения этой задачи являются общие начала организации единой культуры всех народов

[1] Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД России // http://kremlin.ru/events/president/news/79255. (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Государственная Стратегия по определению сущности и содержания общей политики государства по развитию воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года была определена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. // Российская газета Федеральный выпуск: №122 (6693). 08.06.2015.

России. В стране действуют для этих целей нормы Конституции Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, а также иные нормативные правовые акты Российской Федерации, затрагивающие вопросы развития сферы культуры, образования, науки, спорта, профилактики правонарушений в Российской Федерации.

В преамбуле «Основ государственной культурной политики» (с изменениями и дополнениями) закреплены цели и задачи государственной культурной политики, ключевые принципы ее реализации[1].

В них отмечено, что государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие общества, как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества, повышение качества жизни в Российской Федерации. Вместе с тем, история развития общества и государства традиционно всегда шла на основе экономических возможностей и достижений, а также материальных и финансовых вложений в развитие культуры и науки. Если приоритетные научные работы обеспечивались в должном объеме, то социальные науки по финансированию всегда значительно отставали. Пока четко не сложилась практика финансирования разных этапов процесса подготовки научно-педагогических кадров, что приводит к отторжению от этой работы опытных научных специалистов и молодых ученых. Остаются не решенными вопросы по организации квалификационной аттестации претендентов на ученые степени, включая слабый охват регионов страны и учебно-научные учреждения наличием отраслевых диссертационных советов. Ведь диссертационные советы и учреждения, это важные функциональные звенья научного процесса, которые должны радеть за научные кадры страны, которые по их оценкам способны повышать все направления и уровни науки России, сохранять лучшие традиции своих научных школ.

В капиталистической действительности «затраты» на социальные дела общества, своих работников и общую культуру имеют свою специфику, – они с большим трудом и ограничено могут вписываться прежде всего в формат эксплуатации работника и получения от этого процесса прибыли. Вынужденный и ограниченный (однобокий), чаще избирательный формат «трат» на оплату труда работника, условия труда, «восстановление его физических и профессиональных сил», имеет место быть только в пределах реализации интереса получения постоянной и высокой прибыли. Социальные их затраты, – не только вынужденный вклад в наличие постоянной рабочей силы, но необходимый «рычаг» действия в условиях постоянной конкуренции претендентов на рабочее место, а также в системе общей конкуренции в механизмах капиталистической экономики, либо монопольного «сговора» на рынке труда[2].

Результаты теоретического исследования пока не дают значимых надежд на то,

[1] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 // https://base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 08.03.2026).

[2] Не редко ученые-историки даже в ранге высоких ученых степеней и званий с подчеркнутым воодушевлением и возвышенной риторичностью выделяют примеры меценатства графов, князей, купцов, промышленников, религиозных деятелей, как великих сподвижников культуры, чести и достоинства, даже патриотичности. Стоит отметить, что меценатство высшего сословия, как правило, становилось возможным за счет реальных жертв простого народа, его упорства, героизма и многовекового труда. Как-то не убедительно воспринимаются в качестве примеров такие сюжеты и перевернутые истины для правильного восприятия и достойного повторения. Например, повествуя о жизни Воронцова М.С. графа (с рождения) и, сокрушаясь, что он долго не мог «получить» полного генерала при всех его инициативах, заслугах перед государем, как великий сподвижник в делах Империи, радетель и меценат, в историческом посыле современникам, автор исторического материала, как-то обходит стороной вопросы: почему его отец в нелегкое время для Отечества находится в Англии (в 1800 г. была принята Павлом I отставка Семена Романовича с должности посла в Англии с правом проживания в Лондоне), и то, что он сам Михаил не был обычным простолюдином с ничтожными доходами, а наоборот, подчеркивается, что в процессе «радения» за блеск Империи он не забывал и о наличии, а также о приращивания своих коммерческих и иных доходов. Правда, проскальзывает все же оговорка, что солдатам, от Воронцова М., которые прямо и косвенно прикрывали его в смертельном сражении, перепадали от него средства на излечение от полученных ран. Да, ему было чем отблагодарить воинов. Это делает ему честь.

что капиталистическая экономика вместе с государством в ближайшей перспективе создадут должные материальные условия для обеспечения семей надлежащей жилой площадью, членов семей «жизнеутверждающей» оплатой труда, а пенсионные накопления и фонды будут ориентированы и станут соответствовать целям улучшения быта и здоровья пенсионеров (не размываться на другие цели). Ведь экономическая и бытовая состоятельность семьи, – главное условие её благосостояния, любви, деторождения и успешного воспитания детей. Благосостояние семьи, – это опорное звено правопорядка, культуры и поступательного развития всего общества.

Заключение. Российская Федерация в постсоветский период вновь «возводит» культуру в ранг национальных приоритетов и признает её важнейшим фактором роста качества жизни и гармонии общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России. Вместе с тем, вопросы качества семьи, семейного воспитания и просвещения имеют пока лишь разноведомственные не комплексные подходы и решения, оценки и меры, которые носят тезисно-призывной характер содержания мер их воплощения, не опирающуюся на мощь государственных политических решений. Тогда как, такие ценности, как: а) человек, семья, дети, школа, наука, демография и культура; б) государство и социум, его территория, экономика; в) власть, правосудие, вооруженные силы, правоохранительные органы, – все это важнейшие блоки-скрепы Отечества, которые составляют основу, внутреннюю социальную энергетику страны и сущность её суверенитета, его триаду главных социально-политических идей и направлений развития, а точнее содержания идеологии созидания и сплоченности всех народов Российской Федерации. Церковность и религиозные организации, как исторические форматы культуры, должны вселять в верующих лиц умиротворение и праведность жития.

Решение вопросов семьи, детства, школы, всего комплекса воспитания, физического, интеллектуального, идейно-духовного, культурного развития личности детей не должны наталкиваться на факторы торможения в переустройстве социума, на сомнительные образцы воспитания.

Сам капиталистический экономический уклад и «мораль» его системных основ социального действия, не являются экономическим флагманом дальнейшего успешного развития социального пространства России. Он в условиях огромных территорий и значительной рассредоточенности экономически активных «островков» социального движения в России и, тем более, для самого трудоспособного населения страны, представляет собой не экономический единый монолит, а «лоскутные», не консолидированные ничем, замкнутые преимущественно на свои «внутренние» интересы экономически освоенные под получение прибыли «анклавы» производств. Они, отчасти паразитируют на ресурсах страны и на неограниченном практически ничем, даже механизмом «права» работника на МРОТ, в своей свободе эксплуатации особенно скрытой. Такие экономические «анклавы», замкнутые сами на себя, не охватывают и не способны охватить весь объективный «глобализм» и масштабность России «своими не глобальными хозяйственными заботами» и целевыми устремлениями «переустройства» всего социума, всей экономики, а также благосостояния всего народа. Экономика конкретного капиталиста устроена преимущественно для себя и под себя в рамках своих предпочтений и личной экономической «биографии». Капиталистический промышленник, хозяйственник, рыночник объективно дистанцирован от общих вопросов социального движения, формирования на плановой и долгосрочной основе создания конкретных «удобств и благ» для всего населения страны. Их интерес на благо граждан России резко исчезает, когда их «товар» и услуги «манят» цены зарубежных потребителей или своих капиталов они ощущают в России определенные «трудности» [6, с. 83].

По разным оценкам капиталистические отношения от раннего начального развития до уровня империализма сегодняшнего дня имеют опыт финансового роста более 500 лет,

но в этот период он не обнаружил ни одного примера социально-экономического благоденствия, благополучия и высокой культуры, обеспечения защиты и безопасности граждан, народного всеобщего социального обеспечения и здравоохранения.

Глубокое по содержанию теоретическое исследование В.Б. Сироткина во вопросам циклов капиталистического накопления демонстрирует трансформации мировых экономик, находящихся в тесных рамках противоречивых взаимодействий и системной нестабильности. Они во всей своей истории развития через финансы и их потоки всегда диктовали любой власти свои условия взаимодействия, направления внутренней и внешней политики. «В социальных науках, СМИ и политике утвердилось мнение, что капитализм и рыночная экономика – это одно и то же, и они противостоят государственной власти». Цитируя утверждения Броделя, мы полагаем, что В.Б. Сироткин также разделяет его мнение, что «капитализм целиком зависит от государственной власти и враждебен рынку» [6. с. 71]. Видимо, это не совсем так применительно к условиям России, так как он ещё не сложился в общее структурное и единое экономическое явление со своими связями и отношениям, как по вертикали, так и по горизонтали. Конечно, автор отмеченного материала не затрагивает вопросы четкой организации и ответственности за постановку учета полученной прибыли, реагирования на возможные манипуляции с финансами, выполнение фискальных обязательств, государственного контроля производственной, хозяйственной и финансовой деятельности негосударственных предприятий, и свойственные для «нового» капитализма в России отступления от «правил».

Применительно судьбы капиталистической экономики России и её особенностей Сироткин В.Б. отмечает: «Центр современного капитализма вряд ли позволит России занять достойное место в глобальном разделении труда. Излишки капитала, которые могли быть инвестированы в рост, из-за низкой эффективности отечественной экономики будут стремиться трансформироваться в ликвидность и перемещаться в те юрисдикции, где сочетаются доходность и надежность. Элита России в традициях государственно-монополистического капитализма постарается контролировать огромную территорию и население. Либерализм и демократия будут разрушать централизм, свойственный традиционному режиму правления» [6. с. 83].

Как было отмечено выше, государственно-капиталистические отношения России порождают серьезные сбои в работе по повышению благосостояния семей, уверенности родителей в возрасте от 18 и до 50 лет в своей экономической, социальной, семейной и личной состоятельности, а также в обеспечении должных уровней и форматов воспитания детей и молодежи.

Вопросы блокирования аморального и агрессивного поведения школьников и несовершеннолетней молодежи, доходящих до проявления признаков криминального поведения, как наличие острой социальной проблемы, требует особого внимания государства и комплексного решения. Вопрос благополучия семьи, работы с детьми и молодежью должны находиться на контроле исполнительной власти России и всех профильных министерств и ведомств. Перспективные мероприятия и планы не должны заслонять живой и энергичной работы на опережение, безостановочно, оперативно продвигаясь моментально от результата к новым рубежам с коррекцией финансовых показателей и возможностей.

На проблемы семьи, воспитания детей и школьников, молодежи в целом должна быть направлена мощь государственного контроля: Парламента России, Правительства России, Счетной Палаты России, Прокуратуры России по выше отмеченным вопросам, не в порядке формальной текущей процедуры ведомства, а в целях отстаивания интересов государства и общества, продвижения политики в области семьи, детства, правопорядка и культуры.

Список литературы

1. Широ С. В. Права ребёнка: необходимость внедрения новых механизмов защиты: Монография. – Мурманск: ООО «Ракета» , 2009. 168 с.

2. Актуальные проблемы международного права: Обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения» // Евразийский юридический журнал. 2009. № 6 (13). С. 109-116. – EDN KGLPZR.
3. Камилова В. Д. Аналитическое рассмотрение теоретико-методологических изысканий в России конца XIX в. по вопросу изучения государственно-правовых традиций местного самоуправления // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4 (64). С. 139-142. – EDN OEXDGJ.
4. Шайхуллин М. С. Конституционное правопонимание гарантий прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. 2021. № 2. С. 39-43. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-39-43. – EDN WKWQFS.
5. Конституция Российской Федерации как модель конвергенции компонентов отечественной правовой системы / А. В. Колесников, Е. А. Абаева, П. А. Астафичев [и др.]. – Москва : Издательство «ДМК ПРЕСС», 2023. 385 с. – ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.
6. Сироткин В. Б. Циклы капиталистического накопления: от материальной экспансии к финансовой // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48). С. 69-84.

References

1. Shiro S. V. Child rights: the need to introduce new protection mechanisms: Monograph. - Murmansk: LLC «Rocket,» 2009. 168 p.
2. Actual problems of international law: Review of materials of the international scientific-practical conference «Actual problems of improving Russian legislation and law enforcement» // Eurasian Legal Journal. 2009. № 6 (13). Pp. 109-116. – EDN KGLPZR.
3. Kamilova V. D. Analytical consideration of theoretical and methodological research in Russia at the end of the 19th century. on the study of state-legal traditions of local self-government // Law and state: theory and practice. 2010. № 4 (64). Pp. 139-142. – EDN OEXDGJ.
4. Shaikhullin M. S. Constitutional legal understanding of guarantees of human and civil rights and freedoms // Education and law. 2021. № 2. Pp. 39-43. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-39-43. – EDN WKWQFS.
5. The Constitution of the Russian Federation as a model of convergence of components of the domestic legal system / A. V. Kolesnikov, E. A. Abaev, P. A. Astafichev [and others]. - Moscow: DMK PRESS Publishing House, 2023. 385 p. - ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.
6. Sirotkin V. B. Cycles of capitalist accumulation: from material expansion to financial // Economic revival of Russia. 2016. № 2 (48). Pp. 69-84.

Информация об авторе (авторах): Маликов Борис Зуфарович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Malikov Boris Zufarovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, ul. Muksinova, 2) Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 16.07.2026; одобрена после рецензирования 26.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 16.07.2026; approved after 26.08.2026; review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 343.34
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.007

К вопросу об относимости и допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности

Ф.Ф. Набиев
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию важных аспектов использования принципов относимости и допустимости доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности и в контексте реализации уголовного судопроизводства. Обосновывается позиция о том, что несмотря на основополагающее значение статьи 75 УПК РФ, содержание которой связывает недопустимость доказательств исключительно с нарушением уголовно-процессуальных норм, конституционное требование части 2 статьи 50 Конституции РФ распространяет этот запрет на нарушения любого федерального закона, включая оперативно-розыскное законодательство. Автор анализирует правовой режим проведения оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан (тайна переписки, телефонных переговоров, неприкосновенность жилища), и приходит к выводу, что их осуществление без судебного решения либо с нарушением порядка уведомления суда влечёт безусловное признание полученных результатов недопустимыми доказательствами. Особое внимание уделяется проблеме провокационных действий со стороны оперативных сотрудников и конфиденциальных помощников, склоняющих лиц к совершению преступлений, что исключает возможность использования полученных таким образом данных в уголовном процессе. Автор констатирует, что формалистический подход к оценке допустимости доказательств, игнорирующий нарушения оперативно-розыскного законодательства, создаёт предпосылки для снижения объема гарантий и нарушения прав граждан в данной области общественых отношений. Только классические подходы к соблюдению требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при проведении оперативных мероприятий, включая судебный санкционированный порядок и недопустимость провокации, являются необходимыми условиями для придания полученным результатам доказательственной силы в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: допустимость, относимость, доказательства, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, судебный контроль, неприкосновенность жилища, тайна переписки, уголовно-процессуальное доказывание, конституционные права граждан.

Для цитирования: Набиев Ф.Ф. К вопросу об относимости и допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности // Право и государственность 2026. № 3 (12). С. 53–58.

Original article

On the issue of the relative validity and admissibility of evidence obtained as a result of operational and investigative activity

F.F. Nabiev
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the criteria for the relevance and admissibility of evidence obtained in the course of operational-search activities, in the context of their subsequent use in criminal proceedings. It is substantiated that, despite the literal interpretation of Article 75 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which connects the inadmissibility of evidence exclusively with a violation of criminal procedure norms, the constitutional requirement of Part 2 of Article 50 of the Constitution of the Russian Federation extends this prohibition to violations of any federal law, including operational-search legislation. The author analyzes the legal regime for conducting operational-search measures affecting the constitutional rights of citizens (secrecy of correspondence, telephone conversations, inviolability of the home), and concludes that their implementation without a court decision or in violation of the procedure for notifying the court entails unconditional recognition of the results obtained as inadmissible evidence. Particular attention is paid to the problem of provocative actions

© Набиев Ф.Ф., 2026.

by operational officers and confidential assistants who persuade persons to commit crimes, which excludes the possibility of using the data obtained in this way in criminal proceedings. The author states that a formalistic approach to assessing the admissibility of evidence, ignoring violations of operational-search legislation, creates prerequisites for circumventing procedural guarantees and infringing on the constitutional rights of citizens. Only strict compliance with all the requirements of the Federal Law «On Operational-Search Activities» during operational activities, including judicial authorized procedure and inadmissibility of provocation, is a necessary condition for giving the obtained results evidentiary power in criminal proceedings.

Keywords: admissibility, relevance, evidence, operational-search activities, operational-search measures, judicial control, inviolability of the home, secrecy of correspondence, criminal procedural evidence, constitutional rights of citizens.

For citation: Nabiev F.F. On the issue of the relative validity and admissibility of evidence obtained as a result of operational and investigative activity // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 53–58.

Проблема определения границ допустимости доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, на протяжении многих лет остаётся одной из наиболее дискуссионных в теории уголовного процесса и правоприменительной практике. С одной стороны, оперативно-розыскные мероприятия выступают важнейшими правовыми условиями выявления и пресечения преступлений [1, с. 43], особенно в сфере коррпуции, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков. С другой стороны, сами по себе эти мероприятия нередко сопряжены с вторжением в конституционно охраняемые сферы частной жизни – тайну переписки, телефонных переговоров, неприкосновенность жилища. Именно в точке пересечения публичных интересов борьбы с преступностью и частных интересов личности возникает острейший конфликт, разрешение которого требует не только формального соблюдения процессуальных норм, но и глубокого нравственно-правового осмысления.

В доктрине сложился устоявшийся взгляд, что допустимость доказательств – это исключительно процессуальная категория, регулируемая статьёй 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако буквальное толкование данной нормы порождает серьёзные сомнения: если недопустимость связывается исключительно с нарушением УПК, то нарушения оперативно-розыскного законодательства остаются как бы «за скобками» оценки доказательственной пригодности. Такой формально-догматический подход вступает в явное противоречие с императивным предписанием части 2 статьи 50 Конституции РФ, согласно которому при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона — безотносительно к его отраслевой принадлежности. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что не могут иметь юридической силы сведения, добытые с нарушением закона, в том числе Закона об ОРД, и что такая позиция вытекает из верховенства Конституции и прямого действия её норм.

Таким образом, мы сталкиваемся с фундаментальным противоречием между узкоотраслевым регулированием и конституционно-правовым подходом, требующим системного учёта всех федеральных законов. Это противоречие имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое измерение: от его разрешения зависят судьбы конкретных уголовных дел, реальность защиты прав граждан от незаконного оперативного вмешательства и, в конечном счёте, легитимность всего уголовного судопроизводства.

Вопрос о том, могут ли нарушения порядка и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», становиться основаниями для признания недопустимыми доказательств, полученных в результате ОРМ? безусловно имеет принципиальное значение для уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в статье 75 УПК РФ, недопустимость доказательств прямо связывается с нарушением норм самого Кодекса. При буквальном прочтении данной нормы выходит, что нарушения оперативно-розыск-

ного законодательства формально не влияют на оценку допустимости доказательств. Однако такой формалистический подход вступает в противоречие с частью 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации, где недопустимость доказательств обусловлена нарушением других нормативных правовых актов Российской Федерации. Это означает, что Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» тоже включается в систему таких правовых основ.

Таким образом, если доказательства добыты в ходе ОРМ с существенным нарушением норм УПК то они, такие доказательства должны быть исключены в процессе рассмотрения конкретного дела в суде. Если пренебречь нормативное положение о существенности нарушения норм УПК, то это создает благоприятную почву для нарушения гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса, позволяя привлекать в уголовное дело такую информацию, которая была получена с нарушением базовых конституционных установления и положений уголовно-процессуального законодательства, что совершенно недопустимо с позиции принципа законности и справедливости отправления правосудия.

Ключевым условием законности и допустимости материалов, полученных при проведении ОРМ, является строгая реализация норм соответствующего закона. В частности, использование технических и иных средств допускается исключительно при отсутствии угрозы жизни и здоровью людей, а также при гарантии безопасности окружающей среды (часть 3 статьи 6). Кроме того, строго запрещено применение специальных или иных технических средств, которые предназначены для проведения оперативных мероприятий, лицами и организациями, не наделёнными соответствующими полномочиями (часть 6 статьи 6). Таким образом, для суда юридическая оценка допустимости доказательств, полученных в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий, требует учета не только базовых конституционных положений, но и правоустанавливающих, принципиальных положений уголовно-процессуального законодательства с которыми взаимодействуют в единой связи другие источники права, в совокупности гарантирующие права, свободы и законные интересы граждан (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ).

В системе обеспечения доказательств и проведения оперативно-розыскных мероприятий, существенное, если не сказать решающее значение играет принцип соблюдения конституционных прав и свобод. К таким правам относятся право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых через сети связи, право на неприкосновенность жилища, поскольку в рамках проведения ОРМ для ограничения конституционных прав и свобод требуется постановление суда. Между тем суд ограничен рамками законодательства и не может выходить за пределы правового регулирования, поэтому ограничение конституционных прав и свобод возможно только при наличии достоверной информации о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности России в государственных, военных, экономических и иных сферах; о признаках готовящегося, совершаемого либо уже совершённого преступления, по которому обязательно проведение предварительного следствия; о конкретных лицах, причастных к подготовке, совершению или совершению таких деяний. Если же такой информации нет или она недостаточна, суд может отклонить ходатайства компетентных органов о проведении ОРМ.

В исключительных случаях, когда требуется незамедлительно среагировать на угрозу совершения тяжкого или особо тяжкого преступления или когда такое реагирование обусловлено интересами национальной безопасности в области обороны, экономических основ и т.п. проведение оперативных мероприятий может быть санкционировано мотивированным постановлением уполномоченного руководителя органа, выполняющего оперативно-розыскную деятельность. При этом решение компетентного органа должно быть согласовано с судом, в течение 24 часов. Также, согласно ст. 8 Федерального закона «Об ОРД», в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий,

обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение. Вместе с этим законодательством предусмотрены и такие оперативные мероприятия, которые не требуют высокого судебного вмешательства, поскольку если бы суд вторгался в различные формы оперативной деятельности и санкционировал их, это бы могло повлечь дополнительные риски нарушения прав и свобод. Так, к примеру, не требуется судебного санкционирования при проведении проверочной закупки, контролируемой поставки запрещённых к свободному обороту предметов, веществ или продукции. Не целесообразно судебное секционирование для оперативного внедрения, эксперимента, которые осуществляются на основании постановления, утверждённого руководителем соответствующего органа.

В соответствии с положениями законодательства, проведение определённых оперативно-розыскных мероприятий ограничено при отсутствии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, даже если имеются признаки противоправного поведения. В таких случаях недопустимо осуществлять обследование жилых и нежилых помещений, зданий, иных объектов и территорий, а также транспортных средств. Запрещены также контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений, прослушивание телефонных переговоров [2, с. 145] и получение данных через технические каналы связи.

Подвергаются особому уровню регулирования положения, регламентирующие специальный статус лиц, содействующих правоохранительным органам и оперативным подразделениям. Особенно ярко такой статус проявляется, когда речь идет о пресечении действий членов организованных преступных групп [3, с. 69], а также о штатных сотрудниках правоохранительных органов и гражданах [4, с. 290], которые на конфиденциальной основе оказывают им содействие. С позиции гарантий прав и свобод разглашение каких-либо сведений о лицах, помогающих в борьбе с преступностью, совершенно недопустимо и не может быть чем-то оправдано, за исключением случаев, предусмотренных законом. Большинство ученых и специалистов едины во мнении, что изъятие предметов, документов или сообщений, а также приостановление оказания услуг связи в рамках оперативных мероприятий допускается исключительно при возникновении непосредственной угрозы жизни и здоровью человека [5, с. 93], поскольку нет ничего важнее жизни человека и его здоровья. Но и угроза национальной безопасности, обороноспособности страны и т. п. являются юридически оправданным основанием для приостановления услуг связи или сообщений.

Многие ученые-процессуалисты едины во мнении, что игнорирование норм и положений текущего законодательства недопустимо и может привести к признанию доказательств недопустимыми. В художественной литературе и иных источниках достаточно часто описывались случаи, когда оперативные работники проникали в жилые помещения, что называется «без ордера», т. е. в российском варианте без судебного постановления или без согласия собственника жилья. В таких случаях, хоть и закон допускает неотложные меры, все же материалы добытые таким путем лишаются доказательственной силы [6, с. 186], собранные таким образом: предметы, показания очевидцев, видеозаписи, экспертные заключения и другие доказательства.

Проведённое исследование позволяет прийти к ряду обоснованных выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение. Во-первых, буквальное толкование статьи 75 УПК РФ, ограничивающей основания недопустимости доказательств нарушением только процессуальных норм, не может быть признано соответствующим части 2 статьи 50 Конституции РФ, поскольку игнорирование нарушений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при оценке доказательств создаёт опасный прецедент, когда закон, специально регулирующий вторжение в конституционные права, превращается в «технический» документ, несоблюдение которого не влечёт процессуальных последствий, что подрывает саму идею верховенства права и обесценивает судебный

контроль как конституционную гарантию [7, с. 18] неприкосновенности частной жизни. Во-вторых, допустимость доказательств, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий, не может определяться изолированно, исключительно по нормам УПК, а производна от законности всего комплекса действий – от момента вынесения постановления о проведении мероприятия до фиксации его результатов, поэтому обязательными условиями признания таких материалов допустимыми выступают наличие судебного решения (либо уведомления суда в установленный срок при неотложных обстоятельствах), строгое соблюдение целевых ограничений, предусмотренных статьёй 7 Закона об ОРД, и недопустимость провокации преступных действий, причём всякое отклонение от указанных требований, особенно в части судебного санкционирования, должно влечь безусловное исключение полученных результатов из доказательственной базы. В-третьих, практика склонения лица к совершению преступления под контролем оперативных служб не просто нарушает процедурные нормы, но и дискредитирует саму идею правосудия, поскольку доказательства, добытые таким путём, не отражают объективную преступную деятельность, а искусственно сконструированы усилиями сотрудников, в связи с чем разграничение между допустимой проверочной закупкой и недопустимой провокацией должно проводиться судами на основе оценки всей совокупности обстоятельств – наличия предшествующего умысла у лица, степени активности оперативных работников, соотношения обещанной выгоды и обычного поведения лица в сходных ситуациях, а выработка чётких критериев такого разграничения представляет собой одну из насущных задач как законодателя, так и Верховного Суда РФ. В-четвёртых, сложившаяся коллизия между статьёй 75 УПК и конституционными требованиями требует не только доктринального разрешения, но и законодательного устранения, в связи с чем представляется целесообразным дополнить часть 2 статьи 75 УПК РФ прямым указанием на то, что доказательства, полученные с нарушением федеральных законов, регулирующих оперативно-розыскную деятельность, признаются недопустимыми, — такая норма не только приведёт УПК в соответствие с Конституцией, но и дисциплинирует оперативных сотрудников, исключив соблазн «обходить» процессуальные гарантии. В-пятых, и это представляется наиболее важным, допустимость доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, - это не формально-юридический вопрос, а зеркало состояния законности и уважения к правам человека в уголовном судопроизводстве, поэтому строгое соблюдение режима оперативно-розыскных мероприятий, подкреплённое реальным судебным контролем и неотвратимостью признания «дефектных» материалов недопустимыми, является не препятствием для раскрытия преступлений, а необходимым условием легитимности всего уголовно-процессуального доказывания, и только такой подход способен обеспечить баланс между эффективностью борьбы с преступностью и незыблемостью конституционных прав граждан, что в конечном счёте составляет основу справедливого правосудия в правовом государстве.

Список литературы

1. Кудрявцев А. В. О месте оперативно-розыскной деятельности в структуре уголовной политики государства / А. В. Кудрявцев // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 43-48. – EDN TFAFKZ.
2. Пономаренко Е. В. Проблемные аспекты отнесения сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, к предмету преступления, предусмотренного ст. 283.1 УК РФ / Е. В. Пономаренко, К. О. Копшева // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 140-145. – EDN IXCFKL.
3. Астахова Е. А. Правовые основы борьбы с транснациональной преступностью / Е. А. Астахова // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. С. 68-76. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-2-68-76. – EDN HXFGFM.
4. Шарифходжаев Ш. И. Следственные ситуации первоначального этапа расследования транснациональных преступлений / Ш. И. Шарифходжаев // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 289-294. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-1-289-294. – EDN POXXOQ.

5. Астахова Е. А. Транснациональная преступность: признаки и юридическая стратегия борьбы / Е. А. Астахова // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 92-99. – DOI 10.24412/1608-8794-2023-4-92-99. – EDN OHGZJS.
6. Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1: Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.
7. Шайхуллин М. С. Правовая природа конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. 2023. № 1(1). С. 18-23. – EDN QHXPYJ.

References

1. Kudryavtsev A. V. On the place of operational-search activity in the structure of the criminal policy of the state / A. V. Kudryavtsev // Legal policy and legal life. 2014. № 4. Pp. 43-48. – EDN TFAFKZ.
2. Ponomarenko E. V. Problematic aspects of classifying information obtained as a result of operational-search activities as a subject of a crime under Art. 283.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / E. V. Ponomarenko, K. O. Kopsheva // Legal policy and legal life. 2020. № 2. Pp. 140-145. – EDN IXCFKL.
3. Astakhova E. A. Legal foundations of the fight against transnational crime / E. A. Astakhova // Legal policy and legal life. 2024. № 2. Pp. 68-76. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-2-68-76. – EDN HXFGFM.
4. Sharifkhodzhaev Sh. I. Investigative situations of the initial stage of the investigation of transnational crimes / Sh. I. Sharifkhodzhaev // Legal policy and legal life. 2024. № 1. Pp. 289-294. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-1-289-294. – EDN POXXOQ.
5. Astakhova E. A. Transnational crime: signs and legal strategy of the struggle / E. A. Astakhova // Legal policy and legal life. 2023. № 4. Pp. 92-99. – DOI 10.24412/1608-8794-2023-4-92-99. – EDN OHGZJS.
6. Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 218 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.
7. Shaikhullin M. S. The legal nature of constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms / M. S. Shaikhullin // Law and statehood. 2023. № 1(1). Pp. 18-23. – EDN QHXPYJ.

Информация об авторе (авторах): Набиев Фаниль Фанусович, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Nabiev Fanil Fanusovich, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Ufa, Russia, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 17.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 17.07.2026; approved after 07.08.2026 review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 343.137.9
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.008

Организационно-правовые аспекты проведения проверки сообщения о преступлении на этапе возбуждения уголовного дела

Р.Н. Мигранов
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых и организационных аспектов проверки сообщения о преступлении как начальной и фундаментальной стадии уголовного судопроизводства. В статье обосновывается, что основания для возбуждения уголовного дела представляют собой единство юридических (поводы, предусмотренные ст. 140 УПК РФ) и фактических (достаточные данные о признаках преступления) компонентов. Раскрыт многосубъектный состав проверочной деятельности: от следователей и дознавателей, наделённых правом самостоятельного производства процессуальных действий, до прокурора, осуществляющего надзорную функцию, и заявителя, чьи права подлежат безусловной защите. Особое внимание уделено взаимодействию следственных органов с органами дознания, включая дачу обязательных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, что позволяет использовать оперативные возможности для сбора необходимой информации. Также проанализирована роль ведомственных инструкций, конкретизирующих типичные обстоятельства, что способствует оперативности и единообразию принятия решений. Автор приходит к заключению, что проверка сообщения о преступлении выступает не формальной, а содержательной частью уголовного процесса, от качества которой зависит не только законность возбуждения дела, но и всё последующее расследование. Только чёткая регламентация оснований, слаженная работа всех уполномоченных субъектов и действенный прокурорский надзор способны обеспечить баланс между публичными интересами раскрытия преступлений и конституционными правами граждан, вовлечённых в орбиту уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, основания для возбуждения, поводы для возбуждения, достаточные данные, признаки преступления, субъекты проверки, стадия возбуждения уголовного дела, уголовно-процессуальное доказывание.

Для цитирования: Мигранов Р.Н. Организационно-правовые аспекты проведения проверки сообщения о преступлении на этапе возбуждения уголовного дела // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 59–63.

Original article

Organizational and legal aspects of checking the report of a crime at the stage of initiating a criminal case

R.N. Migranov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the legal and organizational aspects of checking the report of a crime as the initial and fundamental stage of criminal proceedings. The article justifies that the grounds for initiating a criminal case are the unity of legal (reasons provided for by Article 140 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and actual (sufficient data on the signs of a crime) components. The multi-subject composition of verification activities is disclosed: from investigators and interrogators endowed with the right to independently carry out procedural actions, to the prosecutor exercising a supervisory function, and the applicant, whose rights are subject to unconditional protection. Particular attention is paid to the interaction of the investigating authorities with the bodies of inquiry, including the giving of mandatory instructions for conducting operational-search measures, which makes it possible to use operational capabilities to collect the necessary information. The role of departmental instructions specifying typical circumstances is also analyzed, which contributes to the efficiency and uniformity of decision-making. The author concludes that the verification of the report of the crime is not a formal, but a substantive part of the criminal process, the quality of which depends not only on the legality of the initiation of the case, but also on the entire subsequent investigation. Only a clear regulation of the grounds, the well-coordinated work of all

© Мигранов Р.Н., 2026.

authorized entities and effective prosecutorial supervision can ensure a balance between the public interests of solving crimes and the constitutional rights of citizens involved in the orbit of criminal procedure relations.

Key words: verification of a crime report, initiation of a criminal case, grounds for initiation, occasions for initiation, sufficient data, signs of a crime, subjects of the verification, stage of initiating a criminal case, criminal proce dural evidence.

For citation: Migranov R.N. Organizational and legal aspects of checking the report of a crime at the stage of initiating a criminal case // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp.59–63.

Получение информации, которая собирается и проверяется в процессе проведения проверки сообщения о преступлении, имеет важное значение для успешного выполнения задач уголовного процесса [1, с. 25]. Поэтому работа правоохранительных органов на этом этапе является ключевой для раскрытия преступления.

Основаниями для проведения проверки сообщения являются положения, регулирующие данную деятельность, а именно: статьи 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), ст. 12 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г., Приказ МВД России № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» от 29 августа 2014 г. Также основанием будет являться наличие поводов, указанных в ст. 140 УПК РФ. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, то есть должны быть элементы состава преступления [2, с. 45]. Для того чтобы была обеспечена совокупность достаточных данных необходимо провести тщательную и хорошо проанализированную предварительную проверку. Пределы проверки сообщения ограничиваются задачами стадии возбуждения уголовного дела, то есть в этом случае устанавливается, действительно ли имело место событие, в котором указывается в заявлении.

В ходе любого этапа уголовного судопроизводства оценка фактических данных производится уполномоченными лицами, руководствуясь своим внутренним убеждением и требованиями закона. Вопрос о том, являются ли имеющиеся сведения достаточными для вывода о наличии готовящегося, совершаемого или совершенного преступления, решается в каждом конкретном случае тем лицом, которое рассматривает вопрос о возбуждении уголовного дела. Следует отметить, что для того, чтобы быстро установить основания для возбуждения уголовного дела создаются ведомственные нормативно-правовые акты, содержащие дополнительную информационную характеристику оснований. Например, Приказ МВД РФ № 38, Генпрокуратуры РФ № 14, Следственного комитета № 5 от 16 января 2015 г. «Об утверждении инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» указывает такие обстоятельства, как: отсутствие объективных данных, указывающих на намерение человека беспричинно и на длительное время убыть в неизвестном направлении или сменить жилище; отсутствие заболевания, которое может обусловить скоропостижную смерть, потерю памяти, ориентирование во времени и пространстве. Ссылаясь на нормы ст. 144 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что к субъектам проверки сообщения о преступлении относят: должностные лица, непосредственно осуществляющие проверку [3, с. 66], например, следователь, дознаватель; специалист; заявитель; адвокат. Также могут быть иные субъекты, чьи действия или бездействия могут быть предметом обжалования.

При проведении проверки сообщения немаловажную роль играют руководитель следственного органа, начальник органа дознания, прокурор. Они, в свою очередь, продлевают срок проверки по мотивированному ходатайству следователя, дознавателя.

Специалист привлекается для оказания содействия следователю, дознавателю при производстве проверочных действий, например, при осмотре места происшествия, освидетельствования. От имени го-

сударства право возбуждать уголовные дела предоставлено: следователю, дознавателю, начальнику подразделения дознания и руководителю следственного органа

Следователи Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, органов внутренних дел Российской Федерации, возбуждают уголовные дела, отнесенные к их подследственности ст. 151 УПК РФ. Право возбуждать уголовные дела принадлежит дознавателям органов внутренних дел, пограничных органов федеральной службы безопасности, органов Федеральной службы судебных приставов, органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы и таможенных органов. Следователь и дознаватель вправе самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимают процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ на это требуется согласие руководителя следственного органа [3, с. 353], начальника органа дознания, согласие прокурора и (или) судебное решение.

Кроме того, следователь и дознаватель уполномочены давать органу дознания, а начальник органа дознания должностному лицу органа дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу и о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении [5, с. 58]. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, кроме выполнения поручений дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа о проведении оперативно-розыскных мероприятий, вправе самостоятельно осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, результаты которых могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

Прокурор играет ключевую роль на начальной стадии уголовного процесса. Несмотря на лишение прокуратуры права возбуждения уголовных дел в 2007 году, законодательство закрепило особый механизм инициирования производства по уголовному делу [4, с. 198]: вынесение прокурором постановления о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для принятия решения о привлечении лица к уголовной ответственности.

В ст. 27 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» указано, что при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию. Прокурор, помимо фактов реагирования на незаконные действия путем направления материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, осуществляет контроль и надзор [4, с. 9] на всей стадии возбуждения уголовного дела. На стадии возбуждения уголовного дела одним из участников является заявитель. В заявлении о преступлении обязательным условием является указание персональных данных заявителя и его подпись, а также предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Заявителю выдается документ, подтверждающий прием сообщения о преступлении, в котором указываются данные лица, принявшего заявление, а также дата и время его приема [5, с. 38]. В случае отказа в приеме сообщения о преступлении, заявитель имеет право обжалования данного решения [6, с. 127] в порядке, установленном статьями 124 и 125 УПК РФ. Заявитель занимает особое положение, поскольку должностные лица обязаны уведомить его о принятом решении по результатам проверки и разъяснить ему право обжалования данного решения и порядок его осуществления.

На основании заявления руководителя коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, а также не имеющей участия в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, либо с его согласия, могут быть возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, пред-

усмотренных главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список субъектов, затронутых в тексте, не является исчерпывающим. В него также входят лица, уполномоченные действовать от имени других (например, родители в интересах своих детей, опекуны, лица, действующие по доверенности), а также свидетели, предоставляющие показания, потерпевшие от преступления, эксперты и другие заинтересованные стороны.

Итак, для проведения проверки сообщения и возбуждения уголовного дела должны быть юридические и фактические основания, которые представляют с собой единую систему, охватывающую формы сообщений о преступлении, и которые позволяют более объективно, точно и полно выяснить обстоятельства преступления, определить дальнейшие шаги расследования и в случае подтверждения преступления – возбудить уголовное дело. Благодаря этим основаниям, возможно обеспечить соблюдение конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина [7, с. 40], а также справедливое правосудие.

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько ключевых выводов. Во-первых, стадия проверки сообщения о преступлении является не формальной, а содержательной частью уголовного судопроизводства [8, с. 256], поскольку именно здесь происходит первичная оценка фактических данных, формируются основания для возбуждения уголовного дела либо отказа в этом. Законодательное регулирование в совокупности с ведомственными инструкциями создает необходимую правовую базу, однако эффективность применения этих норм напрямую зависит от профессионального усмотрения уполномоченных должностных лиц. Во-вторых, основания для возбуждения уголовного дела представляют собой единство юридического и фактического компонентов. При этом ведомственные акты играют важную роль, конкретизируя типичные обстоятельства, что способствует единообразию правоприменительной практики и ускоряет принятие обоснованных решений. В-третьих, субъектный состав проверки многообразен: от следователя и дознавателя, наделенных правом самостоятельного производства процессуальных действий, до прокурора, осуществляющего надзорную функцию, и заявителя, чьи права подлежат безусловной защите [9, с. 277]. Особенно значимым является взаимодействие между следственными органами и органами дознания, включая дачу обязательных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, что позволяет использовать оперативные возможности для сбора необходимой информации [10, с. 274]. Роль прокурора, несмотря на утрату права самостоятельного возбуждения дел, остается критически важной для обеспечения законности на данном этапе. В-четвертых, перспективы совершенствования данной стадии связаны с оптимизацией сроков проверки, усилением контроля за соблюдением прав заявителей и обеспечением реальной возможности обжалования решений и действий должностных лиц в порядке ст. 124–125 УПК РФ. Требуется дальнейшая унификация ведомственных инструкций с целью устранения возможных противоречий и повышения оперативности реагирования на сообщения о преступлениях.

Таким образом, проверка сообщения о преступлении выступает фундаментальным элементом уголовного процесса, от качества которого зависит не только законность возбуждения дела, но и вся последующая судьба уголовного преследования. Только четкая регламентация оснований, слаженная работа всех уполномоченных субъектов и действенный прокурорский надзор способны обеспечить баланс между публичными интересами раскрытия преступлений и конституционными правами граждан, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальных отношений.

Список литературы:

1. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / Н. А. Громов [и др.]. – Москва: Приор-издат, 2005. 155 с.
2. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Б. Б. Булатов, А. М. Баранов, А. Н. Артамонов [и др.]. – 4-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2013. 623 с.

3. Гаджиалиева А. Т. Прокурорский надзор по обеспечению законности приостановления уголовного дела / А. Т. Гаджиалиева // Юридическая наука. 2025. № 3. С. 351-354. – EDN LZKLSV.
4. Гаджиалиева А. Т. Применение технологий искусственного интеллекта в принятии решения о приостановлении предварительного расследования / А. Т. Гаджиалиева // Научная деятельность в условиях цифровизации: теоретический и практический аспекты: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Калуга, 29 января 2025 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2025. С. 196-198. – EDN UCRRCW.
5. Бадретдинов А. И. Процессуальные сроки как гарантии права лица на справедливое судебное разбирательство в разумный срок / А. И. Бадретдинов, М. С. Шайхуллин // Судебная власть. 2026. № 2. С. 34-40. – DOI 10.24412/3034-7440-2026-2-34-40. – EDN SGDCOG.
6. Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1: Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.
7. Шайхуллин М. С. Конституционное правопонимание гарантий прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Образование и право. 2021. № 2. С. 39-43. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-39-43. – EDN WKWQFS.
8. Спесивов Н. В. Цели и ценности российского уголовного судопроизводства / Н. В. Спесивов // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 256-261. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-256-261. – EDN WUFCGF.
9. Галкин М. А. Защита в уголовном судопроизводстве: понятие и формы осуществления / М. А. Галкин // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 277-285. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-277-285. – EDN RKWDXL.
10. Францифоров Ю. В. Особенности рассмотрения судом дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам / Ю. В. Францифоров, А. П. Попов // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 273-277. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-273-277. – EDN BHCKLE.

References

1. Evidence, proof and use of the results of operational-search activities: tutory. manual / N. A. Gromov [et al.]. - Moscow: Prior-Izdat, 2005. 155 p.
2. criminal process: Textbook for universities / B. B. Bulatov, A. M. Baranov, A. N. Artamonov [and others]. - 4th ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2013. 623 p.
3. Gadzhialieva A. T. Prosecutorial supervision to ensure the legality of the suspension of the criminal case / A. T. Gadzhialieva // Legal science. 2025. № 3. Pp. 351-354. – EDN LZKLSV.
4. Gadzhialieva A. T. The use of artificial intelligence technologies in deciding to suspend the preliminary investigation / A. T. Gadzhialieva // Scientific activity in the context of digitalization: theoretical and practical aspects: a collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Kaluga, January 29, 2025. - Sterlitamak: Limited Liability Company «International Research Agency», 2025. Pp. 196-198. – EDN UCRRCW.
5. Badretdinov A. I. Procedural terms as guarantees of a person's right to a fair trial within a reasonable time / A. I. Badretdinov, M. S. Shaikhullin // Judicial power. 2026. № 2. Pp. 34-40. – DOI 10.24412/3034-7440-2026-2-34-40. – EDN SGDCOG.
6. Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook / I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 218 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.
7. Shaikhullin M. S. Constitutional legal understanding of guarantees of human and civil rights and freedoms / M. S. Shaikhullin // Education and law. 2021. № 2. Pp. 39-43. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-39-43. – EDN WKWQFS.
8. Spesivov N. V. Goals and values of Russian criminal proceedings / N. V. Spesivov // Legal policy and legal life. 2026. № 1. Pp. 256-261. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-256-261. – EDN WUFCGF.
9. Galkin M. A. Protection in criminal proceedings: concept and forms of implementation / M. A. Galkin // Legal policy and legal life. 2026. № 1. Pp. 277-285. – DOI 10.24412/1608-8794-2026-1-277-285. – EDN RKWDXL.
10. Franciforov Yu. V. Peculiarities of consideration by the court of cases on new or newly discovered circumstances / Yu. V. Franciforov, A. P. Popov // Legal policy and legal life. 2025. № 2. Pp. 273-277. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-2-273-277. – EDN BHCKLE.

Информация об авторе (авторах): Мигранов Рустэм Нуруллинович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Migranov Rustem Nurullinovich, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 19.07.2026; одобрена после рецензирования 26.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 19.07.2026; approved after 26.08.2026; review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 343.137.9
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.009

Эволюция правового регулирования и практики применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве России

А.Т. Гаджиалиева
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется процесс интеграции информационных технологий в деятельность правоохранительных органов и уголовное судопроизводство Российской Федерации в исторической ретроспективе. Автор обосновывает тезис о том, что технологизация следственной и судебной деятельности является объективной необходимостью, обусловленной общим вектором цифрового развития общества. На основе анализа нормативно-правовых актов от Устава уголовного судопроизводства 1864 года до УПК РФ 2001 года, и теоретических концепций выделяются и характеризуются основные этапы становления правовой регламентации: доправовой, период первичной легализации технических средств в УПК РСФСР 1960 года и современный этап, связанный с активным внедрением дистанционных технологий. Особое внимание уделяется рассмотрению видеоконференцсвязи как ключевому инструменту цифровизации процесса, анализируются её цели, принципы применения, а также обозначаются проблемы правового и организационного характера, возникшие при попытке масштабирования дистанционных форматов на стадию предварительного расследования. В работе использованы историко-правовой и формально-юридический методы, а также метод системного анализа. Делается вывод о диалектическом характере технологической эволюции уголовного процесса, где прогресс правового регулирования традиционно следует за практическими потребностями следствия, формируя новые гарантии прав участников процесса и одновременно порождая новые вызовы для правоприменителя.

Ключевые слова: информационные технологии, уголовный процесс, цифровизация правосудия, видеоконференцсвязь, дистанционные форматы, история уголовного процесса, УПК РФ, технические средства фиксации, правовое регулирование, принципы уголовного судопроизводства, предварительное расследование.

Для цитирования: Гаджиалиева А.Т. Эволюция правового регулирования и практики применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве России // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 64–72.

Original article

The evolution of legal regulation and the practice of using information technologies in criminal proceedings in Russia

A.T. Gadzhialieva
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Abstract. The article examines the process of integrating information technologies into the activities of law enforcement agencies and criminal proceedings of the Russian Federation in historical retrospect. The author substantiates the thesis that the technologization of investigative and judicial activities is an objective necessity due to the general vector of digital development of society. Based on the analysis of regulatory legal acts from the Charter of Criminal Proceedings of 1864 to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 2001, and theoretical concepts, the main stages of the formation of legal regulation are distinguished and characterized: pre-legal, the period of primary legalization of technical means in the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960 and the modern stage associated with the active introduction of distance technologies. Particular attention is paid to the consideration of video conferencing as a key tool for digitalization of the process, its goals, principles of application are analyzed, and problems of a legal and organizational nature that arose when trying to scale remote formats to the preliminary investigation stage are indicated. The work uses historical-legal and formal-legal methods, as well as a method of system analysis. It is concluded about the dialectical nature of the technological evolution of the criminal process, where the progress of legal regulation traditionally follows the practical needs of

© Гаджиалиева А.Т., 2026.

the investigation, forming new guarantees of the rights of participants in the process and at the same time generating new challenges for the law enforcement officer.

Key words: information technologies, criminal process, digitalization of justice, video conferencing, remote formats, history of criminal process, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, technical means of fixation, legal regulation, principles of criminal proceedings, preliminary investigation.

For citation: Gadzhialieva A.T. The evolution of legal regulation and the practice of using information technologies in criminal proceedings in Russia // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 64–72.

Интеграция технологического прогресса в деятельность правоохранительных органов является объективной необходимостью современности. В условиях повсеместной цифровизации, применение инновационных решений, таких как системы видеоконференцсвязи и иные дистанционные форматы взаимодействия, становится критически важным инструментом для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Эта тенденция отражает общий вектор развития общества, которое, как верно отметил А.Б. Смушкин, вступило в фазу информационной революции [1, с. 23]. Данное утверждение представляется абсолютно справедливым, поскольку информационные технологии проникли во все сферы жизнедеятельности [9, с. 73], став их неотъемлемой частью. Правоохранительная система, будучи одним из ключевых общественных институтов, не может оставаться исключением. Её успешное функционирование сегодня напрямую связано со способностью адаптировать и внедрять передовые технологические решения, что позволяет не только оптимизировать внутренние процессы, но и качественно повысить результативность работы сотрудников.

Для глубокого понимания текущего состояния и перспектив использования технологий в следственной практике необходимо обратиться к историческому контексту их внедрения. Путь нормативно-правового регулирования данного вопроса в отечественном уголовном процессе можно условно разделить на несколько этапов. Первый, так называемый доправовой или эмпирический этап, характеризуется первичностью практики над теорией и законом. Многие технические средства и методики первоначально апробировались в реальной следственной работе, изучались экспертами, и лишь впоследствии, по мере накопления опыта и осознания их значимости, получали законодательное закрепление. Яркой иллюстрацией этого периода служит развитие уголовно-процессуального законодательства в XIX-XX веках. Несмотря на появление таких систематизирующих актов, как Устав уголовного судопроизводства 1864 года [2, с. 624] или УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 годов, они не содержали прямых упоминаний о стремительно развивавшихся технических новшествах. В реальности же следственная практика того времени уже начала активно использовать возможности первых средств коммуникации (телеграф, телефон), а также методы фиксации: фотографирование и видеосъёмку. Таким образом, правовая база существенно отставала от технологического прогресса, формируя уникальную ситуацию, когда применение технических средств в уголовном процессе долгое время основывалось не на конкретных нормах закона [10, с. 69], а на практической целесообразности и постепенно складывавшихся ведомственных традициях.

Второй этап законодательной регламентации развития информационных технологий в уголовном процессе сопоставим с принятием УПК РСФСР 1960 года, так как в данный период на территории нашего государства происходит технологический прогресс во всех сферах деятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве. В рассматриваемый период времени применение информационных технологий в уголовном процессе стало просто неизбежно, так как общество диктовало новые правила, появились новые виды преступлений и все это требовало применения информационных технологий в уголовном процессе нашего государства и соответственно применение информационных технологий уже не могло существовать без правовой регламентации. Указанный выше факт способствовал появлению нормативного регулирования применения инфор-

мационных технологий, которое еще было на стадии зарождения, так как нормативно-правовой базы, помимо УПК РСФСР 1960 г., регламентирующей уголовное судопроизводство в нашем государстве еще не было. УПК РСФСР 1960 года, как уже отмечалось ранее, не включал в себя регламентацию применения технических средств в уголовном процессе [11, с. 290], несмотря на то, что криминалисты в указанный период имели доступные технические средства, которые активно применяли в своей деятельности, следовательно, при использовании технических средств, без правовой регламентации появились проблемы и вопросы их применения криминалистами, поэтому требовался нормативный документ, способствовавший регламентации применения и использования определенных технических средств криминалистами и иными лицами уголовного процесса.

В 1966 году правительством РСФСР было принято решение о необходимости поправок в существующий УПК РСФСР 1960 г., путем издания Указа Президиума Верховного Совета РСФСР, который внес поправки в имеющийся УПК РСФСР 1960 г., тем не менее, поправки в ст. 141 УПК РСФСР 1960 г. заключались в добавлении возможности применения технических средств при изготовлении протокола следственного [3, с. 20]. Второй этап формирования законодательных основ для информационных технологий в уголовном судопроизводстве логично соотносится с периодом действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года. Это время ознаменовалось ускоренным технологическим развитием во всех областях государственной и общественной жизни, и сфера правосудия не стала исключением. Стремительная трансформация общества, появление новых форм криминальной активности и рост сложности расследований сделали внедрение технических средств в процесс доказывания объективной необходимостью. Использование информационных технологий перестало быть факультативным и стало неизбежным ответом на вызовы времени [12, с. 93]. Однако их стремительное проникновение в следственную практику остро поставило вопрос о легитимации и чёткой процессуальной регламентации, поскольку применение таких методов уже не могло оставаться в правовом вакууме.

Практическим локомотивом этого процесса выступили специалисты-криминалисты, которые в рамках своей экспертной и следственной деятельности стали наиболее активными пользователями первых технических новшеств. Несмотря на то, что сам УПК РСФСР 1960 года изначально не содержал развёрнутых норм, разрешающих или регулирующих применение подобных средств, криминалисты эмпирически, исходя из профессиональной необходимости, начали использовать доступную аппаратуру для фиксации и исследования доказательств. Это породило правовую коллизию: передовые методы работы существовали де-факто, но де-юре оставались неурегулированными, что создавало неопределённость в вопросах допустимости полученных таким путём доказательств и правил их использования.

Данное противоречие потребовало законодательной реакции. В 1966 году были внесены первые существенные поправки в УПК РСФСР 1960 года через Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. Ключевые изменения коснулись статьи 141, регламентирующей протокол следственного действия. Законодатель, наконец, официально закрепил право использования технических средств при составлении протоколов, подразумевая, прежде всего, применение пишущих машинок. Это было принципиальным новшеством, так как ранее кодекс регламентировал лишь содержание и порядок оформления протокола, но не способы его материального изготовления. Более того, в обновлённой редакции статьи прямо упоминались возможности применения в ходе следственных действий звукозаписи, фотографирования и киносъёмки, что заложило фундамент для легализации целого спектра криминалистических технологий в уголовном процессе. Таким образом, данный этап можно охарактеризовать как период первичной легализации, когда закон начал догонять практику, закрепляя уже укоренившиеся, но ранее неформализованные методы работы.

Следующим закономерным шагом в процессе правовой институционализации технических средств стало детальное регулирование порядка их применения в рамках

конкретных следственных действий. Как справедливо указывала Е.Е. Язева, аппаратура, доступная в тот период: фотокамеры, работающие на плёнке, громоздкие кинокамеры и катушечные магнитофоны, основывалась на аналоговых технологиях, требовавших специфических условий для получения и обработки материалов [4, с. 106]. Внесение поправок в УПК РСФСР 1960 года позволило перейти от эмпирического использования техники к её формально-процессуальному закреплению. Первоочередное внимание законодателя было уделено звукозаписи при проведении такого ключевого действия, как допрос. В нормах были прописаны не только сама возможность её применения, но и строгие процедурные требования, направленные на обеспечение полноты, достоверности и недопустимости злоупотреблений.

Сформированный регламент был достаточно детализирован. Закон предписывал, что аудиозапись должна была фиксировать весь ход допроса непрерывно, от начала и до его официального завершения, исключая выборочное или частичное документирование. По окончании процедуры допрашиваемому лицу предоставлялось право прослушать всю запись целиком, после чего оно должно было подтвердить факт окончания следственного действия и корректность аудиофиксации. Данные требования были напрямую связаны с обязательным составлением письменного протокола, в который вносился целый комплекс сопроводительных сведений. В протоколе фиксировались факт уведомления участника о применении звукозаписи, технические параметры использованного оборудования, заявления лица по поводу такой фиксации, отметка о воспроизведении ему записи, а также завершающие удостоверения правильности как текста протокола, так и аудиоматериала со стороны следователя и допрашиваемого. Эта процедура демонстрирует, что уже к середине 1960-х годов в советском уголовном процессе сложился целостный, хотя и базовый, алгоритм легального применения технических средств фиксации. Наличие чётких правил, несомненно, облегчало работу следователя, предоставляя ему законодательно утверждённый инструментарий и снижая риски оспаривания доказательств ввиду процессуальных нарушений.

Однако раннее регулирование носило фрагментарный характер и не охватывало всех аспектов. Так, в 1966 году законодатель не поставил вопрос о необходимости учёта и инвентаризации самой аппаратуры (диктофонов, магнитофонов), используемой для следственных нужд. Фактическое применение основывалось на технологиях магнитной плёнки, которые, будучи прорывом для своего времени, с позиций сегодняшнего дня отличались ограниченным качеством записи и сложностью в архивировании и воспроизведении. Дальнейшее развитие событий показало, что прогресс в области коммуникаций неизбежно влечёт за собой потребность в новых процессуальных формах контроля. Важной вехой стало дополнение УПК РСФСР в 2001 году новой статьёй 174.1, что, ознаменовало выход законодательного регулирования за рамки фиксации уже идущего следственного действия [5, с. 79]. Данная норма впервые на уровне кодекса легализовала, под судебным контролем, оперативно-розыскные по своей сути мероприятия: контроль и запись телефонных и иных переговоров подозреваемых, обвиняемых и иных лиц, причастных к расследованию тяжких и особо тяжких преступлений. Это расширило понятие «применение технических средств» от пассивной фиксации до активного инструмента собирания доказательств на доследственной стадии.

Проведённый анализ наглядно демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению роли и расширению спектра информационных технологий, применяемых в следственной практике. Круг используемых технических средств неуклонно рос, эволюционируя параллельно с развитием общества. Важно понимать, что этот процесс носил диалектический характер: технологический прогресс, приносящий очевидные преимущества для правосудия, одновременно порождал и новые вызовы. Появление и распространение инновационных средств коммуникации и обработки информации не только помогало следствию, но и открывало новые возможности для криминальной деятельности. Методы

совершения преступлений также совершенствовались, становясь всё более изощрёнными и технологичными, что вынуждало правоохранительные органы постоянно наращивать свой технический арсенал для адекватного противодействия.

Следует отметить, что в рассмотренный исторический период техническая база следствия базировалась преимущественно на аналоговых процессах -магнитная лента, фотоплёнка. Однако сама нормативная база долгое время не акцентировала внимание на этой технологической специфике, ограничиваясь общими разрешительными формулировками. Ситуация начала кардинально меняться на рубеже XX и XXI веков, когда государство на высшем уровне осознало стратегическую необходимость системного внедрения информационных технологий в уголовный процесс. Это осознание привело к активному формированию целого пласта нормативно-правовых актов, призванных регламентировать не только применение, но и развитие IT-средств в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Завершающим и наиболее динамичным этапом в этой эволюции справедливо считается период с 2001 года по настоящее время, точкой отсчёта для которого послужило принятие действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее - УПК РФ). Начало XXI века ознаменовалось качественным прорывом, и уголовно-процессуальное законодательство наконец дало чёткое и развёрнутое нормативное отражение возможностям современных информационно-технических средств. Несмотря на то, что активное законотворчество в этой сфере велось с конца прошлого столетия, многие принимавшиеся акты отличались фрагментарностью и недолговечностью, что свидетельствует о сложности поиска оптимальных правовых моделей для быстро меняющихся технологий.

Процесс технологизации уголовного процесса во многом инициировался и поддерживался на высшем политическом уровне. Ещё в советский период ключевые директивные документы, такие как постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» и «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» 1970 г. [4, с. 109], прямо указывали на необходимость широкого внедрения новейших научно-технических достижений в работу правоохранительной и судебной систем. Эта установка создала важный прецедент, заложив идею о том, что технологическая модернизация является не просто внутренним делом ведомств, а задачей государственной важности, что в дальнейшем предопределило вектор развития и в современной России.

Для систематизации многообразия технических средств, вовлекаемых в уголовный процесс, представляет интерес классификация, предложенная П.С. Элькинд, основанная на функциональном назначении [6, с. 7]. Автор выделял три основные категории: 1) средства, которые сами по себе являются материальными носителями информации о существенных обстоятельствах дела и, соответственно, выступают в роли доказательств; 2) средства, используемые исключительно для составления процессуальных документов (например, пишущие машинки, позднее – компьютеры); 3) средства, применяемые непосредственно в ходе следственных действий для поиска, фиксации, проверки доказательств, а также их последующего воспроизведения в суде [6, с. 8].

Вопросу теоретического осмысления роли технологий в уголовном судопроизводстве была посвящена совместная монография таких видных процессуалистов, как Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев и П.С. Элькинд. Хотя в их работе не проводился детальный анализ конкретных технологических решений, ценность данного исследования заключается в том, что оно стало одной из первых попыток системно обозначить и проанализировать комплекс проблем, возникающих при внедрении информационных технологий и технических средств

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой. Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации. Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. ст. 2345.

в следственную практику. Авторы констатировали, что, несмотря на активное эмпирическое использование техники, её правовое регулирование и регламентация оставались фрагментарными и непоследовательными, порождая многочисленные коллизии.

На рубеже XX–XXI веков в профессиональном сообществе сформировалось неоднозначное, а зачастую и скептическое отношение к внедрению ряда специфических технологий, таких как полиграф, гипноз в целях получения информации или одорология. Основное противоречие заключалось в сложности их процессуальной идентификации. Эти методики с трудом подпадали под классическое понимание уголовно-процессуальных технологий, будучи в большей степени связанными с арсеналом криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Такая терминологическая и сущностная неопределённость сохраняет свою актуальность и сегодня, являясь предметом дискуссий среди теоретиков права. Информационные технологии постепенно переставали быть вспомогательным инструментом, становясь неотъемлемым компонентом процессуального доказывания и ядром профессиональной деятельности следователя, направленной на эффективное раскрытие преступлений.

Отдельный пласт научной дискуссии был связан с выработкой адекватной терминологии. Известный криминалист Р.С. Белкин, стремясь к терминологической точности в интересах криминалистической науки, предлагал отказаться от широкого понятия «научно-техническое средство» в пользу более узкого - «технико-криминалистическое средство». Свою позицию он аргументировал тем, что далеко не весь технический арсенал следователя (например, простейшие инструменты вроде щупа или молотка) может быть охарактеризован признаком «научности» [7, с. 7]. Эту точку зрения поддерживал и профессор О.Я. Баев, также указывавший на некорректность отнесения всех технических средств к научно-техническим[1].

Динамичное развитие общественных отношений и технологической среды предъявляет повышенные требования к уголовному судопроизводству, которое нуждается в постоянном совершенствовании своих форм и инструментов. Знаковым этапом в этом процессе стала масштабная судебная реформа, реализованная в Российской Федерации в период с 2007 по 2011 годы. Её ключевыми задачами были провозглашены повышение эффективности правосудия, доступности судебной защиты и оптимизация материально-технического обеспечения судов. В рамках данной реформы Правительством Российской Федерации была утверждена целевая программа «Развитие судебной системы России», в результате выполнения которой в процессуальное законодательство была внедрена важная новелла. Она предоставила право использовать специальные средства связи для совершения процессуальных действий на расстоянии в ходе предварительного расследования. Эта мера была призвана не только модернизировать судебную систему, но и создать правовые предпосылки для повышения оперативности и гибкости всего уголовного процесса.

Таким образом, судебная реформа 2007-2011 гг. выступила катализатором для развития и первоначального внедрения дистанционных систем именно в судебной практике [3, с. 100]. Естественно, реализация этого нововведения потребовала создания серьёзной технической инфраструктуры, что повлекло значительные бюджетные расходы. На первом этапе оборудование для ВКС было закуплено и установлено для Верховного Суда РФ, что позволило отработать технологию и процедуры. Однако со временем, по мере развития программы, техническое оснащение получили суды всех уровней и инстанций. Сегодня наличие защищённых систем для проведения сеансов видеоконференцсвязи является стандартом для российских судов, что кардинально изменило возможности для удалённого участия в процессе его участников.

Идея дальнейшего расширения применения дистанционных технологий не ограничилась судебной стадией. В 2015 году

[1] Баев О. Я., Солодов Д. А. Криминалистический комментарий к процессуальному порядку производства следственных действий по УПК России. URL: https://z-library.ec/book (дата обращения: 07.06.2026).

законодателями был разработан проект федерального закона № 764131-6, предполагавший внесение дополнений в УПК РФ в части производства предварительного расследования с применением систем ВКС. Однако данный законопроект не получил поддержки и был отклонён. Основными причинами отказа послужили соображения экономического и организационного характера. Парламентарии указывали на отсутствие к тому моменту необходимой технической оснащённости во всех следственных подразделениях, особенно в регионах, и на неприемлемо высокие финансовые затраты, которые потребовались бы из государственного бюджета для всеобъемлющего внедрения этой технологии на досудебных стадиях.

С технической точки зрения, видеоконференцсвязь представляет собой способ интерактивного обмена информацией между удалёнными абонентами через интернет-сети. В контексте уголовного процесса ВКС трактуется как специализированная телекоммуникационная технология, обеспечивающая интерактивное взаимодействие двух и более участников, находящихся в разных локациях, с целью обмена аудио- и видеоинформацией в режиме реального времени. Для участия в сеансе ВКС его участникам необходимо базовое техническое обеспечение: компьютер или специализированное устройство, оснащённое камерой и микрофоном, а также стабильный доступ к защищённым интернет-каналам связи.

Все законодательные нормы, регулирующие уголовный процесс, включая и положения о ВКС, подчинены фундаментальной задаче - обеспечению прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации[1]. Исходя из этого, первостепенной целью внедрения видеоконференцсвязи и иных дистанционных режимов в уголовное судопроизводство является создание дополнительных гарантий для реализации конституционных прав участников процесса, например, права на доступ к правосудию или права на защиту. Параллельно технология преследует важные прагматические цели по совершенствованию и оптимизации деятельности правоохранительных органов. Её использование способствует оперативному, законному и экономически эффективному получению и закреплению доказательств, что в конечном итоге формирует прочную основу для объективного раскрытия и расследования преступлений. Таким образом, ВКС выступает инструментом, синтезирующим задачи гуманизации процесса и повышения его эффективности.

Правовое регулирование любого института, включая применение дистанционных технологий в уголовном судопроизводстве, основывается на фундаментальных руководящих идеях - принципах. Как справедливо отмечает С.И. Яценко, под принципами следует понимать закреплённые в законе основополагающие положения, определяющие сущность и направленность деятельности государственных органов на всех стадиях уголовного процесса [8, с. 402]. Принципы использования ВКС и иных дистанционных режимов логически вытекают из целей их внедрения, рассмотренных ранее. Поскольку ключевой целью является обеспечение конституционных прав и свобод, то и принципы дистанционного взаимодействия во многом корреспондируют с конституционными началами, такими как принцип равенства всех перед законом и судом – статья 19 Конституции Российской Федерации. Помимо этого, они тесно переплетаются с общеотраслевыми принципами уголовного процесса, закреплёнными в УПК РФ, например, с принципом законности.

В научной литературе при анализе практики внедрения телекоммуникационных средств принято классифицировать соответствующие принципы на межотраслевые (заимствованные из конституционного и иных отраслей права) и сугубо отраслевые (криминалистические). В частности, судоустройственные (организационные) принципы обеспечивают построение и организацию работы системы органов, осуществляющих уголовное преследование

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 4 октября 2022 г. № 8- ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 8. Ст. 1416.

и правосудие. Ярким примером является конституционный принцип независимости судей и их подчинения только закону, который создаёт организационные гарантии беспристрастности суда при использовании любых технологий, включая ВКС. Также выделяют судопроизводственные (функциональные) принципы. В данную группу принципов включается основы определения порядка деятельности должностных лиц и участие иных субъектов в уголовном процессе. К ним относится, например, принцип состязательности сторон, который в условиях дистанционного формата требует создания равных технических и процессуальных возможностей для защиты и обвинения.

Таким образом, исторический путь технологизации уголовного процесса, начавшийся с эмпирического применения отдельных технических средств ещё в XIX веке, прошёл через этап первичной легализации в УПК РСФСР 1960 года и достиг своего нормативного оформления в современном УПК РФ 2001 года. Видеоконференцсвязь и иные дистанционные режимы, будучи продуктом этого развития, обладают собственными целями и принципами применения. Эти принципы, укоренённые в конституционных и отраслевых нормах, формируют правовой фундамент, который обеспечивает легитимность, справедливость и эффективность использования удалённых технологий в практике уголовного процесса.

Список литературы:

1. Смушкин А. Б. Концепция дистанционной криминалистики. М.: Юрлитинформ. 2024. 256 с.
2. Устав уголовного судопроизводства: Изд. 1914 г. со всеми позднейшими узаконениями и объясн. по реш. Угол. кас. деп. Правит. Сената по 1916 г. / Сост. пом. прис. пов. Д. А. Каплан; Изд. канд. права Л. М. Ротенберга. – 2-е изд., испр., доп. и вновь обраб. - Екатеринослав: Тип. И. Е. Коган, 1916. 944 с.
3. Власов П. Е. Проблемы производства следственных действий в дистанционном формате / П. Е. Власов // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 22 марта 2024 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. С. 20-22.
4. Язева Е. Е. Актуальные проблемы дистанционного производства следственных действий / Е. Е. Язева // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 1. С. 106-115.
5. Нугаева Э. Д. Алгоритмы следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенных дистанционным способом / Э. Д. Нугаева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 79-80.
6. Элькинд П. С. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство // Советская юстиция. 1977. № 3. С. 8
7. Белкин Р. С. Криминалистика и научно-технический прогресс / Р. С. Белкин // Труды Высшей школы СССР. – М., 1972. – Вып. 34. С. 3–10.
8. Яценко С. И. Применение дистанционных технологий в допросе и их влияние на тактику проведения данного следственного действия / С. И. Яценко // Уголовно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности: взгляд молодежи : Материалы научно-практической конференции, проведенной в рамках I Съезда Молодежной секции Международного союза криминалистов, Москва, 27 сентября 2024 года. – Москва: Московская академия следственного комитета, 2024. С. 400-404.
9. Астахова Е. А. Совершенствование автоматизированных информационных систем, используемых в расследовании преступлений / Е. А. Астахова // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 73-81. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-73-81. – EDN HNYXTR.
10. Астахова Е. А. Правовые основы борьбы с транснациональной преступностью / Е. А. Астахова // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. С. 68-76. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-2-68-76. – EDN HXFGFM.
11. Шарифходжаев Ш. И. Следственные ситуации первоначального этапа расследования транснациональных преступлений / Ш. И. Шарифходжаев // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 289-294. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-1-289-294. – EDN POXXOQ.
12. Астахова Е. А. Транснациональная преступность: признаки и юридическая стратегия борьбы / Е. А. Астахова // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 92-99. – DOI 10.24412/1608-8794-2023-4-92-99. – EDN OHGZJS.

References

1. Smushkin A. B. The concept of remote forensics. M.: Yurlitinform. 2024. 256 p.
2. statute of criminal proceedings: Ed. 1914 with all the later legalizations and explained. by Dec. Angle. case. dep.

Rules. Senate on 1916 / Comp. pom. pris. pov. D. A. Kaplan; Ed. cand. rights L. M. Rotenberg. - 2nd ed., Adjusted, add. And again processing. - Yekaterinoslav: Tip. I .E. Kogan, 1916. 944 p.
3. Vlasov P. E. Problems of the production of investigative actions in a remote format / P. E. Vlasov // Actual problems of legal regulation, organization and tactics of the production of investigative actions: Materials of the international scientific and practical conference, Omsk, March 22, 2024. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. Pp. 20-22.
4. Yazeva E. E. Actual problems of remote production of investigative actions / E. E. Yazeva // Demidov Law Journal. 2023. T. 13, № 1. Pp. 106-115.
5. Nugaeva E. D. Algorithms of investigative actions at the initial stage of investigating fraud in the provision of occult services committed remotely / E. D. Nugaev // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2018. № 18-1. Pp. 79-80.
6. Elkind P. S. Scientific and technological progress and criminal proceedings // Soviet justice. 1977. № 3. Pp. 8
7. Belkin R. S. Forensics and scientific and technological progress / R. S. Belkin // Proceedings of the Higher School of the USSR. - M., 1972. - Issue 34. Pp. 3-10.
8. Yatsenko S. I. The use of remote technologies in interrogation and their impact on the tactics of this investigative action / S. I. Yatsenko // Criminal law enforcement: youth view: Materials of a scientific and practical conference held as part of the I Congress of the Youth Section of the International Union of Criminologists, Moscow, September 27, 2024. - Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee, 2024. Pp. 400-404.
9. Astakhova E. A. Improvement of automated information systems used in crime investigation / E. A. Astakhova // Legal policy and legal life. 2024. № 3. Pp. 73-81. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-73-81. – EDN HNYXTR.
10. Astakhova E. A. Legal foundations of the fight against transnational crime / E. A. Astakhova // Legal policy and legal life. 2024. № 2. Pp. 68-76. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-2-68-76. – EDN HXFGFM.
11. Sharifkhodzhaev Sh. I. Investigative situations of the initial stage of the investigation of transnational crimes/ Sh. I. Sharifkhodzhaev // Legal policy and legal life. 2024. № 1. Pp. 289-294. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-1-289-294. – EDN POXXOQ.
12. Astakhova E. A. Transnational crime: signs and legal strategy of the struggle/E. A. Astakhova // Legal policy and legal life. 2023. № 4. Pp. 92-99. – DOI 10.24412/1608-8794-2023-4-92-99. – EDN OHGZJS.

Информация об авторе (авторах): Гаджиалиева Аделина Теймурхановна, преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Gadzhialieva Adelina Teymurkhanovna, teacher of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 23.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 02.07.2026; approved after 23.08.2026; review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 34.096
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.010

Трансформация правовой реальности: вызовы и перспективы в условиях научно-технической революции, компьютеризации и цифровизации

В.К. Самигуллин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
svenir@internet.ru

Аннотация. В статьи рассматривается влияние научно-технической революции на развитие нормативно-правовых систем. Поднимается вопрос об автоматизированном правоприменении, алгоритмическом регулировании общественных отношений. Определенное внимание уделено проблемам субъектности искусственного интеллекта. Предложены этапы научно-технического развития в аспекте исследования компьютеризации и цифровизации. Отстаивается позиция о том, что цифровая среда транснациональна. Данные физически хранятся на серверах в одной юрисдикции, обрабатываются в другой, а пользователь находится в третьей. Принцип «действие закона распространяется на территорию» подвергается испытанию. По мнению некоторых, становится фикцией. Возникает конфликт территориальных претензий. Право вынужденно изобретать инструменты цифрового суверенитета (суверенный Рунет, изоляция данных).

Ключевые слова: право, трансформация, цифровизация, искусственный интеллект, цифровой суверенитет, научно-техническая революция.

Для цитирования: Самигуллин В.К. Трансформация правовой реальности: вызовы и перспективы в условиях научно-технической революции, компьютеризации и цифровизации // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 73–76.

Original article

Transformation of legal reality: challenges and prospects in the context of the scientific and technological revolution, computerization and digitalization

V.K. Samigullin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
svenir@internet.ru

Abstract. The article examines the impact of the scientific and technological revolution on the development of regulatory systems. The question of automated law enforcement, algorithmic regulation of public relations is being raised. Some attention is paid to the problems of the subjectivity of artificial intelligence. Stages of scientific and technical development in the aspect of computerization and digitalization research are proposed. The position that the digital environment is transnational is defended. Data is physically stored on servers in one jurisdiction, processed in another, and the user is in a third. The principle of «the effect of the law extends to the territory» is tested. According to some, it becomes a fiction. There is a conflict of territorial claims. The right is forced to invent tools of digital sovereignty (sovereign Runet, data isolation).

Key words: law, transformation, digitalization, artificial intelligence, digital sovereignty, scientific and technological revolution.

For citation: Samigullin V.K. Transformation of legal reality: challenges and prospects in the context of the scientific and technological revolution, computerization and digitalization // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 73–76.

Научно-техническая революция (НТР), начавшаяся в середине XX века, и ее современная фаза – цифровая трансформация – создали принципиально новый тип

© Самигуллин В.К., 2026.

социальной реальности. Если классическое право формировалось как регулятор материальных и территориально-привязанных отношений [1], то сегодня оно вынужденно адаптироваться к виртуальной, распределенной и алгоритмической среде [2, с. 109]. Возникает противоречивое следующего свойства: по своей природе право в значительной мере консервативно, требует стабильности и определенного порядка [3, с. 1758], технологии же развиваются экспоненциально. Это приводит к феномену нормативного вакуума – возникновению общественных отношений, не имеющих нормативного правового оформления [4, с. 186]. Например, смарт-контракты в ранних версиях блокчейна или «цифровая смерть» в социальных сетях.

Первый этап (1970 – 2000 гг.) был связан с компьютиризацией традиционных правовых процессов: появление правовых баз данных (ГАРАНТ, Консультант-Плюс), электронного документооборота и систем «Электронный суд». Это улучшило доступ к правовой информации, но не изменило характер правового регулирования.

Начиная с 2010 года, компьютеризация переросла в цифровизацию. Для нее характерен не просто перевод текстов в цифру, а изменение способов правового воздействия. Так, появляются системы фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения, открывается возможность автоматического штрафования без участия судьи. Словом, образуется новая разновидность реализации права – автоматизированное правоприменение. Формируются алгоритмические регуляторы: рекомендательные системы маркетплейсов и банков, которые фактически устанавливают правила доступа к услугам (скоринг, ценовая дискриминация). В этой связи возникает вопросы: легитимны ли автоматизированные решения? Может ли машинный алгоритм выступать от имени государства?

Цифровая среда транснациональна. Данные физически хранятся на серверах в одной юрисдикции, обрабатываются в другой, а пользователь находится в третьей. Принцип «действие закона распространяется на территорию» [5, с. 40] подвергается испытанию. По мнению некоторых, становится фикцией [6, 281]. Возникает конфликт территориальных претензий. Право вынужденно изобретать инструменты цифрового суверенитета [7, с. 72] (суверенный рунет, изоляция данных).

Классическое право делит мир на субъектов (физические лица и юридические лица) и объекты. Глубокие нейросети, автономные дроны, торговые боты ставят этот дуализм под сомнение. Возникает вопрос: может ли искусственный интеллект (ИИ) быть субъектом права?

Можно выделить, по меньшей мере, три позиции: 1) объективная: Искусственный интеллект – инструмент, ответственность на создателе, владельце [8, 9, 10, 11]; 2) Квазисубъектная: признание «электронного лица» с ограниченной дееспособностью; 3) гибридная – распределенная ответственность: человек + разработчик + оператор + ИИ-агент.

Вопрос стоит особенно остро в деликтном праве: кто отвечает за ущерб, причиненный автономным автомобилем или алгоритмической ошибкой трейдингового бота?

Внедрение AI[1] в судебную систему (прогнозирование судебных решений, рекомендация мер пресечения, как система COMPAS в США) порождает риск алгоритимической дискриминации. Нейросеть может воспроизводить и усиливать скрытые предубеждения из обучающих выборок. Кроме того, принцип состязательности сторон в процессе требует прозрачности логики решения [12], но глубокие нейросети работают в режиме «черного ящика». А это нарушает право на справедливое судебное разбирательство.

Особый феномен – смарт-контракт (код, самовыполняющий условия сделки). Со специально-юридической точки зрения смарт-код представляет собой гибрид: форма сделки, механизм исполнения и, по сути, автономная норма для участников частной сети. Здесь возникают следующие проблемы: 1) Как смарт-контракт соотносится с императивными нормами права (к примеру, о защите прав потребителей)? 2) Возможен ли «исправимый» смарт-контракт? 3) Кто будут судить код?

Цифровизация породила новые правила

[1] AI – аббревиатура от английского «Искусственный интеллект» - Artificiai Intelligence.

и новые угрозы: право на забвение – удаление недостоверной или устаревшей информации; право на алгоритмическую объяснимость – требование не попадать под исключительно автоматизированное решение, если оно имеет юридические последствия; право на цифровую идентичность и контроль за биометрическими данными.

Возникает проблема цифрового неравенства в доступе к правосудию. Электронное правосудие недоступно для лиц без цифровых навыков или устройств, что нарушает принцип равенства перед законом.

В современных условиях наблюдаются следующие процессы: происходит «сращивание» нормативно-правового и технического регулирования [13, с. 124], формирование своеобразного «правового кода»; переход от запретительно-разрешительной модели к управлению рисками (регулятивные песочницы, эксперименты); трансформация международного права в цифровой формат по аналогии с морским правом или с космическим правом.

Главная проблема: в условиях цифровизации общественных отношений право исчезнет или сохранится?

Представляется, что в современных условиях и в перспективе право сохранит свое значение, но при условии трансформации в гуманистическое право [14, с. 12]. Иначе человечество может получить «цифрового Левиафана» – систему тотального алгоритмического контроля, несовместимую с идеей, что человек, его права и свободы высшая ценность. В человеческом обществе, демократической государственности и гуманистическом праве технологии должны рассматриваться как инструмент, а не как источник права.

Список литературы

1.Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета, 2018. № 115. 30 мая.

2. Актуальные проблемы международного права: Обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения» (г. Уфа, май 2009) // Евразийский юридический журнал. 2009. № 6 (13). С. 109-116. – EDN KGLPZR.

3. Theoretical and practical questions of the payment card's use as a payment method is Russia and abroad / A. A. Galushkin V. V. Grebennikov, I. M. Potashnik [et al.] // American Journal of Applied Sciences. 2014. Vol. 11. №. 10. Pp. 1757-1760. – DOI 10.3844/ajassp.2014.1757.1760. – EDN UFWNSL.

4. Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1: Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 218 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

5. Шайхуллин М. С. Конституционное правопонимание гарантий прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Образование и право. 2021. № 2. С. 39-43. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-39-43. – EDN WKWQFS.

6. Конституция Российской Федерации как модель конвергенции компонентов отечественной правовой системы / А. В. Колесников, Е. А. Абаева, П. А. Астафичев [и др.]. – Москва: Издательство «ДМК ПРЕСС», 2023. 385 с. – ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.

7. Правовое регулирование пространственного развития в контексте полномочий органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования / М. С. Шайхуллин // Публичная власть в современной России: реальность и перспективы: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Михайловича Манохина, в рамках IV Саратовского юридического форума «Роль права в обеспечении национальной безопасности современной России», Саратов, 06 июня 2024 года. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2024. С. 70-75. – EDN RAZCOS.

8. Виноградова Е. В. Реализация конституционного принципа системности законодательства с использованием средств искусственного интеллекта / Е. В. Виноградова // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 10-21. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-1-10-21. – EDN TBYTPZ.

9. Солдаткина О. Л. Правовое регулирование искусственного интеллекта в контексте развития нейронет / О. Л. Солдаткина // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 65-73. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-65-73. – EDN TKEIYZ.

10. Солдаткина О. Л. К вопросу о концепции цифровизации нормотворчества / О. Л. Солдаткина // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 75-85. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-4-75-85. – EDN BQAMOZ.

11. Солдаткина О. Л. Модернизация нормотворчества в контексте формирования цифрового права / О. Л. Солдаткина // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 62-72. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-62-72. – EDN HPNTHU.

12. Дубень А. К. Правовые аспекты информационной безопасности государства: теоретические проблемы и перспективы развития / А. К. Дубень // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 123-128. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-123-128. – EDN DSPYIT.

13. Guarantees for the implementation of the principles of the activities of bodies included in the unified system of public authority // Регулирование публичной власти в условиях современных реалий: Сборник научных трудов по материалам международного научно-практического круглого стола памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Николая Михайловича Конина, Саратов, 07 октября 2022 года / Под общей редакцией А.Ю. Соколова, редколлегия: А.Ю. Соколов [и др.]. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. Pp. 99-103. – EDN FWGKLX.
14. Самигуллин В. К. Право в координатах гуманизма.– М. Юрлитинформ, 2020. 224 с.

References

1. Zorkin V. D. Law in the digital world. Reflections on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum // Rossiyskaya Gazeta, 2018. № 115. May 30.
2. Actual problems of international law: Review of materials of the international scientific and practical conference «Actual problems of improving Russian legislation and law enforcement» (Ufa, May 2009) // Eurasian Legal Journal. 2009. № 6 (13). Pp. 109-116. – EDN KGLPZR.
3. Theoretical and practical questions of the payment card's use as a payment method is Russia and abroad / A. A. Galushkin V. V. Grebennikov, I. M. Potashnik [et al.] // American Journal of Applied Sciences. 2014. Vol. 11. №. 10. Pp. 1757-1760. – DOI 10.3844/ajassp.2014.1757.1760. – EDN UFWNSL.
4. Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 218 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.
5. Shaikhullin M. S. Constitutional legal understanding of guarantees of human and civil rights and freedoms / M.S. Shaikhullin // Education and law. 2021. № 2. Pp. 39-43. – DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-39-43. – EDN WKWQFS.
6. The Constitution of the Russian Federation as a model of convergence of components of the domestic legal system/A. V. Kolesnikov, E. A. Abaev, P. A. Astafichev [and others]. - Moscow: DMK PRESS Publishing House, 2023. 385 p. - ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.
7. Legal regulation of spatial development in the context of the powers of local governments in the field of strategic planning / M. S. Shaikhullin//Public power in modern Russia: reality and prospects: Collection of scientific works based on the materials of an international scientific and practical conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the RSFSR Vasily Mikhailovich Manokhin, within the framework of the IV Saratov Legal Forum «The Role of Law in Ensuring the National Security of Modern Russia» Saratov, June 06, 2024. - Saratov: Saratov State Law Academy, 2024. Pp. 70-75. – EDN RAZCOS.
8. Vinogradova E. V. Implementation of the constitutional principle of systematic legislation using artificial intelligence / E.V. Vinogradov // Legal policy and legal life. 2024. № 1. Pp. 10-21. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-1-10-21. – EDN TBYTPZ.
9. Soldatkina O. L. Legal regulation of artificial intelligence in the context of the development of the neuronet / O. L. Soldatkina // Legal policy and legal life. 2025. № 3. Pp. 65-73. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-65-73. – EDN TKEIYZ.
10. Soldatkina O. L. On the concept of digitalization of rulemaking / O. L. Soldatkina // Legal policy and legal life. 2024. № 4. Pp. 75-85. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-4-75-85. – EDN BQAMOZ.
11. Soldatkina O. L. Modernization of rule-making in the context of the formation of digital law / O. L. Soldatkina // Legal policy and legal life. 2024. № 3. Pp. 62-72. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-62-72. – EDN HPNTHU.
12. Duben A. K. Legal aspects of information security of the state: theoretical problems and development prospects / A. K. Duben // Legal policy and legal life. 2024. № 3. Pp. 123-128. – DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-123-128. – EDN DSPYIT.
13. Guarantees for the implementation of the principles of the activities of bodies included in the unified system of public authority // Регулирование публичной власти в условиях современных реалий: Collection of scientific works based on the materials of the international scientific and practical round table in memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Nikolai Mikhailovich Konin, Saratov, October 07, 2022 / Edited by A. Yu. Sokolova, editorial board: A. Yu. Sokolov [et al.]. - Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. Pp. 99-103. – EDN FWGKLX.
14. Samigullin V. K. Law in the coordinates of humanism. – M. Yurlitinform, 2020. 224 p.

Информация об авторе (авторах): Самигуллин Венир Калимуллович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Samigullin Venir Kalimullovich, Professor, Department of State and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, ul. Muksinova, 2).

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 19.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 06. 07.2026; approved after 19.08.2026; review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 343.572
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.011

Пьянство и алкоголизм: вопросы уголовно-правового и иного противодействия

М.С. Шайхуллин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
selir07@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется проблематика пьянства и алкоголизма как негативных социальных явлений, связанных с преступностью. К негативным социальным явлениям, связанным с преступностью относят отклонения в поведении человека от общепринятых моральных норм, нравственных установок, положений текущего законодательства. Такие отклонения переходят в плоскость уголовно-правовой оценки, когда действиями человека нарушаются запреты, поставленные под охрану уголовным законом. Подвергаются анализу историко-правовые исследования в этой области общественных отношений. Анализируется правовое регулирование в области борьбы с пьянством и алкоголизмом в период советского социалистического строительства. В заключении формулируются теоретические выводы.

Ключевые слова: пьянство, алкоголизм, правонарушения, преступления негативные явления, связь с преступностью, социальные отношения, отклонения, уголовный закон, советский опыт.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. Пьянство и алкоголизм: вопросы уголовно-правового и иного противодействия // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 77–83.

Original article

Drunkenness and alcoholism: issues of criminal law and other counteraction

M.S. Shaikhullin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
selir07@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problems of drunkenness and alcoholism as negative social phenomena associated with crime. Negative social phenomena associated with crime include deviations in human behavior from generally accepted moral norms, moral attitudes, and provisions of current legislation. Such deviations pass into the plane of criminal legal assessment when human actions violate the prohibitions protected by criminal law. Historical and legal research in this area of public relations is being analyzed. It analyzes the legal regulation to combat drunkenness and alcoholism during the Soviet socialist construction. In conclusion, theoretical conclusions are formulated.

Key words: drunkenness, alcoholism, offenses, crimes, negative phenomena, connection with crime, social relations, deviations, criminal law, Soviet experience.

For citation: Shaikhullin M.S. Drunkenness and alcoholism: issues of criminal law and other counteraction // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 77–83.

Тематика негативных социальных явлений, связанных с преступностью является традиционной в криминологической науке, неисчерпаема по широте охвата проблем в сфере борьбы с преступностью и глубока в области научного приложения правовых исследований. В юридической литературе к негативным социальным явлениям, связанным с преступностью относят отклонения в поведении человека от общепринятых моральных норм, нравственных установок, положений текущего законодательства. Такие отклонения переходят в плоскость уголовно-правовой оценки тогда, когда действиями человека нарушаются запреты, поставленные под охрану уголовным законом. Между

© Шайхуллин М.С., 2026.

тем проблематика негативных социальных явлений обусловлена тем, что они, еще не переходя в преступления, создают основу для криминального поведения. Пьянство и алкоголизм – проблемы вечные. Д.А. Дриль изучая особенности ссыльных поселений во Франции, отмечал что «в их колониях развито воровство и пьянство», а алкоголизм ссыльных на поселениях очень распространен. При этом, по его заметкам, в России ситуация с нравственностью ужасная [1, с. 52]. В своем известном произведении М.В. Ломоносов указывал на пьянство как на «вождь раздоров», негативное явление требующее «поправления нравов» [2, с. 416]. Д.А. Дриль писал, что к употреблению спиртных напитков приобщаются не только хронические алкоголики, но и здоровые люди.

Одними из основных причин постоянного употребления алкоголя здоровыми людьми являются, плохие условия быта и питания и эти обстоятельства, обусловливают субъективные ощущения нерешенности жизненных проблем, с которыми в силу финансовых сложностей не могут справиться большинство граждан. В силу объективных причин, обусловленных высокой степенью загруженности на производстве, истощенностью по причине выполнения различных обязанностей, крестьяне приобщались к алкоголю, чтобы на короткое время отвлечься от проблем в быту и на работе. По Д.А. Дрилю, если бы работники не употребляли алкоголь, то они бы и вовсе не могли осуществлять работы сверх своих истощенных сил. Но чрезмерное употребление алкоголя не поощрялось и всегда имело негативную степень оценки, включая меры правового воздействия на нарушителей общественной нравственности, правопорядка и трудовой дисциплины. Корень проблем связанных с алкоголизмом Д.А. Дриль видел, во-первых, в ужасных условиях быта так называемой рабочей бедноты. По его замечаниям, помещения в которых проживали рабочие, напоминали «звериные логова». К тому же некачественное «дурное» питание приводило к постоянному недоеданию и как следствие снижению производительности труда. Во-вторых, злоупотребление крепким алкоголем связывалось с вредными условиями труда, завышенной продолжительностью рабочего дня, недостаточными условиями для отдыха после работы. В-третьих, в результате тяжелых и продолжительных работ на производстве у рабочих формировалось подавленное психическое состояние, ведущее к постоянному употреблению алкоголя, что порой приводило к бытовым конфликтам и даже совершению преступлений на этой почве. Нескончаемые трудности в быту и на производстве формировали в людях не просто угнетенное состояние, но и реакцию озлобленности на государство, общество. Общее состояние угнетенности сказывалось на отношении рабочих к соблюдению правил и положений законодательства. Следует полностью согласиться с учеными в том что, во-первых, следствием алкоголизации населения, кроме прочего, является рост преступности, во-вторых, специалисты и ученые давно пытаются определить наиболее эффективные методы противодействия злоупотреблению алкоголем. А.Г. Быкова отмечает, что искоренить или резко снизить принудительными мерами потребление алкоголя населением в короткие сроки не удалось за последние два столетия ни одному правительству в мире [3, с. 3]. Сокращение потребления населением алкоголя – концептуальная государственная задача, обличенная в правовую форму[1]. Что касается искоренения, то по некоторым данным, однако требующим проверки, в 2025 году уполномоченные органы исполнительной власти направили в бюджет страны 1,5 трлн рублей акцизных отчислений[2]. С другой стороны смертность от потребления алкоголя хоть и снижается, однако за последний год составила 180 тыс случаев.

В советский период вопросам взаимосвязи алкоголизма с преступностью было посвящено немало научных работ. Вред алкоголизма рассматривался учеными и специалистами с различных сторон. Помимо того, что алкоголизм оказывал вредное воздействие на здоровье, быт, тру-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3547-р Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу.

[2] Новости Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 12.06.2026).

довую деятельность человека, зловредность алкоголизма еще усматривалась в аспекте «пережитков капиталистического прошлого» [4, с. 3]. Непосредственность связи употребления спиртного и совершения преступлений видели в том, что более 70 % лиц, не достигших 18-летнего возраста, совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения. В состоянии такого опьянения совершалось около 90 % убийств, 70 % причинения вреда здоровью разной степени тяжести, 11 % изнасилований [5, с. 350]. А.И. Долгова отмечала, что сфера допреступного поведения ныне определяется не просто пагубными привычками людей – она стала областью целенаправленного извлечения криминальных доходов [6, с. 8] и чем больше людей будет вовлечено в пагубное для здоровья воздействие, тем выше будут становиться доходы организованных групп, преступных сообществ. Ощутимый урон наносит употребление алкоголя и наркотических средств, когда в таком состоянии совершается преступное насилие [7, с. 201]. В послевоенное время, 7 апреля 1948 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который установил достаточно суровые виды уголовных наказаний за изготовление и продажу самогона. В частности, за изготовление и хранение самогона с целью сбыта предусматривалось наказание в виде лишения свободы в ИТЛ на срок от 6 до 7 лет с конфискацией всего имущества или части имущества. Без цели сбыта такое преступление предусматривало наказание на срок от 1 года до 2-х лет с конфискацией оборудования для изготовления самогона[1]. Однако такие меры не оказали существенного воздействия на условия распространения негативных социальных явлений, выраженных в виде пьянства и алкоголизма. Поэтому правительство обеспокоенное факторами злоупотребления алкоголем на производстве и в быту, в 1958 году приняло Постановление № 1365, в котором говорилось о вреде пьянства. В данном постановлении утверждалось, что пьянство представляет собой пережиток помещичье-буржуазного строя. Оно рассматривалось как явление, унаследованное от прошлого. Коммунисты утверждали, что в советском обществе не существует причин, угнетающих настроения граждан. Однако меры по борьбе с пьянством – введение ограничений на продажу спиртных напитков, закрытие ларьков по продаже алкоголя, не дали ощутимых результатов. По мнению правительства, органы на местах формально отнеслись к борьбе с пьянством, уделив этому вопросу недостаточно внимания. В борьбе с таким явлением слабо были задействованы средства массовой информации.

Необходимо отметить, что в вышеуказанном постановлении советского правительства весьма неплохо было сформулировано понимание общественной вредности и опасности пьянства, как социально-негативного явления. Утверждалось, что пьянство мешало решению исторических задач, которые были поставлены коммунистической партией перед советским народом. В обосновании зловредности этого явления утверждалось, что пьянство подрывает здоровье людей, расшатывает семейные устои, отнимает у человека силы и волю, порождает халатное отношение к порученному делу, ведет к понижению производительности труда, к браку, прогулам и авариям в промышленности и на транспорте. Оно порождает панибратство, круговую поруку, кумовство и семейственность, плодит беспринципность, и наконец, толкает на преступления[2]. Лица, находясь в состоянии алкогольного опьянения, проявляли недостойное поведение, нарушали нормы социалистической морали, а подчас угрожали и личной безопасности граждан. Пьянство рассматривалось и как большое общественное зло, поэтому правительство поручило органам на местах развернуть широкую работу по борьбе с этим негативным социальным явлением. В качестве социальных мер предполагалось создать в обществе обстановку нетерпимости к лицам злоупотребляющим алкоголем, а также к их покровителям. Случаи недостойного

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 года «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона».

[2] Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 15 декабря 1958 года № 1365 «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками».

поведения должны были обсуждаться на собраниях коллективов, а к нарушителям применяться меры общественного воздействия. Причем обсуждение недостойного поведения, согласно положениям Постановления № 1365 должно быть суровым. Суровость обсуждения недостойного поведения, выразившегося в нахождении лица в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах заключалась в вынесении этого вопроса на публичные собрания, на которых провинившийся должен был дать объяснения трудовому коллективу о причинах своего поступка и дать обещания впредь не нарушать нормы социалистической морали и общественного порядка. Также были предприняты меры по пропаганде здорового быта с тем, чтобы объяснить тот вред, который наносит алкоголь здоровью человека, семейным отношениям, производственному делу, а также коммунистическому строительству. Для противодействия пьянству и алкоголизму были даны рекомендации задействовать все возможные формы и методы воздействия, начиная от проведения собраний, заканчивая выпуском документальных фильмов. Считалось, что в деле борьбы против пьянства и самогоноварения большую роль должны сыграть центральные и местные средства массовой информации, поэтому газеты и журналы систематически публиковали материалы, освещающие как зловредность пьянства и последствия алкоголизма, так и меры предпринимаемые местными органами, общественными коллективами в борьбе с этими негативными социальными явлениями. На страницах газет и журналов размещались статьи специалистов – врачей, учителей, юристов, а также пропагандистов – партийных работников, ветеранов труда и передовиков производства, осуждающие пьянство. Вместе с тем, в идеологической постановке вопроса борьбы с пьянством проявлялись некоторые формы дуализма, когда с одной стороны требовалось обеспечить меры профилактики, а с другой, не допустить распространение информации таким образом, чтобы она превратилась в какую-то сенсацию и не привела бы к нежелательным разбирательствам. В качестве конкретных мер, предлагалось улучшить лечение больных алкоголизмом, по заключению врачебных комиссий обеспечить принудительное лечение от алкоголизма, предусмотреть в нормах текущего законодательства о браке и семье лишение хронических алкоголиков родительских прав, установить запрет на продажу крепких спиртных напитков в специализированных магазинах, запретить продажу водки на всех объектах торговли, кроме ресторанов, пресекать продажу крепких спиртных напитков на предприятиях торговли, расположенных возле школ, учебных заведений, промышленных предприятий, культурных учреждений и т. п., установить запрет на продажу водки до 10 часов утра, запретить продажу спиртных напитков несовершеннолетним, установить предельную норму продажи спиртного (не более 100 грамм на посетителя), что соответственно требовало от работников торговли ответственного подхода к исполнению профессиональных обязанностей.

В борьбе с этими негативными социальными явлениями использовался метод эксперимента. Так, Совмину РСФСР было поручено ввести в двух или трех городах практику продажи водки только в специализированных магазинах. Также рассмотреть вопрос об увеличении объема выпуска безалкогольной продукции и слабых алкогольных напитков – пива, настоек и т. п. Кроме этого предлагалось повысить наценку на крепкие спиртные напитки в ресторанах. Между тем все эти меры, не шли ни в какое сравнение с административными и уголовно-правовыми средствами борьбы с пьянством и алкоголизмом. В середине 50-х годов прошлого столетия средняя заработная плата рабочего на предприятии варьировалась от 500 до 800 рублей. В одном из Указов «Об ответственности за мелкое хулиганство» от 29 декабря 1956 г. были предусмотрены нормы, в соответствии с которыми за появление в пьяном виде в общественных местах был предусмотрен штраф в размере 100 рублей. Повторное появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения влекло наказание в виде штрафа в размере от 100 до 300 рублей. Принятый 8 мая 1961 года Указ Президиума Верховного Совета РСФСР регламентировал ответствен-

ность за самогоноварение. Предусматривалось наказание в виде лишения свободы или штраф в размере 300 рублей за хранение самогона, а также оборудования для его изготовления без цели сбыта. Если же устанавливался умысел на сбыт самогона, то данные виды уголовных наказаний дополнялись конфискацией имущества. Для лиц, приобретающих самогон, была предусмотрена административная ответственность в виде штрафа в размере до 50 рублей или материалы по данным фактам передавались на рассмотрение общественного суда[1]. Также предусматривалась ответственность за соучастие в преступлении, когда лица способствовали изготовлению самогона. Для этих целей в статью 158 УК РСФСР «Изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки» были внесены поправки.

12 апреля 1967 года был издан закон «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)»[2], который был направлен на решение сложнейшей задачи советского общества и государства. С позиции разграничения норм административного и уголовного права и различий в отраслевом установлении санкций, помещение в лечебно-трудовой профилакторий следовало относить к нормам административного права хотя бы по той причине, что в соответствии со ст. 62 УК РСФСР применение принудительных мер медицинского характера к алкоголикам и наркоманам выступало дополнительной мерой уголовно-правового воздействия в связи с совершением преступления. Вместе с тем в УК РСФСР 1960 года, в качестве самостоятельного состава преступления, была предусмотрена норма о побеге из лечебно-трудового профилактория» (ст. 186) с санкцией в виде лишения свободы на срок до 1 года[3]. Лечебно-трудовые профилактории официально просуществовали до 1993 года и были ликвидированы в соответствии с Постановлением от 21 июля 1993 года № 5474-1[4]. Таким образом, в послевоенное время и в период «развитого социализма» было предпринято значительное количество мер по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Однако с позиции «вечности проблематики» борьбы с этими негативными явлениями, государственные и общественные меры не привели к окончательной победе советской власти над пьянством и алкоголизмом, хотя нельзя отрицать и их положительный социальный эффект.

Необходимо отметить, что за 30 лет строительства новой России ситуация с фоновыми явлениями, обусловливающими преступность стала меняться. По некоторым данным, однако требующим проверки в 2000 году в нашей стране было зарегистрировано 442,7 тыс преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Всего же за этот год было зафиксировано почти 3 млн преступлений, т. е. доля лиц, совершивших преступления в таком состоянии составила 15,2%. В 2010 году было зарегистрировано 237,3 тыс преступлений совершенных в состоянии алкогольного опьянения, что на 205 тыс меньше по сравнению с показателями 2000 года. Еще через десять лет – в 2020 году было расследовано 315,4 тыс преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, что выше показателей 2010 года на 78 тыс преступлений. В 2024 году количество лиц, совершивших преступления в таком состоянии составило 111,920 тыс. Это означает, что в наши дни ситуация с совершением преступлений в состоянии алкогольного опьянения изменилась в лучшую сторону, по сравнению с 2000-ми, 2010 годами. Однако, как представляется, на эти показатели влияют объективные факторы реальной

[1] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за самогоноварение и изготовление других спиртных напитков домашней выработки»: Москва, 8 мая 1961 года / [Президиум Верховного Совета РСФСР]. – Ижевск. 1 с.

[2] Закон РСФСР от 12 апреля 1967 года «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 16. Ст. 382.

[3] Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст.591.

[4] Постановление Верховного совета РФ от 21 июля 1993 г. № 5474-1 «О порядке введения в действие закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст.1317.

действительности, возникающие при учете преступлений, изменении в законодательстве и другие важные аспекты, повлиявшие на снижение показателей в данной области общественных отношений. К тому же следует согласиться с тем, что на периферии люди больше подвержены рискам алкоголизации [8, с. 204], а это не может не влиять на уровень конфликтогенов, возникающих на почве чрезмерного употребления спиртных напитков и болезней связанных с этим. Проблемы, связанные с профилактикой, предупреждением преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения за последние тридцать лет были обстоятельно исследованы на диссертационном уровне. По мнению Г.А. Юрова, в определенных ситуациях преступного поведения состояние алкогольного опьянения может и даже должно учитываться как смягчающий фактор [9, с. 11]. Учитывая нравственные качества человека и отсутствие умысла на сознательное приведение себя в состояние алкогольного опьянения с этим мнением можно согласиться, поскольку находясь в нетрезвом алкогольном состоянии человек не всегда способен дать объективную оценку сложившейся ситуации, которая может иметь для него уголовно-правовые последствия. Способность объективно оценивать, например конфликтогенную ситуацию ухудшается. Человек, находящийся в состоянии алкогольного опьянения не может адекватно реагировать на провоцирующее поведение потерпевших [10, с. 98]. Между тем, проблема пьянства заключается в том, что в результате систематического употребления алкоголя затормаживаются мыслительные процессы. Человек не может быстро реагировать на поток информации, поступающей в его адрес и принять правильное, с позиции закона, а также с точки зрения здравой логики решение. В результате алкогольного опьянения человек может совершить ошибку в объекте, предмете и личности потерпевшего, что встречается довольно часто, если принять во внимание условия совместного распития спиртных напитков в компании малознакомых или совсем незнакомых людей. Следует согласиться с классическими подходами в исследуемой области общественных отношений в части анализа факторов, объясняющих психофизиологические особенности эмоционального состояния лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, когда обвиняемый совершает активные действия, опережающие мыслительные процессы, находящиеся в заторможенном состоянии. В состоянии алкогольного опьянения искажается перцепция объективной действительности и человек может неправильно воспринимать неопасные действия. Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблемы в быту и на производстве хоть и косвенно, но всё же являются причинами злоупотребления алкоголем, что негативно сказывается на поведении человека. Научные исследования дают основание утверждать, что употребление некачественного алкоголя влияет на эмоциональную стабильность человека и может вызывать такие психические состояния, которые ведут к совершению деяний, не вписывающихся в рамки закона. Нарушения прав, свобод и законных интересов на производстве, повышение времени трудовой занятости, субъективные факторы при стимулировании труда и т.п. вызывают определенную степень подавленности настроения, образуя такие эмоционально-психологические состояния при которых, формируется «обратная реакция» человека на реализацию принципа справедливости в общественных процессах, что в свою очередь толкает индивида на правонарушения, а в некоторых случаях на совершение преступлений.

Список литературы

1. Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с ней: С прил. портр. авт. и ст. М. Слобожанина, акад. А. Ф. Кони, проф. Максима Ковалевского и акад. В. М. Бехтерева / Д. А. Дриль, проф. Психо-неврол. ин-та. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1912. 568 с.
2. Ломоносов М. В. О сохранении русского народа / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.
3. Быкова А. Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дисс… докт. ист. наук. – Омск, 2012. 46 с.

4. Мендельсон Г. А. Алкоголизм и преступность. – М.: Госюриздат, 1956. 100 с.
5. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005 912 с.
6. Преступность, национальная безопасность, бизнес / под общ. ред. А. И. Долговой; Рос. криминолог. ассоц. М., 2012. С. 5–16.
7. Кунц Е. В. Употребление наркотических средств и алкоголя на преступное насилие: вопросы теории и практики / Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: ежеквартальное научно-практическое издание. – Москва : ФКУ НИИ ФСИН России, 2025. С. 200-204.
8. Кунц Е. В. Духовная жизнь общества и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних / Е. В. Кунц // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : Сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России», Саратов, 09 июня 2023 года. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2023. С. 201-206.
9. Юров Г. А. Предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения: автореф. дис… канд. юрид. наук. – Рязань, 2007. 27 с.
10. Бадретдинов А. И. Историко-правовые аспекты формирования уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в дореволюционной России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 90–101.

References

1. Dril D. A. Doctrine of crime and measures to combat it: From add. portr. avt. and Art. M. Slobozhanina, Academician A.F. Horses, prof. Maxim Kovalevsky and Academician V. M. Bekhtereva / D. A. Dril, prof. Psycho-Neurol. int. - St. Petersburg: Shipovnik, 1912. 568 p.
2. Lomonosov M. V. On the preservation of the Russian people / Comp. and resp. ed. O. A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, 2011. 848 p.
3. Bykova A. G. Alcohol issue in the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX centuries: author. diss... doc. east. sciences. - Omsk, 2012. 46 p.
4. Mendelssohn G. A. Alcoholism and crime. - M.: Gosyurizdat, 1956. 100 p.
5. Criminology: Textbook for universities / Under the general. ed. n., prof. A. I. Dolgova. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Norma, 2005 912 p.
6. Crime, national security, business / under the general. ed. A. I. Debt; Grew. criminologist. assoc. M., 2012. Pp. 5-16.
7. Kunts E. V. Use of narcotic drugs and alcohol for criminal violence: questions of theory and practice / Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: quarterly scientific and practical publication. - Moscow: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. Pp. 200-204.
8. Kunts E. V. The spiritual life of society and the problems of preventing juvenile delinquency / E. V. Kunts // Modern global challenges and their neutralization by criminal law, criminological and criminal procedural means: Collection of works based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation within the framework of the III Saratov Legal Forum «Legislative Policy and Law Enforcement in Modern Russia,» Saratov, June 09, 2023 - Saratov: Saratov State Law Academy, 2023. Pp. 201-206.
9. Yurov G. A. Prevention of crimes committed while intoxicated: abstract. dis... cand. jurid. sciences. - Ryazan, 2007. 27 p.
10. Badretdinov A. I. Historical and legal aspects of the formation of criminal liability for the retail sale of alcoholic beverages to minors in pre-revolutionary Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1 (111). Pp. 90-101.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 07.07.2026; approved after 24.08.2026 review; accepted for publication 07.09.2026.

Научная статья
УДК 372.834
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.12.3.012

К вопросу о совершенствовании методики преподавания в высших учебных заведениях правоохранительных органов

А.Н. Станкин
Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются различные методы преподавания слушателям и курсантам в высших учебных заведениях правоохранительных органов на примере образовательных организаций МВД России. По мнению автора статьи, преподаватель высшей школы при проведении занятий свободен в выборе методов и форм обучения, что согласуется с положениями Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». По мнению автора материала, в процессе проведения занятий с курсантами и слушателями, в процессе обучения целесообразно использовать следующие методы обучения: объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, эвристический, исследовательский, проблемного изложения нормативного эмпирического материала. Это позволит уяснять наиболее сложные процессы и явления, происходящие в правоприменительной практике правоохранительных органов.

Ключевые слова: методика преподавания, курсанты, слушатели, преподаватели, правоохранительные органы, система образования, правовое регулирование.

Для цитирования: Станкин А.Н. К вопросу о совершенствовании методики преподавания в высших учебных заведениях правоохранительных органов // Право и государственность. 2026. № 3 (12). С. 84–87.

Original article

On the issue of improving teaching methods in higher educational institutions of law enforcement agencies

A.N. Stankin
St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes various methods of teaching students and cadets in higher educational institutions of law enforcement agencies on the example of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. According to the author of the article, the teacher of any higher school during classes is free to choose methods and forms of education, which is consistent with the provisions of the Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation». According to the author of the material, in the process of conducting classes with cadets and students, it is advisable to use the following teaching methods in the learning process: explanatory-illustrative, reproductive, heuristic, research, problematic presentation of normative empirical material. This will make it possible to understand the most complex processes and phenomena occurring in the law enforcement practice of law enforcement agencies.

Keywords: teaching methods, cadets, students, teachers, law enforcement agencies, education system, legal regulation.

For citation: Stankin A.N. On the issue of improving teaching methods in higher educational institutions of law enforcement agencies // Law and statehood. 2026. № 3 (12). Pp. 84–87.

В системе высших учебных заведений министерства внутренних дел Российской Федерации используются различные методы преподавания слушателям и курсантам. В целом, преподаватель, ведущий занятия свободен в выборе методов и форм обучения, что согласуется с положениями Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В процессе проведения занятий с курсантами и слушателями, целесообразно использовать различные методы

© Станкин А.Н., 2026.

обучения [1, с. 137], такие как объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, эвристический, исследовательский [2, с. 270], проблемного изложения нормативного эмпирического материала.

В системе высших учебных заведений Министерства внутренних дел Российской Федерации, занятия проводятся в форме лекций, семинарских, практических занятий и других формах, необходимых для изучения практического и специального материалов.

Поскольку законодатель отдает приоритет в образовательном процессе не только научный литературе, электронным материалам, подготовленным преподавателями высшего учебного заведения [3, с. 81], следует ориентироваться на учебно-методические комплексы, разработанные авторским коллективом кафедры или в индивидуальном порядке, конкретном преподавателем.

Сложность заключается в том, что в процессе проведения занятия лекционного типа, курсантам и слушателям важно объяснить не только лекционный материал, то есть конкретные вопросы темы и их содержание, но и разъяснить условия использования учебно-методической литературы, программ и комплексов, разработанных авторским коллективом кафедры. Естественно, такой подход достаточно усложняет образовательный процесс в высшем учебном заведении, поскольку кроме обозначенных в лекции вопросов, курсанты и слушатели должны изучить вопросы, которые в последующем требуется обсудить на семинарских и практических занятиях, а также методические рекомендации и программы разработаны на соответствующей кафедре. Такой подход к образовательному процессу нельзя считать достаточно совершенным в силу того, что он загружает лишней информацией обучающихся и создает дополнительные трудозатраты для слушателей, особенно тех, которые проходят обучение по сложным специализированным вопросам.

Между тем, праву на получение высшего образования корреспондирует обязанность предоставить обучающимся соответствующие программы [4, с. 22], по которым они должны проходить подготовку. Априори, на лекции обучающийся должен получать знания, а также дополнительную информацию об используемой литературе, которая имеется на кафедре или в библиотеке института, поскольку, как представляется, в этом заключается реализация на практике обучения разъяснительного подхода в проведении занятия лекционного типа.

Вместе с тем, для совершенствования системы образования и преподавания в высших учебных заведениях важно именно получение слушателями знаний по конкретным изучаемым вопросам, а также информации необходимой для получения положительных оценок на семинарских и практических занятиях, поскольку в процессе обучения наиболее активные слушатели стремятся зарекомендовать себя с положительной стороны и получить хорошие оценки с тем, чтобы в последующем у них была перспектива показать себя перед работодателем дисциплинированным и ответственным работником, которым он себя зарекомендовал ещё в годы обучения. Имеет ли значение для получения качественного образования методические материалы и учебно-методические комплексы, а также программы обучения по конкретным дисциплинам специализации? Представляется, что различные программы и комплексы имеют второстепенное значение по сравнению с уровнем и качеством проведения лекционных занятий наиболее опытным профессорско-преподавательским составом. Интересные лекции и практические примеры развивают мировоззрение у обучающихся, усиливают их стремление к познаниям специальных типов.

В обычной практике педагогической работы, лекционные занятия по объему часов уступают семинарским и практическим занятиям. Однако именно лекции создают основу для дальнейшего понимания сложных и многогранных процессов и явления в практике правоприменения. Вместе с тем лекции, семинары и практические занятия должны быть взаимно связаны по конкретной теме и создавать наиболее ощутимое восприятие обучающихся к предлагаемым вопросам тематического плана.

В процессе проведения занятия важно использовать различные материалы учебных фондов для правильного понимания

роли права в общественных и правоприменительных процессах. Для этого важно использовать иллюстративные материалы, которые необходимы для лучшего восприятия информации в практикоориентированном подходе. Причём качество используемых иллюстративных материалов и слайдов должно быть высоким и понятным с тем, чтобы обучающиеся наиболее легко могли воспринимать информацию об общественных и правоприменительных процессах. К тому же, важно чтобы преподаватель и сам мог без затруднений объяснить смысл и содержание иллюстративного материала, связь его с законодательными источниками, общественными и правоприменительными процессами. В иллюстративном материале, который применяется на лекционных занятиях важно привести соответствующие нормы, правила и образцы, которые представят возможным наиболее полно уяснить содержание вопросов темы. В данном случае, как представляется, будет реализовываться репродуктивный метод применения изученного материала. Необходимо отметить, что различные слайды, используемые в процессе проведения лекционных занятий должны содержать информацию не только о формах, методах, способах и механизмах объясняющих тот или иной вопрос в поставленной на лекционное или практическое занятие теме, но и обеспечивать раскрытие проблемного изложения материала с тем, чтобы слушатели легко могли уяснить актуальные вопросы, стоящие перед законодателем и правоприменителем, а также пути преодоления сложных аспектов, возникающих на практике. При этом важно использовать указанную методику таким образом, чтобы сравнить правовые позиции, выработанные в процессе правоприменительной практики с нормами законодательства, а также позициями учёных по вопросам, поставленным в лекции.

При проведении лекционных и практических занятий с использованием иллюстративного материала важно не только показать различные точки зрения ученых, а также доктринальную правоприменительную практику, но и изложить способы решения проблем, возникающих на практике деятельности органов внутренних дел, а также иных правоприменительных учреждений.

Причём важно чтобы слушатели и сами были активно задействованы в учебном процессе предлагая различные способы и приёмы совершенствования действующего законодательства и практики деятельности правоохранительных органов, участвовали в выработке различных моделей осуществления полномочий должностными лицами.

Формирование дискуссионной площадки на основе проведения не только практических и семинарских занятий, но и занятий лекционного типа позволяет активизировать методику научного поиска слушателями наиболее значимой и актуальной информации, которая должна вырабатываться в сознании обучающихся различных высших учебных заведений.

Список литературы

1. Актуальные проблемы государственного права: обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения» // Евразийский юридический журнал. 2009. № 7 (14). С. 135-146. – EDN KPZHAH.
2. Живодрова Н. А. Использование бизнес-структурами идейных и консолидационных возможностей инновационных научно-исследовательских учреждений в сфере права / М. С. Шайхуллин, Н. А. Живодрова // Модернизационные процессы в современной России: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–26 января 2021 года. – Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2021. С. 268-272. – EDN RPBMAD.
3. Конституция Российской Федерации как модель конвергенции компонентов отечественной правовой системы / А. В. Колесников, Е. А. Абаева, П. А. Астафичев [и др.]. – Москва : Издательство «ДМК ПРЕСС», 2023. 385 с. – ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.
4. Соколов А. Ю. Правовое регулирование деятельности общественных объединений научной направленности / А. Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 21-30. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-21-30. – EDN GRNFVE.

References

1. Actual problems of state law: review of materials of the international scientific-practical conference «Actual problems of improving Russian legislation and law enforcement» // Eurasian Legal Journal. 2009. № 7 (14). Pp. 135-146. – EDN KPZHAH.
2. Zhivodrova N. A. Use by business structures of ideological and consolidation opportunities of innovative research institutions in the field of law / M. S. Shaikhullin, N. A. Zhivodrova // Modernization processes in modern Russia: collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, Penza, January 25-26, 2021. - Penza: Autonomous non-profit scientific and educational organization «Volga House of Knowledge», 2021. Pp. 268-272. – EDN RPBMAD.
3. The Constitution of the Russian Federation as a model of convergence of components of the domestic legal system / A. V. Kolesnikov, E. A. Abaev, P. A. Astafichev [and others]. - Moscow: DMK PRESS Publishing House, 2023. 385 p. - ISBN 978-5-93700-224-2. – EDN OVIUNN.
4. Sokolov A. Yu. Legal regulation of the activities of public associations of scientific orientation / A. Yu. Sokolov // Legal policy and legal life. 2025. № 3. Pp. 21-30. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-3-21-30. – EDN GRNFVE.

Информация об авторе (авторах): Станкин Алексей Николаевич, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия» (192241, г. Санкт-Петербург, Софийская ул., д.52, лит. А), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Stankin Alexey Nikolaevich, Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines of St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the state state educational institution of higher education «Russian Customs Academy» (192241, St. Petersburg, Sofiyskaya St., 52, lit. A), candidate of legal sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 17.08.2026; одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 07.09.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 17.08.2026; approved after 31.08.2026 review; accepted for publication 07.09.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Перед направлением материалов в редакцию научно-правового журнала «Право и государственность» просим Вас ознакомиться с правилами опубликования статей.

Все поступающие в редакцию материалы (научные статьи, рецензии и т. д.) проходят обязательное рецензирование, проверку системой «Антиплагиат» (уровень оригинальности статьи не должен быть менее 70%).

Автор (авторы) должны предоставлять в редакцию материалы, обладающие оригинальностью. К опубликованию не принимаются научные статьи, ранее публиковавшиеся в других изданиях или находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать выводы или предложения в рамках проведенного исследования. Статьи принимаются на русском языке.

Структура статьи.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру:

1. **Индекс УДК.** Для определения индекса УДК можно воспользоваться информационно-справочными системами, описывающими универсальную десятичную классификацию. Индекс УДК должен соответствовать специальности, по которой выполнена научная статья.

2. **Заглавие статьи:** заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю.

3. **Оформление сведений об авторе (авторах).** Ф.И.О. автора (авторов), степень, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, город, страна, e-mail (авторов). Сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. При оформлении указываются инициалы имени, отчества автора и фамилия (пример: И.А. Иванов).

4. **Аннотация и ключевые слова.** Аннотация должна быть не менее 100 слов, представлена на русском и английском языках. Ключевые слова также предоставляются на русском и английском языках, 5 – 10 слов или словосочетаний. Ключевые слова отделяются друг от друга запятой.

5. **Объем рукописи** должен составлять от 7 до 10 стр., формата А4, но не более 20 тыс. знаков.

6. **Список литературы.** На каждый источник, включенный в список литературы, должна быть дана ссылка в квадратных скобках в тексте статьи. При оформлении статьи необходимо указывать в квадратных скобках соответствующие нумерацию и страницу, на которую ссылается автор [1, с. 34–36]. При этом, в списке использованной литературы должны быть указаны все страницы источника на который ссылается автор, полные выходные данные источника.

Цитируемые в тексте нормативные правовые акты должны содержать дату принятия с указанием в скобках даты последней редакции (в ред. от ….) или изменений (с изм. от ….), а также ссылку на первоначальный официальный источник опубликования. Ссылки на справочные правовые системы СПС «Консультант», «Гарант» и др., не допускаются.

Обратите внимание! Если статья выполнена несколькими авторами, то на последней странице представленного материала должно быть указано об отсутствии у авторов научной статьи конфликта интересов. (Авторы заявляют от отсутствии конфликта интересов).

7. **Требования к компьютерному набору:** формат А4; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; поля все 2 см; абзацный отступ 1,25 см.

- Заглавие статьи: кегль 16, заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю;

- Сведения об авторе (авторах): кегль 12, инициалы и фамилия автора полужирным шрифтом; место работы и др. сведения обычным шрифтом с выделением курсива;

- Аннотация и ключевые слова: кегль 12, объем не менее 100 и не более 200 слов;

Текст статьи: кегль 14, объем не более 20 тыс. знаков.

Список литературы и транслитерация: кегль 12, оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

8. **Таблицы (рисунки)** должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: pravoigosudarstvennost@mail.ru

9. Все аспиранты дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя.

10. Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается. Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВО
И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

№ 3 (12) 2026

Подписано в печать 11.09.2026.
Формат 62х84 1/8. Усл. печ. л. 6.08.
Тираж 50 экз.
Отпечатано в типографии ООО МедиаПринт,
450005, Российская Федерация,
г. Уфа, ул. 50 лет Октября, д. 20.

ДЛЯ ЗАПИСИ

ДЛЯ ЗАПИСИ